

«Жомини да Жомини!..»

О значениях крылатой фразы Дениса Давыдова

© Д. Н. ЖАТКИН,

доктор филологических наук

© Н. Л. ВАСИЛЬЕВ,

доктор филологических наук

В статье анализируются реминисценции в русской литературе из стихотворения Д.В. Давыдова «Песня старого гусара» (1817), связанные со ставшей крылатой фразой поэта «“Жомини да Жомини!” А об водке — ни полслова».

Ключевые слова: Д.В. Давыдов, русская литература, крылатые слова, реминисценции, цитаты.

The article analyzes reminiscences from D.V. Davydov's poem «The Song of an Old Hussar» (1817) in the Russian literature of the XIXth–XXth centuries. A special attention is paid to the popular expression «“Jomini and Jomini!” And no half a word about vodka».

Key words: D.V. Davydov, Russian literature, popular expression, reminiscences, quotations.

Поэт и генерал Денис Васильевич Давыдов (1784–1839) оставил небольшое лирическое наследие. Однако строки его стихотворений расходились как афористические цитаты: «Бурцов, ера, забияка, / Событьльник дорогой! / Ради бога и... арака / Посети домишко мой!» (Бурцову. Призывание на пунш, 1804), «Я люблю кровавый бой! / Я рожден для службы царской!» (Песня, 1815), «То был век богатырей! / Но смешались шашки, / И полезли из щелей / Мошки да букашки. / <...> / А глядишь: наш Мирабо / Старого Гаврило / За измятое жабо / Хлещет в ус да в рыло» (Современная песня, 1836) и др.

Особой популярностью пользовалась давыдовская «Песня старого гусара» (1817), где поэт упоминает о генерале Жомини:

А теперь что вижу? – Страх!
И гусары в модном свете,
В вицмундирах, в башмаках,
Вальсируют на паркете!
Говорят умней они...
Но что слышим от любова?
“Жомини да Жомини!”
А об водке – ни полслова [1].

Французский военный теоретик Генрих Жомини (1779–1869) долгое время служил в России; здесь были опубликованы многочисленные переводы его книг: «Военное искусство» (СПб., 1807), «Рассуждение о великих военных действиях, или Критическое и сравнительное описание походов Фридриха и Наполеона, с собранием важнейших правил военного искусства, оправданных подвигами сих двух великих полководцев. С картами и планами» (СПб., 1809–1817), «Общие правила военного искусства» (СПб., 1817) и др. Они широко обсуждались в печати, вызывая живой общественный интерес. Не случайно А.С. Пушкин в черновом варианте первой главы «Евгения Онегина» замечает о своем герое: «И мог он с ними в с(а)мом деле» / Вести [ученый разговор] / И [даже] мужественный спор / О Бейроне, о Манюэле / О карбонарах, о Парни / Об генерале *Жомини*» [2. Курсив здесь и далее наш. – Д.Ж., Н.В.]. В повести А.А. Бестужева «Испытание» (1830) автор произносит «надгробное слово... живым и чуть живым покойникам, за столом и под столом уснувшим», среди которых – «храбрый ротмистр Ольстредин... наш доморощенный *Жомини*, у которого армии летали, как журавли, и крепости лопали, как бутылки с кислыми шами!» [3].

Отклики на «Песню старого гусара» можно встретить в творчестве многих русских писателей. Офицер Мотыльков в пьесе Н.А. Полевого «Солдатское сердце, или Биваки в Саволаксе» (1840) напевает положенный на музыку давидовский текст: «Где друзья минувших лет...», а его пение прерывается возгласами: «Ладно, ловко! Ай, да Денис!», после финальных слов песни – «*Жомини, да Жомини, / А об водке ни полслова!*» – собравшиеся восклицают: «Браво! Молодец! За Дениса Давыдова!» [4].

В повести И.И. Панаева «Онагр» (1841) персонаж-полковник говорит о дочери: «– Конечно, я желал бы ей мужа военного, кавалериста, настоящего, но где теперь взять военных? Что такое нынешние военные? *“Жомини да Жомини, а об водке ни полслова”*, правду сказал Денис Васильич...» [5].

В первой главе очерков «Фрегат “Паллада”» (1852–1855) И.А. Гончаров рассказывает: «Я думал, судя по прежним слухам, что слово “чай” у моряков есть только аллегория, под которою надо разуметь пунш... Но, к удивлению и удовольствию моему, на длинном столе стоял всего один графин хереса, из которого человека два выпили по рюмке, другие и не

заметили его. После, когда предложено было вовсе не подавать вина за ужином, все единодушно согласились. Решили: излишек в экономии от вина приложить к сумме, определенной на библиотеку. О ней был длинный разговор за ужином, “*а об водке ни полслова!*”» [6].

В художественной литературе ставшая такой популярной фраза употребляется в своем «прямом» значении: «Достаточно умных и скучных разговоров, давайте лучше выпьем» [7. С. 380].

Так, в романе П.Д. Боборыкина «Дельцы» (1872—1873) реплика персонажа нацеливает на переход от беседы к трапезе: «Однако, господа: “*Жомини да Жомини, а об водке ни полслова*”, — нельзя ли разрешить на счет закуски?» [8].

В ранней редакции пьесы А.П. Чехова «Иванов» (1887) в речи Лебедева проскальзывает та же аллюзия: «Что ж, господа, *Жомини да Жомини, а о водке ни полслова*» [9]. И.А. Бунин в очерках «Мелкопоместные. Из жизни елецких помещиков» (1891) тоже вводит давыдовскую цитату в реплику одного из героев: «Капитон Николаевич показал ему глазами на Кортаева. Иван Иванович непринужденно расшаркался с последним и вдруг брякнул: “*Жомини да Жомини, а об водке ни полслова. Капитон! Вели-ка подавать пирог!*”» [10].

Важно отметить, что в публицистике, переписке, дневниках крылатая фраза Дениса Давыдова используется в ее втором значении: «Хватит говорить обо всем, вокруг да около: пора переходить к самому главному» [7. С. 381].

Так, А.И. Герцен хорошо знал поэзию Дениса Давыдова, в своих письмах он неоднократно использует фрагмент его крылатого выражения: «Сатин [Н.М. Сатин], право, может рассказать очень многое, да ведь из него надобно выковырять, иначе он всё будет шиллерничать и *об деле ни полслова*» [11. Т. 22. С. 102]; «В “Таймсе” написан какой-то вздор о наказании мертвых, *а о Кочубее ни полслова*» [Там же. Т. 14. С. 393].

И в фельетоне К.М. Станюковича «Письма “знатного иностранца”. 1878—1897» знаменитая цитата употребляется в переносном значении подмены главного несущественным: «Я уже хотел было идти домой, как около меня (...) раздался меланхолический баритон:

— *Жомини да Жомини, а о водке ни полслова. (...).*

— Что вы изволили сказать? — переспросил я.

— *Жомини да Жомини, а о водке ни полслова!* — снова повторил старый джентльмен.

— Что же это значит?

— А то значит, милостивый государь, что я шел на лекцию и думал узнать, во что обошлись нам крейсеры, каковы их качества, наконец каким образом могли бы действовать они в случае вооруженного столкновения, и могли ли бы еще действовать, так как, запертые в одном порте, они легко могли бы так и остаться там, блокированные врагами. (...) Все

эти вопросы остались открытыми, а вместо того – *Жомини да Жомини*, – проговорил недовольный джентльмен...» [12].

Строки «Жомини да Жомини...» используются как призыв прекратить пустые разговоры и заняться реальным делом в заметке В.И. Ленина «Кабинет Бриана», напечатанной в «Правде» 18 января 1913 года: «Загляните в либеральные газеты, например в “Речь” № 11. Вы увидите подробнейший рассказ о том, где министры учились, где служили. Вы увидите бесстыдную рекламу и желание подслужиться: Жоннар – друг короля Эдуарда! Бодэн – племянник коммунара! “Жомини да Жомини, а о водке ни полслова”. О сути дела “Речь” молчит. А суть эта очень проста: вся тройка – самая прожженная и бесстыдная компания финансовых дельцов и аферистов» [13].

М.М. Пришвин 20 февраля 1920 года включил в дневник набросок обращения к наркому здравоохранения Н.А. Семашко: «И чем жить в Москве, даже остановиться негде, больной любимый мальчик на руках, жена больная, ну невозможно! Конечно, если Вас хорошенько бы использовать, то можно бы все сказать, да ведь Вы догадываетесь, какой я насчет помощи капризный (порошку, лекарств – это можно, ну, а о водке – ни полслова)» [14].

Е.И. Замятин в письме 13 июля 1926 года К.И. Чуковскому по поводу его киносценария замечает: «Вы, вероятно, читаете и думаете: “*Все Жомини да Жомини, а о Бородуле ни полслова*”. Ну, так вот полслова: “Бородулю” я, было, начал читать, но давалось это в газете такими крошечными огрызками и огарками, что я со второго же номера бросил: это все равно, что чайной ложкой щи хлебать – лучше потом прочитать все сразу» [15].

Л.П. Карсавин в статье «О сущности православия» (1922), опубликованной в берлинском сборнике «Проблемы русского религиозного сознания» (1924), тоже вспоминает строки поэта-партизана: «“*Жомини, да Жомини, а о водке ни полслова!*” – жаловался Денис Давыдов на гусаров нового поколения. – В частной и личной жизни мы встречаем те же черты. Русский ученый в большинстве случаев не любит кропотливой и мелкой работы. Он... мечтает о том, как бы разрешить мировые проблемы, часто почти в наивной уверенности, что от него решение их зависит» [16].

В письмах, сохранившихся в архивах редакций «Современных записок» и «Журнала Содружества», в частных собраниях за рубежом, крылатая фраза Давыдова отражала как пустоту долгих бесед о второстепенном, в ущерб злободневным вопросам, так и невозможность решить проблемы, значимые для адресата, например: «Видел два раза Кочаровского; толковали о том, о сем, – “*а о водке ни полслова*”» (из письма В.В. Руднева к М.В. Вишняку от 3 июня 1925 г.) [17. Т. 1. С. 242]; «*Жомини да Жомини, а о водке – ни полслова!* – Денег у меня есть сегодня 15

м(арок) для г. Добровольского. Как накоплю 20 – вышлю сию же секунду» (письмо Н.Н. Сергиевской в редакцию «Журнала Содружества» от 23 апреля 1934 года) [18]; «Милый Социалист, “об водке ни полслова” потому, что я вдребезги болен, ослабел... Секите мне голову, а я не виноват. Как поправлюсь, в первую голову подумаю о Вас» (из письма И.А. Бунина к М.В. Вишняку от 24 февраля 1939 года) [17. Т. 2. С. 924].

Крылатое выражение в переносном смысле фигурирует в усеченном виде в размышлениях двух ученых, профессоров Пискарева и Зеневича, в повести В.Ф. Тендрякова «Затмение» (1977): «Все это “жомини да жомини” – разговоры на отвлеченные темы, а кто-то должен был делать науку, обещающую: “Хлеб наш насущный даждь нам днесь”» [19].

Поскольку «Руси веселие пити», крылатая фраза Дениса Давыдова нередко появляется в русской военно-исторической прозе.

В романе Б.А. Лавренева «Синее и белое» (1933) в реплике прошедшего путь с цусимской эскадрой командира «Светланы» Масельского, обращенной к навестившему его гардемарину Глебу, ощутима тоска по прежней морской вольнице: «Скучный у вас, молодежи, флот стал. Генмор (Морской генеральный штаб. – Д. Ж., Н. В.), стратегия, доктрина. “Жомини да Жомини, а о водке ни полслова”. А Руси веселие пити» [20].

Вышедшая в годы Великой Отечественной войны мемуарная книга разведчика, дипломата, полковника Генерального Штаба русской армии, впоследствии генерал-лейтенанта Советской Армии А.А. Игнатьева «Пятьдесят лет в строю» воссоздала атмосферу жизни выпускников военной академии: «После обеда, когда совсем стемнело, на большом полковом плацу запылал костер, осветивший смуглые бородатые лица песенников лейб-эскадрона, белые ментики и красные фуражки. Варилась “жженка”, и все хором пели песни героя Отечественной войны, гусара и партизана Дениса Давыдова: “Где друзья минувших лет, / Где гусары коренные? / (...) / Говорят, умней они... / Но что слышу от любовова? / Жомини да Жомини! / А об водке ни полслова!..” Последний куплет повторялся специально для меня, окончившего основанную генералом Жомини академию» [21].

Герой повести Ю.В. Давыдова «Синие тюльпаны» (1989), бывший узник ГУЛАГа, работающий над книгой о шефе III отделения А.Х. Бенкендорфе, вдруг осознает, что не знает некоторых исторических деталей, – и здесь давыдовская реминисценция тоже оказывается уместной: «Милий Алексеевич сконфузился. Он не знал или, скажем деликатнее, призабыл, где находилось это важное учреждение в те годы, когда корпусом командовал басистый Васильчиков. Конфуз свой возместил Башуцкий знанием штабной поэтажности – эрудиция редкостная. Кроме кабинетов, богато убранных, там были: зала для лекций свитским офицерам, арсенал, типография, солидная библиотека, редакция

“Военного журнала”. Короче, “*Жомини да Жомини, а об водке ни полслова*” [22].

В романе В.С. Пикуля «Битва железных канцлеров» (1977) говорится о сыне генерала Жомини, тоже служившем в России: «Русский дипломат Жомини, всю жизнь выглядывая из-за плеча Горчакова, обожал тень. Оттого-то читатели больше знают его отца, которого обессмертил Денис Давыдов:

Жомини да Жомини,
А об водке ни полслова!

Александр Генрихович Жомини считался “Нестором русской дипломатии”, как никто другой знавший все ее тайны, и, подобно Горчакову, он долго был гоним по службе канцлером Нессельроде» [23]. В исторической миниатюре «Ужин у директора Государственного банка» давыдовская цитата связывает рассказ автора о «несравненном стилисте» А.Г. Жомини, который «целых полвека блестяще редактировал все политические документы России», и сцену в Гатчине, где Александр III «удил рыбку в мутных прудах» с начальником своей охраны генералом Черевиным: «В высоких драгунских сапогах с блямбами, стоя по колено в воде, он нехорошо смотрел на подходящего с поклонами министра. *Жомини да Жомини, а об водке ни полслова...* Петя! — повернулся он к Черевину. — Полчаса уже прошло... плесни-ка!» Черевин преподнес ему гвардейский “тычок” (без закуски)» [24].

Шутливая фраза из «Песни старого гусара», став крылатым выражением [25], обрела долгую жизнь в художественной литературе и публицистике, Толстой взял ее эпиграфом к своей повести «Два гусара», к ней обращались Гончаров, Чехов, Бунин, Герцен и Ленин, писатели XX века.

Литература

1. Давыдов Д.В. Стихотворения. Л., 1984. С. 86.
2. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. В 16 т. М., 1937. Т. 6. С. 217.
3. Бестужев-Марлинский А.А. Соч. В 2 т. М., 1958. Т. 1. С. 172.
4. Полевой Н.А. Драматические сочинения и переводы. В 2 ч. СПб., 1842. Ч. 2. С. 99–101.
5. Панаев И.И. Онагр // Отечественные записки. 1841. Т. XVI. № 5. С. 64.
6. Гончаров И.А. Полн. собр. соч. и писем. В 20 т. СПб., 1997. Т. 2. С. 21–22.
7. Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка. В 2 т. Магнитогорск; Greifswald, 2008. Т. 1.

8. *Боборыкин П.Д.* Сочинения. В 9 т. СПб. – М., 1886. Т. 8. С. 206.
9. *Чехов А.П.* Полн. собр. соч. и писем. В 30 т. М., 1978. Т. 11. С. 254.
10. *Бунин И.А.* Собр. соч. В 6 т. М., 1987. Т. 2. С. 366.
11. *Герцен А.И.* Собр. соч. В 30 т. М., 1954–1966.
12. *Станюкович К.М.* Полн. собр. соч. В 12 т. СПб., 1907. Т. 9. С. 319, 321.
13. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. В 55 т. М., 1976. Т. 22. С. 297.
14. *Пришвин М.М.* Дневники. 1920–1922. М., 1995. С. 240.
15. *Замятин Е.И. и Чуковский К.И.* Переписка (1921–1928) / вступ. ст., публ. и коммент. А.Ю. Галушкина // Евгений Замятин и культура XX века: Исследования и публикации. СПб., 2002. С. 236.
16. *Карсавин Л.П.* Сочинения. М., 1993. С. 364.
17. «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М., 2011.
18. Редакционная переписка «Журнала Содружества» (Viipuri (Выборг), 1932–1938) за 1932–1936 годы с приложением Полной росписи содержания журнала: Из истории русской эмиграции в независимой Финляндии / сост., вступ. ст., подгот. текстов, коммент. и послесл. А.Г. Тимофеева. СПб., 2010. С. 246.
19. *Тендряков В.Ф.* Затмение: Повести. М., 1986. С. 37–38.
20. *Лавренев Б.А.* Избранные произведения. В 2 т. М., 1972. Т. 2. С. 246.
21. *Игнатъев А.А.* Пятьдесят лет в строю. В 2 т. М., 1955. Т. 1. С. 157–158.
22. *Давыдов Ю.В.* Синие тюльпаны: Повесть о бывшем зэке и тайном сыске // Дружба народов. 1990. № 12. С. 44.
23. *Пикуль В.С.* Битва железных канцлеров. Париж на три часа. М., 1991. С. 49–50.
24. *Пикуль В.С.* Как трава в поле...: Миниатюры. СПб., 1992. С. 423.
25. *Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н.* Словарь поэтического языка Д.В. Давыдова. М., 2016.

*Пензенский государственный
технологический университет*

*Национальный исследовательский
Мордовский государственный
университет им. Н.П. Огарева*

Именование хроникера в романе Ф.М. Достоевского «Бесы»

© С. А. СКУРИДИНА,
кандидат филологических наук

В статье подробно анализируется трехчастный антропоним хроникера романа Ф.М. Достоевского «Бесы», выявляется обусловленность его имени и отчества древнерусской летописной традицией, а также предлагаются варианты расшифровки фамилии персонажа.

Ключевые слова: антропоним, Антон Лаврентьевич Г-в, Ф.М. Достоевский, «Бесы».

The article analyzes in detail the three-part chronicler anthroponym of the Dostoevsky's novel «Demons», reveals the conditionality of his name and patronymic from of the old-Russian chronicle tradition, offers options of deciphering the names of the character.

Key words: anthroponym, Anton Lavrentjevich G-v, Dostoevsky, «Demons».

Образ хроникера в романе «Бесы» Ф.М. Достоевского давно привлекает внимание исследователей. По мнению Д.С. Лихачева, Ф.М. Достоевскому «рассказчики и хроникеры были нужны, чтобы ввести самого себя в действие, максимально это действие объективировать» [1].

У Достоевского было пристрастие к семантически маркированным именам. Подобные имена персонажей, зачастую являющиеся ключом к разгадке того или иного образа, структурно организуют произведения, становясь квинтэссенцией постоянных размышлений писателя о важных проблемах истории и современности.

В связи с этим интересно именование хроникера в романе «Бесы». «Прощайте, батюшка, не знаю вашего имени, отчества, — обратилась она ко мне. — Антон Лаврентьевич... — Ну, все равно, у меня в одно ухо вошло, в другое вышло», — говорит Прасковья Ивановна Дроздова, намекая, что ей не запомнить услышанного, да и незачем это делать [2. Т. 10. С. 102–103]. Интересно, что полное имя повествователя «Бесов» упоминается только трижды, в остальных случаях он именуется

хроникером. *Хроника* от греч. хроника – «летопись», «временные, исторические книги» [3].

Ю.Ф. Карякин замечает, что недаром в «Бесах» названы (вроде бы походя) «исторические хроники» Шекспира и (совсем уже не походя, а настоячиво) упоминается «Откровение от Иоанна» – тоже ведь своеобразная хроника конца света. Это же как обозначение масштаба в уголке карты: значит, «Бесы» («провинциальная хроника») и непостижимы вне контекста мировой культуры, вне контекста всемирно-исторического [4. С. 75].

Конечно же, эмблематично отчество хроникера «Бесов» *Лаврентьевич*. По замыслу автора, оно, несомненно, должно было напомнить русскому образованному читателю о Лаврентьевском списке «Повести временных лет», являющейся цельной, литературно изложенной историей Руси. Свод 1305 года, переписанный в 1377 году монахом Лаврентием, представлял собой великокняжеский владимирский свод, составленный в период, когда великим князем владимирским был тверской князь Михаил Ярославич. В основе его лежал свод 1281, дополненный (с 1282) тверскими летописными известиями. Думается, что Достоевскому была известна косвенная связь Лаврентьевского списка с тверской землей, а также была известна деятельность князя Михаила Ярославича, поддерживающего тверское летописание и придававшего ему форму летописания княжеского [5], поэтому Антон Лаврентьевич становится хроникером города *Т.*, за буквенным обозначением которого скрывается *Тверь* [6] – город, о котором Ф.М. Достоевский писал брату: «Теперь я заперт в Твери, и это хуже Семипалатинска. Хоть Семипалатинск в последнее время изменился совершенно (не осталось ни одной симпатичной личности, ни одного светлого воспоминания), но Тверь в тысячу раз гаже. Сумрачно, холодно, каменные дома, никакого движения, никаких интересов, – даже библиотеки нет порядочной. Настоящая тюрьма! Намереваюсь как можно скорее выбраться отсюда...» [2. Т. 28. Кн. 1. С. 337].

Интересно, что у имени *Антон* также есть своя «литературная» история: *Антоний* Спасоярославский, иеромонах, современник Ивана III, составил «Житие с чудеса Св. благоверного кн. Федора Ростиславича Черного, чудотворца смоленскаго и ярославскаго», *Антоний* Подольский – монах западнорусский, живший в Москве при царе Михаиле Федоровиче и оставивший несколько сочинений, отчасти известных по рукописям, отчасти изданных, среди которых и предисловие к Русскому хронографу 1512 года [7].

Как видим, имя и отчество ставят вымышленного повествователя «Бесов» в один ряд с составителями летописей, а следовательно, являются средством создания образа потомка хроникеров, наследника Лаврентия, продолжателя летописных традиций.

Дискуссионной является зашифрованная фамилия хроникера романа. Заслуживает внимания замечание Ю.Ф. Карякина, попутно объясняющего название романа Ф.М. Достоевского, о связи образа хроникера «Бесов» с образом пушкинского Ивана Петровича Белкина, так описывающего местность вокруг села Горюхина: «К востоку примыкает она к диким, необитаемым местам, к непроходимому болоту, где произрастает одна клюква, где раздается лишь однообразное кваканье лягушек и где суеверное предание предполагает быть обиталищу некоего беса. NB. Сие болото и называется *Бесовским*». Антону Лаврентьевичу и суждено было стать Хроникером событий в одном губернском городе, превратившемся в «Бесовское болото». По мнению Ю.Ф. Карякина, и «Гринев есть тот же Белкин, только пишущий уже от себя и о себе», отсюда «слишком уж соблазнительное созвучие»: Гринев – господин Г-в [4. С. 79].

Продолжая мысль исследователя о влиянии пушкинских текстов на творчество Ф.М. Достоевского, мы хотели бы обратить внимание на упоминание в «Истории села Горюхина» историков, среди которых автор «Деяний Петра Великого» И.И. Голиков. Возможно, что, используя буквенное обозначение Г-в, за которым вполне может скрываться фамилия Голиков, Ф.М. Достоевский хотел вписать своего хроникера не только в ряд летописцев, но и в ряд современных историков. К тому же, известно неприязненное отношение Ф.М. Достоевского к деятельности Петра Первого: «Реформа Петра Великого и без того нам слишком дорого стоила: она развредила нас с народом», «петровская реформа, продолжавшаяся вплоть до нашего времени, дошла, наконец, до последних своих пределов. Дальше нельзя идти, да и некуда: нет дороги, она вся пройдена» [2. Т. 18. С. 35–36]. Описанные в «Бесах» события – последствия петровских преобразований, ведь неслучайно главные герои, «птенцы» бесовского гнезда, окрыленные новыми разрушительными идеями, появляются на страницах романа, возвращаясь из-за границы. Так, подобно *И.И. Голикову*, автору «Деяний Петра Великого», Антон Лаврентьевич Г-в становится автором «деяний» *Петра* Верховенского.

А.Г. Достоевская предлагает своего брата И.Г. Сниткина в качестве прототипа хроникера «Бесов»: «На возникновение новой темы повлиял приезд моего брата. Дело в том, что Федор Михайлович, читавший разные иностранные газеты (в них печаталось многое, что не появлялось в русских), пришел к заключению, что в Петровской земледельческой академии в самом непродолжительном времени возникнут политические волнения. Опасаясь, что мой брат по молодости и бесхарактерности может принять в них деятельное участие, муж уговорил мою мать вызвать сына погостить у нас в Дрездене <...> Федор Михайлович, всегда симпатизировавший брату, интересовался его занятиями, его знакомствами и вообще бытом и настроением студенческого мира. Брат

мой подробно и с увлечением рассказывал. Тут-то и возникла у Федора Михайловича мысль в одной из своих повестей изобразить тогдашнее политическое движение и одним из главных героев взять студента Иванова (под фамилией Шатова), впоследствии убитого Нечаевым. О студенте Иванове мой брат говорил как об умном и выдающемся по своему твердому характеру человеке и коренным образом изменившем свои прежние убеждения. И как глубоко был потрясен мой муж, узнав потом из газет об убийстве студента Иванова, к которому он чувствовал искреннюю привязанность» [8. С. 199–200].

Воспоминания А.Г. Достоевской наводят на размышления о фамилии хроникера: может быть, Ф.М. Достоевский буквами *Г-в* зашифровал усеченное отчество того, чья история под рукой мастера стала романом «Бесы»? Сниткин Иван Григорьевич – Григорьев – Г-в?

Как видим, антропоним хроникера, несущий идею преемственности, имеет глубокий смысл. История провинциального города, написанная литературным сыном монаха Лаврентия, тезкой монахов Антония Спасоярославского и Антония Подольского, приобретает глобальный масштаб, становясь частью мировой истории.

Литература

1. Лихачев Д.С. Достоевский в поисках реального и достоверного // Лихачев Д.С. Литература – реальность – литература. Л., 1981. С. 53–72.
2. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Л., 1974. Т. 10. С. 520.
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. М., 1987. Т. 4. С. 278.
4. Карякин Ю.Ф. Зачем хроникер в «Бесах»? // Литературное обозрение. 1981. № 4. С. 75.
5. Приселков М.Д. Великокняжеский свод 1305 г., составленный в Твери, Великокняжеские своды 1318 и 1327 гг., составленные в Твери // Приселков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 159–168.
6. Альтман М.С. Этюды о романе Достоевского «Бесы» // Прометей. 1975. № 5. С. 443.
7. Антонии монашествовавшие. Электронный ресурс: https://ru.wikisource.-org/wiki/ЭСБЕ/Антонии,_монашествовавшие (дата обращения – 22.07.16).
8. Достоевская А.Г. Воспоминания. М., 1981.

Воронежский государственный
архитектурно-строительный университет

Авангардное в поэтике «Жизни Клима Самгина» М. Горького*

© Л. М. БОРИСОВА,
доктор филологических наук

© Е. А. БЕЛОВА

В статье обращается внимание на геометризм и другие виды знаковой образности, различные проявления абсурда, деконструктивизма, деперсонализации, принцип отстранения в поэтике горьковского романа – признаки, свидетельствующие о творческом родстве М. Горького с авангардом.

Ключевые слова: поэтика, авангард, отстранение, абсурд, супрематизм.

The authors pays attention to geometrism and other kinds of sign figurativeness, various manifestations of absurd, deconstructivism, depersonalization, the principle of defamiliarization in the M. Gorky's novel. All these features indicate Gorky's connection with avant-garde.

Key words: poetics, avant-garde, defamiliarization, absurd, suprematism.

В «Жизни Клима Самгина» Горький отходит от привычной описательной манеры, вплотную подходит к сюрреализму: дома «прыгают, как клавиши рояля», в озере плавают листья – «ладони с обрубленными пальцами», звук окна – как начало зубной боли, могила отца напоминает Климу челюсть беззубой старухи, крыши крестьянских домов похожи на крышки гробов, окна фабрики скалятся, точно зубы. В городе, застроенном Варавкиными «казарменными домами», старые деревянные

* Окончание. См.: Русская речь. 2017. № 1.

«торчат, как настоящие, но гнилые зубы в ряду искусственных» [1. Т. 22. С. 494].

«Мы хотим, чтобы слово смело пошло за живописью», — писал Хлебников [2]. Как видим, Горький продвигался в том же направлении. И примечательно, что его авангардная поэтика ярче всего проявляется в портрете и пейзаже, которые у самих авангардистов особенно упрямо сопротивлялись супрематическим формам. Ландшафт и лицо «так и не удалось скрыть ни за урбанистическими декорациями, ни за супрематическими масками и костюмами» [3].

Но авангардное начало присутствует не только в описаниях, оно свойственно и психологическим характеристикам. Герой то чувствует себя тонкой длинной ниткой — «она запутанно протянута по земле, и чья-то невидимая рука туго завязывает на ней узлы» [Т. 23. С. 186], то «буйство мысли раскачивает его, как удары языка в медное тело колокола» [Т. 24. С. 55]. Ср. у Маяковского: «Я душу над пропастью натянул канатом» [4. С. 206], «Сердце — холодной железкою», «У церковки сердца занимается клирос» [Там же. С. 176; 180]. И наконец, самая эпатажная из футуристических медитаций Самгина: он чувствовал себя «пустой бутылкой, — в горлышко ее дует ветер, и она гудит: “О-у-у...”» [Т. 23. С. 55–56].

В авангардном изображении человек часто распадается, по выражению Ю.Н. Гирина, на «собственные отслоения-гетеронимы» [5]. Яркий пример этой тенденции у Горького — ночной кошмар Самгина с участием целого полчища его двойников и больной бред героя накануне девятого января, в котором тысячерукое тело, готовое двинуться к Зимнему дворцу, вдруг дробится на единицы, единицы размножаются на сотни себе подобных, а затем вновь образуют густейшую массу одинаковых фигур.

Массовидное тело, а именно так Горький неизменно рисует толпу, — излюбленный прием авангардной деперсонализации. Лишь только несколько человек в романе объединяются делом (любым!), они тут же становятся одним существом, как те трое, которые выносят из гостиничного номера тело Лютова. Скандалящие тут же Алина, Макаров, Иноков и Дуняша тоже соединяются в единый организм. «Бесформенное, безрукое тело» образуют участники радения. Сбиты в единое уродливое существо поклонники Диомидова-проповедника, у всех у них одинаково вытянуты длинные шеи и как будто нет рук. На конспиративном собрании, куда Самгин пришел послушать Гапона, рабочие сидят друг у друга на коленях, иногда по трое на двух стульях, образуя «настолько слитное целое, (...) что сквозь запотевшие очки Самгин видел на плечах некоторых по две головы» [Т. 22. С. 531]. Но стоит ему оглянуться, подвинуться, и картина тут же, как в калейдоскопе, меняется: огромный кочегар на голову возвышается над остальными рабочими, стоящими

вокруг него плечо к плечу. «Под эту голову становились десятки, сотни людей. Создавалось тысячерукое тело с одной головой» [Там же. С. 532]. Неизменным остается одно: масса во всех случаях имеет вид однолитного человека, вроде того, о котором мечтал Малевич, писавший: «Это будет наивысшей точкой сути мира, завершением в огромном “я” миллионов единиц, приобщение всего к образу “существа”, явившегося через коллективное единство» [6].

Герои Горького недаром предаются рассуждениям о том, что «масса — это вещество, из которого делаются герои, это материал» [Т. 24. С. 26]. Масса в романе и представлена своеобразной материей — не сразу поймешь, живой? мертвой? И той, и другой вместе. Публика в театре Омона — это нагие спины, плечи, руки, «обтянутые красноватой и желтой кожей». «На барьерах лож, рядом с коробками конфет, букетами цветов, лежали груди» [Т. 22. С. 340]. Ср. у Маяковского: «В ресторане было от электричества рыжо, / кресла облиты в дамскую мякоть» [4. С. 90]. Празднующий Пасху народ — сплошная поверхность голов, «лысых черепов, похожих на картофель, орехи, горошины»; на Дворцовой площади 9 января, как зерна на сковородке, подсакивают головы. Ср. у Маяковского: «Ругань металась от писка до писка, / и до-о-оо-лго / хихикала чья-то голова, / выдергиваясь из толпы, как старая редиска» [Там же. С. 57]).

Массу можно сбить в ком, «огромный темно-зеленый ком» из людей в студенческих мундирах, который «стискивают и медленно катят, толкают в широко открытую пасть манежа» солдаты на Моховой [Т. 22. С. 321]. Масса может завязываться в узлы («Узел из людей, образовавшийся в толпе, развязался (...)» [Там же. С. 549]), рваться на части: «От плоти демонстрантов отрывались, отскакивали отдельные куски (...)» [Т. 24. С. 550]. Плотность массы-материи, как и у Маяковского, измеряется в единицах: «ком» скатывается из «зеленых единиц», тело толпы дробится на единицы. Оторвавшиеся куски оказываются «фигурами», на смену им в массу вливаются «десятки» (те же единицы) новых людей. Масса прорисована у Горького не более определенно, чем у Филонова, Жегина и других представителей авангарда. Лишь в редких случаях «единицы» приобретают знакомый вид проповедника с тремя пальцами, Диомидова, грузчика, деревенского печника с тем, чтобы в следующий момент вновь стать неопределенными силуэтами.

Вся эта эпатажирующая образность в «Жизни Клима Самгина» носит не случайный и далеко не декоративный характер. В ее основе, как и у авангардистов, лежит принцип остранения, цель которого, как писал Шкловский, — вывести вещь из автоматизма восприятия. Для этого нужно увидеть, а не «узнать» слово. В. Шкловский определял остранение как загадку, которая представляет собой «рассказывание о предмете

словами, его определяющими и рисующими, но обычно при рассказывании о нем не применяющимися» [7].

Горький ценил возможность остранения и прибегал к нему вполне сознательно. «Действительность, видимая впервые, ощущается как фантастика, это ощущение очень важно сохранить», — писал он в феврале 1923 года Шкловскому по поводу книги Э. Триоле «На Таити» [8. Т. 14. С. 148]. А ей самой советовал отнестись к чужому «с тою же наивностью и тем же страхом, с каким отнесся бы туземец Таити к жизни европейца» [Там же. С. 190]. Читатель «требуется, чтоб о знакомом ему рассказали интересно, незнакомо» [Там же. Т. 15. С. 249], — напоминал Горький В. Нарбуту.

«Для художественного восприятия типична наша материальная незаинтересованность в нем», — констатировал Шкловский [9]. «Жизнь Клима Самгина» рассчитана на «материально заинтересованное» прочтение. Остраняющий образ у Горького не только максимально визуализирован, но и предельно акустически насыщен. В дни декабрьского восстания герой слышит удары пушек: то будто в оконное стекло подушкой, то будто хлопнуло полотнище ворот, закрытое порывом ветра, то будто на небо натянули кожу и били, как по барабану, огромным кулаком. Снаряды рвутся со звуком то лопающихся березовых почек, то лопающихся огромных протухших яиц, а «пули шелкают, как ложкой по лбу» [Т. 23. С. 94].

Неизвестное Горький объясняет через обыденное, хорошо знакомое представляет чем-то небывалым. Такая привычная для современников писателя картина, как священник, благословляющий паству, в «Жизни Клима Самгина» выглядит совершенно фантастически: «человек с горящей разноцветно головой осенил людей огненным крестом» [Т. 22. С. 329]. Про облачение архиерея автор, уточняя, говорит также: на его голове был «золотой пузырь». Горький обходится реалистическими средствами при описании разве что бытовой стороны жизни, но все сколько-нибудь значительные события изображаются неизменно остраненно.

Нелепо устроен прежде всего сам мир, в котором обитают герои. От лица разных персонажей автор не устает отмечать странности и неправильности в природе. Рассказывая о своем путешествии по югу, Лидия Варавка вспоминает: море — «большая, жидкая скука... чавкает, как миллион свиней», горы — «каменная скука... камни скрипят точно зубы» [Т. 21. С. 170], Кавказ — «адский пейзаж с черными фигурками недожаренных грешников» [Там же. С. 408]. Берег реки похож у Горького на голову свиньи, деревья содрогаются, как ноги паука. Так же непривычен и городской пейзаж: Москва — это пестро раскрашенный пряник, где колокольня Ивана Великого вонзается в небо, как огромный уродливый палец с медным ногтем, а символ Петербурга — Александровская

колонна – напоминает фабричную трубу, из которой вылетел и нелепо застыл в воздухе бронзовый ангел. И дважды ненормален провинциальный город, в котором падают дома: рушащаяся казарма, шевелясь жердями и тесинами, хватая строителей, как паука.

Необъяснимо-странными выглядят в романе вид и действия героев, народа, власти. О толпе, идущей приветствовать царя, сказано: «Миллионы селедок идут сплошною, слепую массой метать икру!» Этот образ художественно организует весь эпизод Ходынской катастрофы. Герои наблюдают с крыши место торжеств в подзорную трубу и видят колебания «икринок», поле кажется им смазанным толстым слоем икры, «в темной массе её, среди мелких, кругленьких зерен, кое-где светились белые, красные пятна, прожилки» [Там же. С. 467]. Самая бросающаяся в глаза деталь в картине покушения на губернатора – лошадь, идущая на трех ногах, а «вместо четвертой в снег упиралась толстая струя крови» [Т. 23. С. 169].

Странный вид имеет в изображении Горького и отдельный человек: у Диомидова сбившиеся на плечах рукава рубахи похожи на измятые крылья, его голова, разделенная прямым пробором, кажется Климу расколотой. Расчленять тело любит и художественный, и литературный авангард. Ср. у Хармса: «Где я потерял руку / она была, но отлетела / я в рукаве наблюдаю / скуку моего тела» [10].

Горький фиксирует все возможные нелепости в поведении, жестах, мимике окружающих: вот Безбедов внезапно прерывает свою речь, хлопнув губами, «точно откупорил бутылку»; вот Лидия ходит по комнате и касается вещей, «точно пробует: горячи они или холодны»; Любаша, теряя сознание, взмахивает руками, точно бросаясь в воду; какой-то велосипедист везет на плече ... свою большую бороду; лектор-доцент, дрыгая ляжками, отталкивает фалды фрака так, что «ягодицы его казались окрыленными»; зарубленный рабочий лежит перед Зимним в луже крови, словно пьет ее. Все эти детали, отпечатавшиеся в сознании Самгина, свидетельствуют о его совершенной незатронутости происходящим.

Остранение, кроме того, подчеркивает полную рассогласованность действий и потаенных чувств; истинные намерения человека особенно часто выдает шулерское обращение со словом. Некий деятель кадетской партии ораторствует, играя цепочкой часов, «а пальцами другой руки как бы соля воздух» [Т. 23. С. 306]; Попов, стоя перед Мариной, лепит «пальцами в руке различные фигуры, точно беседуя с глухонемой» [Т. 24. С. 57]; в окружном суде очередной интеллигент рассуждает о Гамсуне, почесывая под мышкой, «как бы вытаскивая медленные слова из бокового кармана» [Там же. С. 509].

Именно остранение на суггестивном уровне передает ощущение гибнущего мира, истерзанности определенного человеческого вида и его

готовности самоупраздниться. Лидия делает движение, как будто пытается «сложить плечо с плечом, закрыться, точно книга» [Т. 22. С. 149]; доктор Любомудров завязывает галстук с такой энергией, словно собрался «перервать горло себе» [Там же. С. 622]; голова Митрофанова вышвысается над столом, «точно отрезанная и уложенная на ладони» [Там же. С. 387]; Диомидов стоит, как удушенный, «опустив руки вдоль тела, склонив голову к плечу» [Т. 21. С. 405], в другой раз в этой же позе автор запечатлел Кумова.

Остранение позволяет Горькому создавать сложные концептуальные построения, не злоупотребляя публицистичностью и обличительными эпитетами. С этой точки зрения особенно выразителен эпизод патриотической демонстрации, участником которой в первые дни русско-японской войны стал Самгин. Клим испытал подобие шока, увидев, «что люди впереди его становятся карликами. Не сразу можно было понять, что они падают на колени, падали они так быстро, как будто невидимая сила подламывала им ноги» [Т. 22. С. 487]. «Игрушечно маленькой» выглядит и вознесенная над тысячеглавой карликовой толпой царская чета на балконе дворца. Картина эта подкрепляется далее идиллическим пейзажем: белое поле, маленькие лошадки, мужички в тулупах — «всё было игрушечно мелкое и приятное глазам» [Т. 23. С. 124]. Такой видит Россию герой, который, как все, опускался на колени и тоже становился карликом. «Царь карликовых людей, царь моральных карликов» — эта характеристика в романе относится не только к «маленькому голубому офицеру», но и к несбывшейся мечте Серебряного века о сверхчеловеке, которой Горький и футуристы были одинаково преданы. При этом чисто оценочное, на первый взгляд, определение по адресу не оправдавшего надежд интеллигента — «мастер мелких мыслей» — на поверку оказывается частью емкого гротескного образа.

Остраняющая поэтика Горького в «Жизни Клима Самгина» заставляет вспомнить принцип, сформулированный А. Кручёных и В. Хлебниковым: «чтоб писалось туго и читалось туго — неудобнее смазанных сапог или грузовика в гостинной» [11]. Но если авангардист, которому важно остаться непонятым, таким образом возводит стену между собой и читателем, то у Горького совсем другая цель. Остранение позволяет ему показать, как слабо защищен человек от природного и социального хаоса, от хаоса в самом себе.

Отношение Горького к авангарду было сложным. Поддержав футуристов в начале их деятельности, он и позже одобрительно отзывался о некоторых из них, но чаще был настроен к авангарду критически. Однако, не принимая авангард «сознательно», Горький-художник, без сомнения, выходил на авангардные рубежи. И поскольку он не создавал, а как бы случайно открыл в реальности «параллельный» мир, то и не старался отделить их друг от друга. Отталкиваясь от смежной художественной

традиции, «классический» авангард обычно опирается на отдаленную, чаще всего барочную. В «Жизни Клима Самгина» она тоже присутствует [12, 13], но авангардное начало взаимодействует здесь и с реалистическим, а потому не сразу бросается в глаза.

Новое качество накапливалось у Горького исподволь. У писателя и раньше встречались персонажи со звериными повадками и обликами. Горький и раньше прибегал к остранению. И в этом нет ничего удивительного: остранение не противопоказано реализму (в конце концов своим открытием Шкловский обязан Толстому). Но соотношение, взаимосвязь этих приемов, их смысловая нагрузка у «нового Горького» принципиально иные, чем у Горького старого. В «Жизни Клима Самгина» остранение не просто взаимодействует, а конкурирует с реалистической условностью, дополняет иносказание и как поэтологический принцип играет исключительно важную, едва ли не определяющую роль в организации романного целого.

Литература

1. *Горький М.* Полн. собр. соч. Художественные произведения. В 25 т. М., 1974. Далее указ. только том и стр..
2. *Хлебников В.* Неизданные произведения. М., 1940. С. 334.
3. *Раппапорт А.Г.* Утопия и авангард: портрет у Малевича и Филонова // Вопросы философии. М., 1991. № 11. С. 33–37.
4. *Маяковский В.* Полн. собр. соч. В 13 т. М., 1955. Т. 1.
5. *Гирин Ю.Н.* Диалектика авангарда // Литературная классика в диалоге культур. М., 2008. Вып. 1. С. 119–147.
6. Альманах Уновис. М., 2003. № 1. С. 66.
7. *Шкловский В.* О теории прозы. М., 1983. С. 18–19.
8. *Горький М.* Полн. собр. соч. Письма. В 24 т. М., 2009.
9. *Шкловский В.* Гамбургский счет. М., 1990. С. 39.
10. Век Даниила Хармса. М., 2009. С. 210–211.
11. Русский футуризм: Теория. Практика. Критика. Воспоминания. М., 1999. С. 46.
12. *Борисова Л.М.* Иносказание в романе М. Горького «Жизнь Клима Самгина» // Русская речь. 2014. № 1.
13. *Борисова Л.М.* «Двоеточие», «колокол», «нить», или Клим Самгин как аллегория // Вопросы литературы. 2015. № 2.

*Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского*

Функциональность гоголевских цитат в прозе М.А. Булгакова

© Е. С. ИВАНОВА

В статье рассматривается использование точных и варьированных гоголевских цитат в произведениях М.А. Булгакова. Автор прослеживает специфику использования гоголевских прецедентных феноменов в ранней прозе М.А. Булгакова.

Ключевые слова: М.А. Булгаков, Н.В. Гоголь, цитата, эпиграф, прецедентный феномен, культурный диалог.

The article is devoted to the problem of using accurate and varied quotations from the works of Gogol in the texts of M.A. Bulgakov. The author traces the specifics use of Gogol's precedent phenomena in the early prose of M.A. Bulgakov.

Key words: M.A. Bulgakov, N.V. Gogol, quote, epigraph, precedent phenomenon, a cultural dialogue.

Использование цитат из текстов Н.В. Гоголя для М.А. Булгакова было особенно важным, потому что «слово» Гоголя афористично, наполнено мудростью и жизненным опытом.

О.С. Дергилева в статье «Гоголевские цитаты у М.А. Булгакова» верно отмечает: «Крылатые выражения, цитаты из произведений Гоголя довольно свободно переносятся в новые контексты и гармонично адаптируются к ним, сохраняя свою экспрессию. При этом значительно активизируются их функциональные возможности» [1. С. 37]. Вхождение гоголевских цитат в булгаковский текст происходит естественно и непринужденно. Конечно, приспособляясь к другому контексту, цитата может и не воспроизводиться дословно, претерпевать некоторые изменения, но узнаваемость выражения неизменно сохраняется.

В 1922 году Булгаков написал «поэму в X пунктах» «Похождения Чичикова», своеобразное «продолжение» истории гоголевских «мертвых

душ» в XX веке. Поэма проникнута восхищением гоголевскими русскими сатирическими типами, точными, яркими, вневременными. Писатель не меняет характеров героев, так тонко подмеченных Гоголем, но, достигая гротескного и трагического эффекта [2], раскрывает их в новой обстановке: в период становления новой России, в эпоху, по его словам, «торгового Ренессанса».

Гоголевскую цитату в качестве эпиграфа Булгаков поместил без прямого указания на ее источник:

«— Держи, держи, дурак! — кричал Чичиков Селифану.

— Вот я тебя палашом! — кричал скакавший навстречу фельдъегерь, с усами в аршин. — Не видишь, леший дери твою душу, казенный экипаж» [3. С. 230].

Автор «Похождений Чичикова» таким образом ведет словесную «игру» с читателем: узнаваемые герои и ситуация должны намекнуть на начало очередного приключения, новой аферы. Включение в эпиграф именно строк, описывающих движение брички Чичикова, перекликается с появлением героя, летящего в автомобиле по Советской России: «Пересев в Москве из брички в автомобиль и летя в нем по московским буеракам», возникает Павел Иванович в России спустя более полувека [Там же].

Кроме того, в эпиграфе содержится символическая картина «столкновения» человека и государства, условными образами которых выступают бричка Чичикова и казенный экипаж. В этом отражается основная проблема фельетона как сатирической повести.

Эпиграф к «Похождениям Чичикова» — это символическая встреча писателей-сатириков Гоголя и Булгакова, борющихся за общую идею искоренения социального зла и нравственных пороков русского человека.

С помощью гоголевской цитаты-ретроспекции (Е.А. Козицкая) [4] Булгаковым подчеркивается сходство эпохи XX века с предыдущей исторической эпохой: то, что происходило в гоголевской России, происходит и во времена НЭПа, и будет продолжаться, пока общество не искоренит зло внутри себя, а это, по Булгакову, почти невозможно.

Использование гоголевской крылатой фразы «Какой русский не любит быстрой езды?!» необходимо Булгакову для создания комической ситуации: «Какой же русский не любит быстрой езды?! Любил ее и Селифан, и поэтому при самом въезде на Лубянку пришлось ему выбирать между трамваем и зеркальным окном магазина» [С. 37–38]. Если гоголевский контекст, содержащий данное выражение, звучит как гимн непознанной и таинственной русской душе, быстрой, непобедимой, гордой России, то в фельетоне Булгакова данное выражение звучит комически. Даже кажущаяся простота характера кучера Селифана в «Мертвых душах» в булгаковском тексте перестает казаться естественной: автор

утрирует это качество характера гоголевского персонажа. Сменивший лошадей на автомобиль, Селифан будто сам становится «механическим» героем, действующим почти бездумно, как пьяный.

Другое отмеченное Дергиловой О.С. включение в новые семантические отношения гоголевского выражения «пошла писать губерния» в «Похождениях Чичикова» Булгакова представляется в целом верным наблюдением, но требующим уточнения. Исследователь подчеркивает, что у Булгакова данная крылатая фраза получает значение «развивать необычайно активную деятельность»: «Влип в дело Ноздрев, оказались замешанными и сочувствующий Ротозей Емельян, и беспартийный Вор Антошка, открылась какая-то панاما с пайками Собакевича. *И пошла писать губерния!*» [1. С. 38]. Действительно, булгаковская фраза имеет мало общего с ее первоначальным значением «завязывать бесконечную переписку по какому-либо делу», но она не стоит в оппозиции к гоголевскому употреблению. У Гоголя фраза связана с тем же значением активного движения, недаром ей предшествует выражение «все поднялось и понеслось...» [5. С. 156]. Различие прослеживается лишь в восприятии этого «движения» гоголевским Чичиковым и Чичиковым, описанным Булгаковым: для героя «Мертвых душ» движущаяся вереница людей и вещей соотносится с неразгаданной загадкой, кто является автором письма к нему, а в фельетоне «Похождения Чичикова» эта фраза ассоциируется, напротив, с открытием ранее неизвестных фактов. Здесь цитата выполняет сатирическую функцию, способствует развенчиванию персонажа.

Очевидно, что Булгаковым сохраняется значение «необычайно активной деятельности», которое вложил в выражение «пошла писать губерния» Гоголь. Меняется лишь контекст употребления: *намерение* гоголевского героя раскрыть тайну, но невозможность реализации желаемого и *случайность* открытия фактов, о которых не желали говорить, в произведении писателя XX века.

В 1924–1925 годах Булгаков пишет несколько художественно-публицистических фельетонов и рассказов, эпиграфами к которым делает вновь строки из произведений Гоголя. Но первоначального «унисонного» звучания с гоголевским «словом» уже не обнаруживается, а намечается отталкивание от смысла оригинальной цитаты или ее трансформация и адаптация к условиям новой художественной реальности.

Легко заметить, что «строки из Гоголя довольно часто возникают в качестве эпиграфов к юмористическим рассказам Булгакова. Он любит начинать повествование с эпиграфа, который служит для определения темы повествования, влияет на весь текст. Так, высмеивая в рассказе “Повесили его или нет” (1924) бытующую в советское время бумажную волокиту, автор использует модель гоголевского крылатого выражения “Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской

ночи!” – “Знаете ли вы, что такое волокита. Нет, вы не знаете”» [1. С. 38].

Сохраняя гоголевскую интонацию в эпиграфе, Булгаков задает определенный тон всему произведению. Но важно подчеркнуть, что затронутая писателем актуальная социальная проблема реализуется отнюдь не «по-гоголевски»: автор, конечно, позволяет читателю самому сделать вывод по проблеме, затронутой в тексте, но очевидна авторская оценка, которая звучит в подзаголовках к письмам, в комментариях, прочно «слитых» с текстом. Например, так описывает начальника станции, сочинявшего письмо: «отчаянно пишет...и от страха превращается в подписи из Козакила в Козелкова» [С. 433]. Или дает попутные комментарии и оценки: «И это через месяц», «Крышка! Нету...», «Делать ему больше ничего не остается, как опять податься в местком», «Мерси», «Повесили ли, в конце концов, колдовговор? Может быть, и повесили... А может быть, и не повесили. И даже вернее, что нет» и т.д.

Подобное открытое выражение авторской позиции определяется художественно-публицистическим жанром произведения – фельетоном. Поэтому видоизменение гоголевского выражения вполне оправданно. Трансформированная цитата служит для обозначения темы фельетона, подчеркивания злободневности социальной проблемы.

Булгаков в своем творчестве использует, кроме известных цитат, еще и малоизвестные гоголевские выражения. В этом случае авторство Гоголя всегда указывается, поскольку читателю, особенно непрофессиональному, будет трудно распознать источник.

Безусловно, это актуализирует гоголевское «слово», но главное все же в том, *что* дает цитата тому тексту, в который она помещена. В булгаковской прозе, как правило, использование «непопулярных» гоголевских цитат служит для акцентировки внимания на определенных «приметах» современной писателю исторической эпохи, а также для подчеркивания и соотнесения этих характеристик с национальным прошлым.

Так, фельетон «Звучи польки неземной» (1924) предваряется цитатой из поэмы «Мертвые души» Гоголя: «Нет, право... после каждого бала как будто грех какой-то сделал. И вспоминать о нем не хочется» [С. 497]. Это неточная цитата из поэмы, звучащая в оригинальном варианте в контексте размышлений Павла Ивановича Чичикова о неприятии русской натурой традиции балов: «Кричат: “Бал. Бал, веселость!” – просто дрянь бал, не в русском духе, не в русской натуре <...> Все из обезьянства, все из обезьянства! Что француз в сорок лет такой же как ребенок, каким был и в пятнадцать, так вот давай же и мы! Нет, право... после всякого бала точно как будто грех сделал; и вспомнить даже о нем не хочется. В голове просто ничего...» [5. С. 497. Курсив наш. – Е.И.]

Булгаков писал о бестолковости подобных светских вечеров, проявляя солидарность во мнении со своим литературным предшественником.

Музыка, танцы, выпивка, пустые и деловые разговоры сливаются воедино, порождая хаос действий и мыслей. Не случайно присутствующие на балу сравниваются автором с нечистой силой: «В зале, как на шабаше, металась нечистая сила» [С. 498].

Если обратиться к тексту-источнику, из которого взят эпиграф к фельетону, то можно заметить, что чичиковское высказывание, частично заявленное в эпиграфе, реализуется в булгаковском тексте в образах участников бала. Чичиков размышляет: «Ну если бы, положим, какой-нибудь писатель вздумал описывать всю эту сцену [бал] так, как она есть? Ну и в книге, и там была бы она так же бестолкова, как в натуре. Что она такое: нравственная ли, безнравственная ли? Просто черт знает что такое!» [5. С. 167]. Этим «каким-нибудь писателем» стал Булгаков, описавший в фельетоне «Звуки польки неземной» сцену бала. Полусознательные реплики персонажей, неловкие движения, туман — все это создает эффект творящейся чертовщины.

Использование малоизвестной гоголевской цитаты вызывает интерес к претексту. Обращение же к тексту-источнику позволяет расшифровать смысл запечатленной Булгаковым картины бала: бестолковое, глупое занятие. Бал, потерявший свое культурно-развлекательное назначение на русской почве, превратился в безнравственное и пустое занятие, о котором «и вспоминать... не хочется».

В рассказе «Сапоги-невидимки» (1924) два эпиграфа создают возможность диалога писателей разных эпох. Построенный на каламбуре из двух цитат — гоголевской и булгаковской, — эпиграф задает настроение и тон последующего текста:

«А позволь спросить тебя: чем ты намазываешь свои сапоги, смальцем или дегтем?

Из Гоголя.

Поди ты в болото, кум! Ничем я их не смазываю, потому что у меня их нету!

Из меня» [С. 448].

Уже до начала повествования читателю становится ясно, что «сквозь видимый миру смех и невидимые миру слезы» в рассказе будет развиваться история «маленького человека» Петра Хикина.

Эпиграф, кроме выполнения основной функции — определения темы и основной мысли произведения, является еще и платформой для создания культурного диалога писателей, сатирически обнаруживая разницу эпох, в которые они жили.

В рассказе «Золотые корреспонденции Ферапонта Ферапонтовича Капорцева» (1924) Булгаковым используется прием отстранения: автором писем-записок является провинциальный корреспондент

Капорцев. Герой описывает удивительные, по его мнению, социальные происшествия, над которыми рассуждает и которые комментирует.

В третьей корреспонденции «Ванькин-дурак» автор прибегает к использованию известного гоголевского выражения «Чуден Днепр при тихой погоде», которое вступает в «игровое» отношение с последующим текстом.

Языковая игра строится на основе каламбура, который, в свою очередь, «создается в результате повторения синонимических слов *чуден* («чудный» — «прелестный», «очаровательный») и *чуднее* («чудной» — «странный, удивляющий своей необычностью»)»: «Чуден Днепр при тихой погоде, но гораздо чуднее наш профессиональный знаменитый работник 20-го века Ванькин Исидор, каковой прилип к нашему рабклубу, как банный лист» [С. 38]. Не только каламбур способствует формированию комичности, но и перекодировка смысла, заложенного в тексте Гоголя.

Гоголевское крылатое изречение «служит материалом для развертывания фабульной ситуации» [Там же. С. 39]. Это не вызывает сомнений, но стоит обратить внимание также и на расположение цитаты относительно всего текста — ею начинается «корреспонденция». Постановка цитаты в начало (в первое предложение) текста расширяет ее функциональность: она начинает осуществлять функцию определения темы (рассказать об Исидоре Ванькине) и основной мысли (показать, в чем состоит чудачество героя). Выполняя дополнительные функции, цитата обнаруживает в этом ключе сходство с эпиграфом, также предваряющим текст и определяющим тему.

Гоголевское выражение «Чуден Днепр...» обыгрывается Булгаковым и в фельетоне «Удачные и неудачные роды» (1925), где аналогичным образом выстраивается каламбур из слов *чудный* — *чуднее*: «Чуден Днепр при тихой погоде, но гораздо чуднее Московская участковая страхкасса М.-Б. Балт.ж.д.» [1. С. 39]. Подобно употреблению цитаты в «Золотых корреспонденциях...», происходит ее реализация в «Удачных и неудачных родах»: цитата располагается в первом предложении, что задает особый, «юмористический» тон всему произведению, ею определяется тема и основная мысль.

В контексте сравнения и объединения по схожести двух произведений — рассказа «Золотые корреспонденции Ферапонта Ферапонтовича Капорцева» и фельетона «Удачные и неудачные роды» — можно говорить о подчеркивании Булгаковым «чудаковатости» не только отдельного человека, но и целых групп людей, целых организаций, что рождает ассоциацию с «чудным» миром, полным нелепостей и удивительных вещей и ситуаций. «Переработанные» гоголевские прецедентные феномены, «культурные скрепы», в терминологии Л.И. Гришаевой [6], используются Булгаковым для подчеркивания абсурдности характера эпохи XX века, над явлениями которой писатель смеется гоголевским «смехом сквозь слезы».

В «Двуликом Чемсе» (1925) с неточной гоголевской цитаты начинается повествование: «Я пригласил вас, товарищи, — начал Чемс, — с тем, чтобы сообщить вам пакость...» [С. 547]. Воспроизведение гоголевского выражения не искажает смысла сказанного и сохраняет узнаваемость цитаты из «Ревизора» Н.В. Гоголя: «Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие...».

Гоголевское «включение» создает определенный фон для развертывания сюжета фельетона. За счет «культурной отсылки» Булгаков, безусловно, расширяет семантику текста.

В первой части фельетона «ревизором» является сам Чемс, выискивающий автора писем с жалобами на начальство. Но уже в следующей части происходит смена роли «ревизора»: им становится некий корреспондент, а Чемс превращается в основной предмет «ревизского» внимания. Именно тогда происходит второе «включение» гоголевской цитаты в булгаковский текст. Из уст Чемса звучит известное, ставшее традиционным, выражение городничего о двух крысах: «То-то мне всю ночь снились две большие крысы...» [С. 549].

Герой, соотносящий приезд корреспондента с появлением крысы, сам, по сути, является второй крысой, так как выполняет ту же «инспектирующую» роль по отношению к своим подчиненным.

Гоголевская цитата воспроизводится в редуцированной форме, но при этом сохраняется ее смысл [8]. Чемсу «приписываются» не только слова гоголевского городничего, что уже является поводом к сравнению их характеров, но в реплике булгаковского героя угадываются и слова Артемия Филипповича Земляники: «...не было печали!» (Двуликий Чемс) — «Вот не было заботы, так подай!» (Ревизор).

Булгаковский Чемс выступает собирательным образом гоголевских типов, выведенных на страницах комедии «Ревизор». Адаптированные к новому контексту, гоголевские цитаты звучат по-новому, актуально. Они являются не только материалом для сюжетного развития, но с их помощью реализуются экспрессивно-оценочная, референтивная и характерологическая функции.

Постановка Булгаковым гоголевского «слова» в начало текста приближает цитату к эпиграфу. К фельетону «Как бутон женился» (1925) эпиграфом «...не хочет ли барин жениться?» служит неточная цитата из «Женитьбы Гоголя: «Не думает ли барин жениться?».

Гоголевская цитата в новом художественном контексте эпохи середины 1920-х годов обретает особую язвительность. В сочетании двух эпиграфов — выписки из заметки рабкора о том, что только женатые могут получить «провизионку», и цитаты из «Женитьбы» — рождается булгаковский глум. Он смеется над государственной системой, в которой ущемляется человек, его насущные потребности.

С помощью гоголевских «включений» писатель XX века осмеивает «приметы» своего времени, своей исторической эпохи, в которой обесценивается человеческая личность. Гоголевские прецедентные цитаты используются Булгаковым в основном в «малых» творческих жанрах юмористического и сатирического характера. Они появляются в тексте в качестве материала, на котором строится фабула произведения (Похождения Чичикова, Двухликий Чемс). С их помощью возникает авторская «игра» со смыслами, выражая сатирическое обличение действительности (Золотые корреспонденции Ферапонта Ферапонтовича Капорцева, Удачные и неудачные роды, Повесили его или нет?).

Используя гоголевские прецедентные феномены в своих текстах, а также в качестве эпиграфов, Булгаков высвечивает насущные проблемы современности, бюрократизм, бестолковость социального устройства в России. Сочетая несколько эпиграфов, он словно ведет диалог с Гоголем, символизирующим ушедшую эпоху (Сапоги невидимки, Как Бутон женился). Построенные на каламбуре, эпиграфы изначально создают особую сатирическую атмосферу произведений.

Литература

1. *Дергилева О.С.* Гоголевские цитаты у М.А. Булгакова // Русская речь. № 4. 2012. С. 37–39.
2. *Иванова Е.С.* Сон как способ символической репрезентации действительности (на материале повестей Н.В. Гоголя «Нос», «Невский проспект», «Портрет», «Майская ночь, или Утопленница», «Страшная месть» и романов М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», «Белая гвардия», пьесы «Бег», фельетона «Похождения Чичикова») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 4–2 (46) С. 86–90.
3. *Булгаков М.А.* Собр. соч. В 5 т. М., 1989. Т. 2. Далее указ. только стр.
4. *Козицкая Е.А.* Цитата в структуре поэтического текста. Дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1998.
5. *Гоголь Н.В.* Собр. соч. В 7 т. М., 1978. Т. 5.
6. Феномен прецедентности и преемственность культур / ред. Л.И. Гришаева, М.К. Попов, В.Т. Титов. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2004.
7. *Иванова Е.С.* Традиции Н.В. Гоголя в творчестве М.А. Булгакова: сон о двух крысах // Вестник Майкопского гос. технолог. ун-та. 2015. № 1. С. 62–65.

*Тамбовский государственный
технический университет*

Окказиональные прилагательные в поэме Н. Асеева «Маяковский начинается»

© А. Ю. АСТАФЬЕВ,
кандидат филологических наук

Объектом рассмотрения являются окказиональные имена прилагательные в поэме Н. Асеева, поясняется их значимость в плане выразительности. Такие лексемы позволяют ярче выделить признак по сравнению с традиционным словом.

Ключевые слова: окказионализм, изобразительность, признаковое значение, семантика, словообразование, экспрессия, образная ореольность.

The article deals with such object of consideration as occasional adjectives in N. Aseev's poem. Their importance in respect of expressiveness is explained here. Such lexemes allocate a sign more brightly in comparison with traditional words.

Key words: nonce word, pictorials, indication value, semantics, word formation, expression, figurative nimbus.

По наблюдениям исследователей, каждое окказиональное прилагательное, «благодаря своей свежести, яркости и экспрессивности, способно играть в контексте роль эпитета» [1]. Рассмотрим окказиональные имена прилагательные, встречающиеся в поэме Н. Асеева «Маяковский начинается» [2] с точки зрения их экспрессивности и оценочной роли в тексте.

В количественном составе окказиональных имен прилагательных выделяется группа сложных прилагательных, построенных с участием числового компонента. Выразительность таких слов предопределена контекстом и проявляется в примерах: «...сюда, / к *семихолмому* / Третьему Риму, / придут языци — / мошне на поклон!» [С. 14. Курсив здесь и далее наш. — А.А.]; «А рядом — / озимых / заплатка к заплатке — / *двужильная* / да *двухпольная* Русь» [Там же]. Эти числовые названия стимулируют познавательную активность читателя. *Семихолмый*, то есть расположенный *на семи холмах*, в сочетании с *Третий Рим* дает географическую и историческую характеристику Москвы. Интересно, что слово *семихолмие* встречается в «Стихах о Москве» у М. Цветаевой в том же значении места: «...всё привольное / семихолмие». *Двухпольная*

Русь – это производное от *двуполье*, что в сочетании с *двужильная* обретает новые смыслы: не только способ обработки земли, но и усилие. Данная лексема встречается в словарях как вариант к *двупольная*.

Сочетание *купец первой гильдии* сокращено до одного слова: «тут – / *первогильдейский* / в ореховой раме / мильон подбирает / не дурой-губой» [С. 30]. В цепочке символов, изображающих Москву, портрет купца (*в ореховой раме*) поставлен автором рядом с памятником Минину и Пожарскому. А вот *стошумный* воспринимается неоднозначно: «Наконец Маяковский в *стошумном* Нью-Йорке» [С. 152]. Прилагательное создано по аналогии со *стосильный*, которое встречается в словарях и есть у В. Маяковского: *стосильный грузовоз* (поэма «150 000 000»), но в отличие от него на первое место выходят не семы мощности, а звука: Нью-Йорк представлен как многоголосый, шумный город. Однако элементы неодобрительности можно увидеть в расширенном контексте: «...каждый миг / здесь на центы рассчитан».

Окказиональные сложные прилагательные, имеющие в своем составе число, могут не только указывать на качество, но и характеризовать различные стороны изображаемого, в частности, давать негативную оценку, ведь «...помимо прямого... значения, окказиональное слово содержит определенные эмоционально-оценочные коннотации» [3].

Не менее интересны и другие сложные окказиональные прилагательные, встречающиеся в поэме. Резко, грубо выглядит в контексте слово *синежурнальная*: «*Синежурнальная* сволочь, / купринские опивки, / пыль / Леониду Андрееву / слизывающие с сапогов...» [С. 61–62]. Данный пример в отрыве от контекста может восприниматься только как реализующий цветовую семантику, но в словосочетании со *сволочь* становится индикатором оценки.

Автор изобразил войну с женским лицом в виде *стальнозубой Кашеихи*: «...бросал свои реплики / Маяковский / Кашеихе *стальнозубой*- / Войне» [С. 84–85].

Несколько окказионализмов наделены положительной экспрессией: «Лишь дай / его *громкосердечной* замашке / дойти / до лампадного быта-жирка...» [С. 29]. Потенциальное сочетание *громкое сердце* само по себе похоже на *широкая душа* и т.п. Производное от него воспринимается весьма естественным и понятным, в духе Маяковского.

Того же типа и слово *дальнолетные*: «Много лет / мне его *дальнолетные* строчки / помогают стремиться, / во времени мчась» [С. 152]. Глагольная основа *лететь* в сочетании с *дальний* дают вполне понятное производное (речь идет о путешествии Маяковского в Америку), а созвучное *много лет* косвенно указывает на творческое бессмертие поэта. Сложные слова изобразительно «богаче» производящей основы, ведь если «...сочетание слилось в лексическую единицу, то дальнейшая

судьба этого нового слова будет полностью определяться аналогией с простыми словами» [4].

Рассмотрим окказиональные притяжательные прилагательные. «Бороться / с торгашей лошеною шайкой? / Сражаться / с их Китайгородской стеной?!» [С. 12]. В сравнении с узуальным разговорным *торгашеский* вновь созданная лексема не просто короче. Она реализует фоносемантические осмысления, создавая негативную оценочность. Ср. у Маяковского: *монашьи шельмы*, где повтор звука *ш* в контексте «нацеливает» читателя на неприятие изображаемого. Этот прием, как и одинаковая модель построения слов, сближает поэтику Асеева и Маяковского.

В следующем примере значение прилагательного *бурлючий* овеществляется и конкретизируется: «И это / и всё, / что в стихах его лучшего, / толпа равнодушных / и сонных зевак / не видела / из-за лорнета *бурлючьего*, / из-за скопившихся в сплетнях / клоак» [С. 75]. Словосочетание *бурлючий* (производное от имени футуриста Д. Бурлюка) *лорнет* воспринимается как уничижительное, отгораживающее Бурлюка и ему подобных носителей лорнета от творчества Маяковского.

Представленные примеры могут считаться нетипичными, так как «в современном русском языке притяжательные прилагательные на *-ий* образуются преимущественно от названий животных» [5]. Исследователь Н.А. Щёголев находит схожий пример у Маяковского и комментирует его: «Прилагательное “бонапартьи”, вызывая у читателя подобные “звериные” ассоциации, тонко подсказывает ему мысль об опасности керенщины, не снижая в то же время чувства уничтожающего презрения» [Там же].

На первый взгляд, следующий пример тоже реализует отрицательную оценку: «Когда на троллейбусе / публика едущая / услышит надсадный / *кондукторшин* крик...» [С. 131]. Голос кондукторши, представленный словом *крик*, его высота, проявляющаяся в определении *надсадный*, воспринимается как ирония, но читаем дальше: «“...Площадь Пушкина, / Маяковского – следующая!” – / поймешь, / как город к нему привык» [С. 131]. Признание таланта Маяковского (в форме названной его именем площади) автор выражает при помощи громкого голоса кондукторши, причем просторечная производящая основа призвана не снижать, а, напротив, показывать величие поэта в его обычности для восприятия человека. Принадлежность площади Маяковскому автор показывает с привлечением следующего контекста: «Сюда он шагал / с Большой своей Пресни, / с шагов своих первых, / с *мальчишьяго* дня» [С. 132–133]. Окказиональное *мальчиший* выбивается из логичной цепочки слов *мальчишеский*, *мальчишечий* именно в соединении со словом *день*. Появляется значение, близкое устойчивому сочетанию *с малых лет*, что поддерживается фразой *с шагов своих первых*.

Примеров окказионального формообразования имен прилагательных в превосходной и сравнительной степенях обнаружено всего три: «Он на фордовских / мощных заводах / на *рекламнейшем* из производств, / где рабочим / в мертвецкой лишь отдых: / измотался- / к реке и – под мост!» [С. 153]. Пример реализует ироническую экспрессию, он может восприниматься как насмешка над заводами Форда, но в контексте звучит весьма печально. Форма превосходной степени не превозносит качество продукции, воспринимается как пародия на рекламу.

Ироничное осмысление создается путем использования окказиональной формы сравнительной степени прилагательного *любовный*: «Может, / встретится строчки / нежней и *любовней* / у поэтов, / поющих поля и леса» [С. 154]. Это подтверждается еще одним примером: «Уж он непохож / на фабричного парня: / белье накрахмалил / и волос подстриг. / Он стал *прирученной*, / солидной, / шикарней- / по моде / последней со Сретенки крик» [С. 71]. Слово *прирученной* реализует «заряд» иронической экспрессии в цепочке узуальных прилагательных *солодней, шикарней*.

В поэме Асеева окказиональные прилагательные (их около сорока) органично вплетаются в структуру стиховых строк. Среди них больше всего сложных прилагательных (их тринадцать), затем притяжательных (их шесть), а также наблюдается интерес к окказиональному формообразованию. В зрелом творчестве поэта все чаще образы создаются при помощи этих «слов-красок» [6].

Литература

1. *Воробьева Т.Б.* Тропеические окказионализмы В. Маяковского // Стилистика художественной литературы. М., 1982. С. 214.
2. *Асеев Н.Н.* Маяковский начинается. Поэма. М., 1973. Далее указ. только стр.
3. *Нухов С.Ж.* Семиологические аспекты окказионального словообразования современного английского языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1987. С. 11.
4. *Пауль Г.* Принципы истории языка. М., 1960. С. 280.
5. *Щёголев Н.А.* Художественное мастерство В.В. Маяковского в поэме «Хорошо!». Пособие для учителей. М., 1956. С. 15.
6. *Машбиц-Веров И.М.* Мастерство поэта (О В.В. Маяковском). Куйбышев. 1961. С. 26.

Серпуховский колледж

«Под скальпелем природы и искусства...»

Поэтика прозы Михаила Тарковского

© И. А. КАРГАШИН,
доктор филологических наук

*Смерть песне, смерть! Пускай не существует!
Вздор рифмы, вздор стихи! Нелепости оне!..
А Ярославна все-таки тоскует
В урочный час на каменной стене...*

К. Случевский

В статье рассматривается специфика художественной речи в прозе современного писателя Михаила Тарковского.

Анализ важнейших уровней художественной речи (звуковая организация, лексика, синтаксис, графика) свидетельствует, что субъективизация авторского сознания проявлена в сближении языка (сознания)

повествователя и героя (изображаемых персонажей). В итоге обозначенных процессов речь (слово, языковые особенности в целом) становится важнейшим предметом художественного изображения в рассказах и повестях Тарковского.

Ключевые слова: Михаил Тарковский, художественная речь, автор, герой, субъектная организация.

The report examines the artistic speech of modern fiction writer Mikhail Tarkovsky.

Analysis of the most important levels of artistic speech (sound organization, vocabulary, syntax, graphics) shows that the subjectivization of author's consciousness is manifested in bringing together the language (consciousness), the narrator and protagonist (portrayed characters). As a result of the identified processes, the speech (word, language features in general) becomes the most important subject of artistic representation in the stories and novels by Tarkovsky.

Key words: Michael Tarkovsky, artistic speech, author, hero, subject organization.

Строки из знаменитого стихотворения К.К. Случевского «Ты не гонись за рифмой своенравной...» утвердили в национальном сознании глубинную взаимосвязь литературы и реальности, подлинной жизни. Именно такая — парадоксальная, на первый взгляд, взаимосвязь отличает творчество современного писателя Михаила Тарковского. Москвич по рождению и биолог по образованию, он в 1986 году поселился в поселке Бахта Красноярского края и стал охотником-промысловиком. Так жизнь и быт людей на енисейских просторах «дикой Сибири» стали темой его стихов, а позже прозы. Не удивительно, что повести и рассказы Тарковского непривычно «жизненны» — они, по несколько ироничному признанию писателя, «про охотоведа из Верхнеинзыревска», про «промороженных мужичков». Здесь поражает не «закрученность» фабулы, не цепь выдуманных событий, а собственно *повседневность* — каждодневное пребывание в мире природы и первозданного труда.

Показательно, что обязательным предметом изображения в рассказах этого писателя становится сам процесс делания, изготовления и его результат — будь то «ветка» (долбленая лодка из осины) или тусок, охотничьи лыжи или полозья для нарт. Как рубят избушку, строят баню или заливают фундамент, как правильно расколоть на доски бревно, связать плот, поставить капкан на соболя и выделывать кожу — всё это автор опишет обстоятельно, любовно и со знанием дела. Герой его — прежде всего носитель и хранитель какого-то умения. Неслучайно подобные фрагменты вызывают в памяти откуда-то из древности — из поэм и сказаний пришедшие образы. Так делал лодку Вяйнямйнен в «Калевале», строил пирогу Гайавата (прямо-таки как герои Тарковского, делая раму

из кедра, скрепляя корнями лиственницы и собираясь ловить Великого Осетра!), так скрупулезно описывал Гомер изготовление щита для Ахиллеса или, например, Мелвилл изображал китовую охоту в «Моби Дике».

Здесь-то и обнаруживаются истоки уникальности прозы Михаила Тарковского. Лейтмотивом его повестей и рассказов становится полнота и подлинность человеческого существования в единстве с природой. Как, например, это неоднократно сформулировано в повести «Кондромо»: «хотелось растянуть, раскинуть этот лад над своими близкими, простереть и на них мощь небес, свет бескрайних пространств...»; «великий лад с окружающим...» [1. С. 210, 192]; ср. противопоставленный мотив в очерке «Саня Устинов»: «страх бессмысленного, бездельного существования в городской квартире...» [2. С. 295]. В рассказе «Осень» эти размышления приобретают уже завершённую форму и философское звучание: «А может быть, природа — самый простой язык, на котором небо разговаривает с людьми?» [1. С. 339]

Но именно потому и автору, и героям такой прозы необходима некая «художественная добавка» (как сформулировано в очерке «Лица Геннадия Соловьева»). Предельно «жизненные» и реалистические, «охотничьи» рассказы Михаила Тарковского оказываются в то же время изысканно утонченной, в высшей степени «литературной» прозой — в самом точном и положительном смысле этого определения. Кажется даже, что такому избытку «литературности» мог бы позавидовать любой постмодернист! Кстати, в очерке «Лица Геннадия Соловьева» встречается и прямое сопряжение двух составляющих поэтики прозы Тарковского: «...и было ощущение небывалой прочности и полноты происходящего, слияния жизни и так называемой литературы» [2. С. 342], а в повести «Лес» герой мечтает о жизни, полной «интереса ко всему красивому и настоящему, вроде поэзии и охоты...» [3. С. 193]

Можно сказать, художественный мир Тарковского изначально «литературоцентричен» — полноправным героем его, наряду с «природным человеком», становится отечественная словесность и искусство в целом (не забудем, что писатель — внук поэта Арсения Тарковского и племянник режиссера Андрея Тарковского). Своего рода сплав «жизни» и «книги» (один из очерков писателя так и назван — «Жизнь и книга») — яркая примета поэтики Михаила Тарковского.

Во-первых, его проза нередко оказывается, строго говоря, «лирической прозой» — явно автобиографический главный герой ее — писатель, начинающий литератор (см. рассказы и повести «Лес», «Осень», «Паша», «Лерочка», «Отдай мое» и многие другие). Отсюда многочисленные литературные ассоциации, реминисценции и аллюзии, рассчитанные на «проницательного читателя». Например, запоминаются ироничные оценки молодых писателей, вообще современного творчества:

«... они путают сычей с сарычами, знают по фамилиям всех редакторов... с ними не о чем поговорить, кроме так называемой литературы...» [Там же. С. 195]; «Потом хрупкая и миловидная девушка с артистическим подвывом прочитала длинное стихотворение, где фигурировали “росомахи”, в качестве сонных пушистых зверьков, которым уподоблялись оппоненты автора» [Там же. С. 165] или, скажем, замечание о напарнике: «Образовавшийся за семь сезонов охоты Толян называл глухарей петрашевцами, а гоголей – Николаями Васильевичами» [1. С. 333], оценка стихов товарища: «Что в последней строчке нет рифмы, ему не пришло в голову. Зато какой классический дольник, и как точно передано настроение енисейской осени...» [2. С. 342] и т.п.

Во-вторых, собственно русская классическая литература, ее восприятие, ее «вторжение» в повседневность нередко в прозе Тарковского «тематизируются», выстраивая целые эпизоды. Вспомним пронзительные строчки героя-повествователя о бабушке в повести «Отдай мое» (заметьте: иронизируя над столь «непосредственным» отношением к прочитанному, внук столь же пристрастен в оценке персонажей): «Она так верила в существование князя Андрея, княжны Марьи, что ее участие становилось едва не солью книги. При словах “князь Андрей умер” голос ее дрожал, с Долоховым Митя подозревал какой-то гимназический роман, а с Кутузовым была просто беда и любовь до гроба. Судила она так же строго, как и любила, и было обидно за толстовских слабачков и посредственностей, тем более что гусар Ростов Мите нравился гораздо больше размазни Пьера» [1. С. 95].

Сугубо «литературной» может быть и деталь изображаемого мира, как в рассказе «Бортовой портфель»: «Следующая избушка стояла наполовину в воде. Под крышей у куля с овсянкой сидела толстая рыжая полёвка. Васька забрался через окно внутрь – на полке лежала книжка под названием “Потоп”» [3. С. 100].

В других же случаях «книжная ситуация» буквально оборачивается фабулой (основным изображаемым событием) произведения. Таков рассказ «Осень». Его герой-повествователь, готовясь к промысловому сезону, помимо «прозаических» и необходимых на охоте вещей собирает целый сундук книг, мечтая, как в дождливый день любовно откроет первую страницу какой-нибудь из них. «Были там книги по философии, по истории, чужой, взятый под честное слово Бердяев, Марсель Пруст, Хлебников, Леонид Андреев и многое другое...». Однако при сплаве перевернулась лодка, всё удалось спасти, кроме ... сундука с книгами! Отчетливо видится вынужденное томительное безделье, когда всё надоело и «хочется только одного – живого человеческого слова». Но, дойдя, наконец, до зимовья, охотник обнаруживает на полке рядом с хозяйственными вещами забытый с прошлого года большой том Пушкина! Читатель, кстати, в этом случае не только радуется за героя, но и вынужден

гадать: изображенные книжные потери и приобретения здесь – реальный факт (если учитывать автобиографичность прозы) или же лукавство автора, еще раз подчеркнувшего, что «Пушкин – наше всё»? Так на глазах читателя рассказ из «охотничьего» становится «филологическим» – чего стоит хотя бы авторская реплика при взгляде на приготовленный к охоте скарб: «Что ни говори, собрание своеобразное, – посмеивался я, гадая, вытерпит ли, к примеру, глянцевиный Набоков соседство запасных портянок...» [1. С. 331, 336, 337].

В-третьих, литература, писательство как ремесло являются постоянным предметом по-настоящему серьезных, глубоких размышлений автора (а нередко и героя). При этом в прозе Тарковского последовательно отстаивается опять-таки взаимопроникновение, сближение, казалось бы, разнонаправленных сфер – «литературы» и «жизни». Разумеется, речь не может идти об их тождестве, слиянии до неразличения, ср. замечание в очерке «Жизнь и книга»: «Только перед Витей стыдно, и перед жизнью, которая в сто раз изобретательней и горше любой литературы» [2. С. 270]. Однако писатель и своей художественной практикой, и в публицистических рассуждениях неизменно показывает и доказывает: непродуктивным, неистинным оказывается как раз противопоставление литературы (искусства) и жизни: в действительности нет этой непроходимой грани и одно продолжает другое...

В повести «Кондромо» о герое сказано: он «давно заметил, как вроде бы книжное, целиком принадлежащее классике, оказывается лишь подмеченным, краем зацепленным писателем, и живет само, объемно и вольно, несмотря ни на какие исторические перипетии» [1. С. 207]. А в очерке «Образы, которые нас охраняют» эту же мысль подхватывает автор: «В юности мне почему-то казалось, что между миром, созданным классиками нашей литературы, и современной жизнью лежит непреодолимая пропасть. Русский мир природы и людей, ею живущих, созданный Тургеневым, Толстым, Лесковым, Пришвиным, представлялся заповедным, священным, а окружающая жизнь по сравнению с ним выглядела потерявшей основу и едва не изменившей главному. Юношеская запальчивость помаленьку улеглась, а пройдя путь, я и вовсе поменял свои представления. Оказалось, дело не столько в окружающей жизни, сколько в нашей способности видеть те образы, которые нам время от времени открывает наша земля» [2. С. 375].

Отсюда и жанровые предпочтения писателя – это в первую очередь биографическая проза и художественный очерк. В очерках Тарковского ярче всего выражен этот сплав литературы и жизни. С одной стороны, здесь «прямо» и точно осваивается реальный мир, действительность – как было «на самом деле...» («Чучела изготавливаются из куска ствола ольхи...»; «Настоящий туес собирается из двух частей...» и т.п.). С другой, почти все они – о писательстве, о соотношении текста и жизненной

ситуации. А кроме того, многие очерки возникли как своего рода «послесловие», как рассказ о дальнейших судьбах героев, как параллель к книге: см. «Пашин дом», «Петрович и Дед», «Снова Дед», «Новый дом тети Шуры», «Саня Устинов», «Еще два Сашки» и другие.

Подлинно филологической эта проза может считаться и потому, что наряду с человеческим умением важнейшим предметом художественного изображения у Тарковского неизменно является собственно слово — разговор, речевая деятельность человека. По-видимому, это закономерно: ответственное и созидательное отношение к миру невозможно без чуткого внимания к звучанию и смыслу слова. По крайней мере, Михаил Тарковский и его герои хорошо это знают. С одной стороны, особенности «говорения» становятся первостепенным характерологическим средством. Интонация, манера речи, особенности словоупотребления и словообразования, темп речи и «словесные жесты» — ни один из языковых компонентов и уровней не останется без внимания писателя, любой из них способен охарактеризовать героя и выразить отношение к нему автора. Ограничимся некоторыми примерами:

«Всё большое и опасное у этой маленькой безбровой старушки с птичьим лицом называлось “оказией”. Плотоматка (буксир с плотом) прошла близко — “самолов бы не зацепила. Сто ты — такая оказия!” “Шуки в сеть залезли — такие оказии! А сетка тонкая, как лебезиночка — всю изнахратили» [3. С. 46]; «Говорил всегда уверенно, держал эдакий обобщающий тон: будто ему-то уж всё видно, известно, понятно, что если есть о жизни какая-то горькая и жестокая правда, то уж кто-кто, а он-то к ней ближе всех. Любимая поговорка: “А я сразу сказал!”, “Я знал, х-хэ!” Манера по-своему, наперекор ставить ударение, особенно если слово чужое, привнесенное, и он принимает, конечно, но с поправкой. “Юкон” (кобель), “стабильно”. Енисейское наречие впитал без остатка: “добыват”, “капканья”, “горносталя”. Еще говорил: “дременится” — когда странным миражом всплывало над многоверстной гладью судно ли, берег, и чудилось незнано что» [2. С. 322–323]; «Их молодая и рослая учительница ходила враскачку на высоких каблуках и не склоняла названия сёл с окончанием на “о”. Звучало это диковато: “Пушкин жил в Болдино”, будто это вовсе не Болдино, а какие-нибудь Осло или Торонто.

Андрей стоял у доски и писал мелом под ее диктовку, буквы уменьшались, строка, закругляясь, сползала вниз, а Алла Алексеевна раздраженно говорила: “Гурьянов! Не мели, не мели!” — и он всё не мог понять, чего же от него хотят, и как он может не “мелить”, когда в руке у него именно мел.

Как-то она вызвала Андрея к доске читать Пушкина. Посреди чтения она вдруг прервала его и сказала, что после “вечор” надо обязательно сделать паузу, потому что “вечор” — это имя собственное, такое же как,

например, Егор или Сергей, и Андрей, сто раз слышавший от бабушки слова вроде “вечор” или “давеча”, в недоумении дочитал отрывок, сел на место и уставился на тополиные ветви...» [3. С. 199–200].

Но, пожалуй, еще интереснее отметить, что в этих повестях и рассказах изображенная речь выполняет не только «утилитарную» функцию. Слово у Тарковского в первую очередь самоценно! Его благодарный читатель знает: автор наделен поразительным чувством языка, слышит («чует») и любит народную речь. Потому-то и естественным становится у него включение в текст необыкновенного словечка, удачного выражения, звучного и поэтического названия — может быть, и не несущего «специальной» смысловой нагрузки: «Паша сидел на полке с красными выпученными глазами, березовым листом на ключице, и хрипло говорил: “Ну, это анекдот будет — чистыми завтра приедем. Ирина не поверит, что в тайге были, — скажет, лодку под косой бросили, а сами к девкам. Знашь, как по-эвенкийски расческа? Вошь-капкан”» [1. С. 107]. А чего стоят авторские «лингвистические комментарии» (например, о разнице между словами «булькотит» и «буркотит» и т.п.) или восхищение забытым наречием старинных лоций: «у приверха Мирновского острова”, “Ножевые камни”, “Канготовские опечки”. “Пройдя второй белый буй, следует лечь на кормовой створ № 48, а приближаясь к приверху осередка, лечь на створ № 37 и держаться на нем точно, чтобы не коснуться широкой правобережной косы-заманихи...”» [2. С. 345].

Понятно, что в поэтике Тарковского оправданным выглядит сближение речи автора и речи героя. В этом контексте значимо его замечание о В.П. Астафьеве (в очерке «Пешком по лестнице»): «Народной была и его речь, но если когда-то давным-давно по радио ее грубоватая эпичность казалась нарочитой, то теперь, когда я сам прожил столько лет за Уралом, она казалась настолько близкой и понятной...» [Там же. С. 326].

Автор не отделяет себя от мира своих персонажей, более того: подчеркивает единение с ними. Например, «нелитературное словечко» героя органично включается и в авторское повествование: «... Дед теперь толокся у Женьки в богатом доме, полном бухала и видеомагнитофонов...» [Там же. С. 312]; «Василия, шуряка, Дядька уважал. Тот был пахарь и, имея врожденный хват к любому делу, чуял повадку и перестык всех деревьях и железак...» [1. С. 153]; «А после прежний, дяди-Ильин, Анисей представился, раскрашенный его воспоминаниями, словечками...» [Там же. С. 358]. И это при том, что само наличие границы между разными речевыми сферами, разумеется, осязаемо и очевидно. Ср. в следующем примере авторское уточнение в монологе персонажа: «Косы... до сих пор перед глазами стоят... сбела (в смысле белые. — *Авт.*)» [Там же. С. 351]. Еще любопытнее, что в другом случае автор не отказывается от принятого местного словоупотребления, но в словарях, завершающих книги, дает необходимое пояснение. См. в очерке «Всё от людей»:

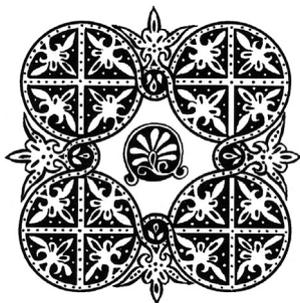
«С виду небольшой такой верткий дедок, ухватистый на движение, так налима из пролубки крюком подцепит, так привычно на лед бросит...» [Там же. С. 350]; в словаре: «Пролубка — так сельдюки называют про-рубь» [1. С. 347].

По-видимому, в целом последовательное сближение сознаний автора и героя можно считать тенденцией развития прозы М. Тарковского. Собственно, в повести «Отдай мое» размышлениями автобиографического героя автор подчеркивает это: «И как определить границу, когда давным давно нет ни “моего” ни “твоего”, а есть только “наше”. Бескрайнее наше, где слито в одно — и князь Андрей, и капитан Тушин, и “парнишка из второго батальона”, которого ты, как ни старалась, не смогла не впустить в свою отзывчивую душу, и дед, колющий листвень на берегу бескрайней реки...» [Там же. С. 117].

Литература

1. *Тарковский М.А.* Енисей, отпусти! Книга прозы. Новосибирск, 2009.
2. *Тарковский М.А.* Тойота-креста. Книга прозы. Новосибирск, 2009.
3. *Тарковский М.А.* Замороженное время. Книга прозы. Новосибирск, 2009.

*Калужский государственный
университет им. К.Э. Циолковского*

Языковая модель мира

© Л. К. ЛЕВЧУК

В данной статье рассматривается понятие языковой модели мира, его краткая история. Дается обзор современных работ по этой теме. Автор предпринимает попытку показать ключевые понятия русского сознания на материале Конституции Российской Федерации.

Ключевые слова: конституция, языковая картина мира, языковая модель мира, Вайсгербер, Гумбольдт, Вежбицкая, русское сознание.

Annotation: In this article the conception of linguistic world's picture and its history are discussed. There is a summarizing of modern works of this subject. The author tried to show the key concepts of Russian mentality based on Constitution of Russian Federation.

Key words: Constitution, linguistic picture of world, Weisgerber, Humboldt, Wierzbicka, Russian mentality.

Понятие «языковая модель мира» («языковая картина мира» / «наивная картина мира» – эти термины обычно используются как синонимы) в настоящее время довольно популярно. Наиболее подходящим, на наш взгляд, является определение А. Я. Гуревича, по которому под моделью мира понимается «сетка координат, при посредстве которых люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в сознании» [1].

Многие исследователи обращаются к данной теме с целью попытаться понять ментальность народа и его национальную специфику через язык. Однако эта идея не нова: великий ученый Вильгельм фон

Гумбольдт уже в XIX веке обращался к этой проблеме: «...Язык дает человеку предпосылку для развития внутренних сил; когда мы стремимся к бесконечному, первое побуждение, отвагу и энергию на этом пути мы получаем от языка... Влияние языка выражается в двоякого рода преимуществах — возвышении чувства языка и формировании своеобразного мировидения» [2]. В его труде «О различии в строении человеческих языков и его влияние на духовное развитие человеческого рода» важное место занимает учение о языке и духе народа: «...понимание самобытной жизни народа и внутреннего строя отдельного языка, равно как степени его соответствия требованиям языка вообще, целиком зависит от умения увидеть своеобразие национального духа в его полноте. Ведь лишь оно, каким его создала природа и сформировали обстоятельства, определяет собою национальный характер, только на этом последнем основано все творческое в истории нации, в ее учреждениях, ее мысли; в нем запечатлены ее сила и достоинство, достающиеся от нее в наследство индивидам. Вместе с тем, язык есть орган внутреннего бытия, даже само это бытие, насколько оно шаг за шагом добивается внутренней ясности и внешнего воплощения. Он всеми тончайшими нитями своих корней сросся поэтому с силой национального духа, и чем сильнее воздействие духа на язык, тем закономерней и богаче развитие последнего... Язык есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное... Среди всех проявлений, посредством которых познается дух и характер народа, только язык и способен выразить самые своеобразные и тончайшие черты народного духа и характера и проникнуть в их сокровенные тайны...» [3]. Термин «дух народа» В. фон Гумбольдт заимствовал из философских трудов Йоганна Гердера, но он сумел более явственно показать связь народного духа и языка, которым этот народ пользуется.

Следующей ступенью развития этой теории можно считать идею лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Уорфа. «Мы видим, слышим и вообще воспринимаем мир именно так, а не иначе, главным образом благодаря тому, что наш выбор при его интерпретации предопределяется языковыми привычками нашего общества» [4]. Б. Уорф писал, что люди видят мир так, как подсказывает им их родной язык. Их идея до сих пор носит название гипотезы, потому что ее нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Язык влияет на нас, на наше мировоззрение, и мы не можем этого отрицать.

Сам термин «языковая картина мира» был предложен Лео Вайсгербером в 1930-х гг. «...мы соприкасаемся с существенной стороной языка. В ней представлен определенный способ видения мира и его явлений, и так можно сказать, что язык скрывает в своей внутренней форме определенное миропонимание (Weltauffassung). Всякий человек, вступающий

в какой-либо язык, вынужден усваивать его способ понимания мира явлений и духа, и так все члены языкового сообщества перерабатывают переживаемое ими сообразно с внутренней формой их родного языка и мыслят и действуют соответственно...Теперь возникает вопрос: как же оказывается в языке эта картина мира (Weltbild)?» [5].

В другой своей работе он также писал: «Родной язык создает основу для общения в виде выработки сходного у всех его носителей образа мышления. Причем и представления о мире, и образ мышления — результаты идущего в языке постоянного процесса мирозидания, познания мира специфическими средствами данного языка в данном языковом сообществе» [6].

Чтобы полностью описать языковую картину мира какого-либо языка, нужно сначала исследовать различные ее фрагменты. Существует множество работ, касающихся русской языковой картины мира. Наиболее яркими являются «Ключевые идеи русской языковой картины мира» А. А. Зализняк, И. Б. Левонтиной и А. Д. Шмелёва, различные труды А. Вежицкой (в первую очередь, «Понимание культур через посредство ключевых слов»), «Фрагменты русской языковой картины мира» Е. С. Яковлевой и некоторые другие.

В этих работах рассматриваются специфические особенности языка и концепты, которые сложно перевести на другие языки. Например, А. Вежицкая противопоставляет русский концепт «души», который является крайне важным для русского сознания, ведь само естество человека сосредоточено именно в душе, и английский аналог «soul», который не играет такой большой роли, потому что в англоязычном мире гораздо более важным является понятие «mind». Также в этих работах подробно описаны пространственные и временные характеристики, свойственные русскому языку, дается пояснения терминам родства, словам, обозначающим цвета, и т.д. Однако тема социальных отношений пока еще мало рассматривалась учеными, поэтому на ней мы и остановимся поподробнее.

Рассмотрим языковую модель общественных отношений на материале действующей Конституции Российской Федерации.

Конечно, подобный фрагмент языковой действительности нельзя рассматривать вне окружающей действительности и государственного строя страны. Так как Россия — это демократическое государство, наиболее важными концептами, которые употребляются в Конституции, являются несколько пар. Во-первых, это разведение таких понятий, как *человек* и *гражданин*. Нам важно отделить человека как живое существо от лица, которое принадлежит определенному государству. Мы можем увидеть, что для русского человека понятие *человек* важнее понятия *гражданин*. Этому возможно несколько объяснений. Во-первых, термин *гражданин* в современном значении стал употребляться лишь с конца

XVIII века. А во-вторых, всем известна склонность русской души к свободе, см., например, [7], а принадлежность к какому-то государству налагает определенные условия. Однако в юридической литературе зачастую человеческие права (права человека) и гражданские права употребляются как синонимы. Это в очередной раз показывает, что языковая картина мира не всегда совпадает с научной. Но даже в Конституции можно увидеть различия этих терминов: «Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения» [8. Гл. 2. Ст. 17], «Граждане Российской Федерации имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей» [Там же. Ст. 32].

Еще одним понятием, которое по смыслу примыкает к уже рассмотренным, является *личность*, которое стоит рассматривать в паре с термином *народ*. И хотя понятие *личность* встречается в Конституции РФ лишь однажды, пренебрегать им нельзя: «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления» [Там же. Ст. 21]. *Личность* как индивидуальность — тоже достаточно новое понятие для русского языка, оно получило свое распространение лишь в XIX веке. Человек начинает рассматриваться как член общества, как индивидуальность. Именно в XIX веке в России зарождается интерес к отдельному человеку, к изучению его места в жизни. Этому очень способствовала русская философия того времени (идеи В. Г. Белинского, А. И. Герцена и др.). С этого момента понятие *личность* становится одним из центральных в русском сознании. *Личность* стоит выше *человека*. При этом *личность* составляет как бы естество человека, его натуру.

Если *человеком* можно стать, просто родившись, то *личность* должна сформироваться в процессе взросления (в современном русском языке часто встречаются выражения «формирование личности», «становление личности», «развитие личности»). В одном из своих значений термин *личность* может выступать синонимом *человека* (например, «известные личности»). Однако есть и еще одно значение, которое находит выражение в словосочетаниях «удостоверение личности»/ «документы, удостоверяющие личность», «установить личность». Здесь *личность* предстает как индивидуальность, которую можно каким-то способом идентифицировать. У *личности* есть *достоинство*, которое можно принизить, что влечет за собой наказание.

Личность выделяется из понятия *народ*, которое также используется в Конституции РФ: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ» [Там же. Гл. 1. Ст. 3]. Понятие *народ* всегда было важным для русского менталитета. Это то, что всегда объединяло людей. Ведь *народ* — это что-то свое, родное, а все, кто не входит в это понятие, — чужие

(оппозиция *свой* — *чужой* весьма характерна для русского сознания). При этом народ выступает как единый живой организм, который может принимать различные решения, исходя из собственных предпочтений и условий существования. Это единое целое, несмотря на то, что состав его разнородный, особенно в нашей стране.

Испокон веков на Руси существовало четкое разделение на правящую элиту и на простой народ. После перестройки Россия стала демократическим государством, что подразумевает власть народа. И в Конституции РФ мы видим фиксацию этого факта. При этом *страна* и *государство* в сознании людей разграничиваются, а *страна* и *народ* неразделимы.

Обратимся к следующей группе слов: *право*, *свобода*, *обязанность*, *долг*. Эти четыре термина часто употребляются в Конституции. Остановимся подробнее на каждом из них. *Право* — это возможность совершать какие-то действия, которая устанавливается государством: право частной собственности, право на свободу и личную неприкосновенность, право на тайну переписки, телефонных разговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений и т.д. Права можно *иметь*, *получать*, *уважать*, *защищать*, *соблюдать*, *закреплять*, *ограничивать*, *пересматривать*, *подтверждать*, *доказывать*, *признавать*, *отстаивать*, *отнимать*, *ущемлять* и *нарушать*, ими можно *обладать*, прав можно *лишать*, права могут быть *равными* и *неравными* (по Конституции все обладают равными правами), *своими* и *чужими*.

Свобода, по словарю Д. Н. Ушакова, — «возможность беспрепятственно, без стеснения и принуждения действовать в какой-н. области общественной жизни» [9]. Свободу можно *декларировать*, *подавлять*, *охранять*, *ограничивать*, *нарушать*, *предоставлять*, *давать*, *защищать*, *обеспечивать*, *уважать*, ей можно *угрожать*, свободы можно *лишать*. Существуют такие понятия, как «свобода совести», «свобода вероисповедания», «свобода мысли и слова», «свобода массовой информации», «свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания».

Обязанность и *долг* зачастую могут использоваться как синонимы. Однако в сознании русскоговорящего человека между ними все же есть разница. *Долг* рассматривается как нечто, что принадлежит человеку и что он не может передать другому или разделить с кем-то («долг перед Родиной»). *Обязанности* же налагаются кем-то на человека, их можно разделить с кем-то, переложить на кого-то, делегировать кому-то. «...Можно сказать, что долг метафоризируется как изначально существующий внутренний голос (или, быть может, голос свыше), указывающий человеку, как ему следует поступить, тогда как обязанность метафоризируется как груз, который необходимо перенести с места на место. Мы можем возложить на кого-либо обязанность, как возлагают груз, но

нельзя *возложить долг. Мы говорим: У него нет никаких обязанностей, — но нельзя сказать: *У него нет никакого долга. Ведь долг существует изначально, независимо от чьей-либо воли. Для человека важно иметь чувство долга, прислушиваясь к голосу долга, к тому, что повелевает долг. Во всех этих контекстах слово обязанность не употребляется... Все сказанное свидетельствует о том, что для этических представлений носителей русского языка чрезвычайно существенно именно понятие долга, которое определенным образом соотносится с другим важным моральным концептом — понятием совести. Долг — это внутренний голос, который напоминает нам о высшем; если же мы не следуем велению долга, этот же внутренний голос предстает как совесть, которая укоряет нас. Обязанность же представляет собою нечто внешнее и утилитарное, и уже поэтому она не играет столь же существенной роли для русской языковой ментальности, как долг» [10].

Суд — еще один важный концепт, требующий рассмотрения. Истоки этого слова можно найти еще в славянской мифологии: «Суд (Усуд) — существо, управляющее судьбой. Суд посылает Сречу или Несречу — воплощение счастливой и злой доли. В дни, когда Усуд рассыпает в своем дворце золото, рождаются те, кому суждено быть богатым. Когда же Усуд рассыпает в хижине черепки, рождаются бедные. К этому же корню восходит и имя греческой богини Фемиды, что позволяет рассмотреть Усуда как архаизм славянской мифологической системы и связать его с древнейшими индоевропейскими мифологическими представлениями» [11]. Суд является выражением высшей справедливости, будь то высший суд (божественный) или суд государственный, как в Конституции.

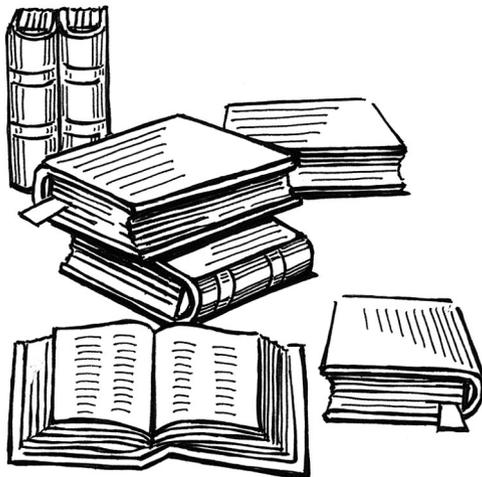
Таким образом, мы видим, что рассмотрение языковой модели общественных отношений — задача важная и интересная. В этой статье мы рассмотрели лишь самые основные понятия, использующиеся в Конституции РФ, однако впереди предстоит еще большая работа.

Литература

1. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 15, 16.
2. Гумбольдт В. фон. Характер языка и характер народа // Язык и философия культуры. М., 1985. С. 375, 376.
3. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человечества http://www.libma.ru/jazykoznanie/94_izbrannye_trudy_po_jazykoznaniju/p3.php
4. Сепир. Статус лингвистики как науки. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Article/sep_stat.php
5. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа. М., 2009. С. 118–120.

-
6. *Вайсгербер Л.* Язык и философия // Вопросы языкознания. 1993. № 2. С. 111, 112.
  7. *Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005.
  8. Конституция Российской Федерации. <http://www.constitution.ru/index.htm>
  9. *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь русского языка. М., 2005.
  10. *Шмелев А.Д.* Лексический состав русского языка как отражение «русской души» // Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005. С. 28, 29.
  11. *Голованивская М.К.* Ментальность в зеркале языка. Некоторые базовые мировоззренческие концепты французов и русских. М., 2009. С. 82, 83.

МГУ им. М. В. Ломоносова

Человек: пол неизвестен,
а род мужской, и это не сексизм*

© И. Г. МИЛОСЛАВСКИЙ,
доктор филологических наук

3

Род как характеристика сочетаемости свойств существительных представлен во всех славянских и подавляющем большинстве индоевропейских языков. Это позволяет предполагать, что в древнейшие времена с родом были связаны какие-то содержательные представления людей о жизни. Эти представления по мере развития общества утратились, что приводило либо к почти полной утрате родовой характеристики, как, например, в современном английском языке, либо к упрощению системы родов до двух членов, как, например, в современном французском или испанском. Однако даже оказавшись семантически опустошенной, сохраняясь лишь как сочетаемость особенность, характеристика слов по роду сохранила свою содержательную

* Окончание. Начало см. Русская речь. 2017. № 1.

ассоциативную ценность в фольклоре, песнях и загадках, баснях и притчах и даже в современной поэзии, т.е. во всех тех типах текстов, которые представляют собой не только информацию о «положении дел», но апеллируют к чувствам, настроению, ассоциативным моментам в восприятии читателя/слушателя. Вспомним хотя бы популярную и сегодня песню о качающейся «тонкой рябине, что стоит, головой склоняясь до самого тына», и о высоком дубе, что «через дорогу, за рекой широкой стоит также одинокий». Ясно, что песня эта отнюдь не пейзажная зарисовка, а горестный рассказ о несчастной женской (*рябина* — слово женского рода) и мужской (слово *дуб* — мужского рода) судьбе.

Многие исследователи обращали внимание на то, что в лермонтовском переводе стихотворения из Гейне в подобной же ситуации говорится о сосне (*«на севере диком стоит одиноко на голой вершине сосна»*) и пальме (*в пустыне далекой, в том крае, где солнца восход, одна и грустна на утесе горючем прекрасная пальма растет*), где оба существительных женского рода. В немецком оригинале речь идет об *ein Fichtenbaum* (слово мужского рода) и *die Palme* (слово женского рода). Таким образом, Лермонтов, в отличие от Гейне, говорит не о разлуке влюбленных, но о разобщенности и взаимном непонимании людей вообще.

В русских народных сказках и пословицах фигурируют вместе *лиса* и *журавль*, *журавль* и *цапля*, *кувшин* и *вода*, за которой тот повадился ходить. При этом лиса обычно выступает как носитель женского начала (в отличие, например, от немецкого фольклора, где фигурирует непривычный для нас лис, обманщик и хитрец). А медведь и волк в русских сказках — обычно носители мужского начала. И в популярной басне, переведенной Крыловым, выступают беспечная и веселая стрекоза (слово женского рода!) и трудолюбивый, обстоятельный, хотя, быть может, и несколько занудный муравей (слово мужского рода). И лук в качестве отгадки к загадке «сидит дед в семь шуб одет, кто его раздевает, тот слезы проливает» родом слова для его обозначения объясняет, почему же он «дед». Как и морковь в загадке «сидит девица в темнице, а коса наружу» потому девица, что слово *морковь* — женского рода. Вспомним также о том, что Русь — это матушка, как и Волга, а Енисей — батюшка, как и Байкал, а непокорная беглянка Ангара, согласно легенде, это дочь и невеста.

Подобные совмещения мужского рода слова и «мужчина» (по значению этого слова) и женского рода слова и «женщина» (по значению этого слова) нередко выступают не только в приведенных примерах ассоциативных связей. Такое совмещение обычно и в таких важнейших противопоставлениях, как *отец* — *мать*, *брат* — *сестра*, *сын* — *дочь*, *дедушка* — *бабушка* и др. Однако подчеркну еще и еще раз, такие «совпадения» между родом как сочетаемостной характеристикой

слова и полом как семантической характеристикой существа, обозначенного этим словом, никак не меняют фундаментального положения, противопоставляющего род и пол. Род — сочетаемостная характеристика слова. Пол — существенная характеристика человека или животного. И путать род и пол так же недопустимо, как путать число и цифру или букву и звук.

4

Итак, обычно в процессе чтения или понимания со слуха проявляющийся в тексте в формах связанных слов род существительных следует принимать во внимание лишь при существительных общего рода (*неряха, разиня, соя* и т.п.) и неудачливых «кандидатов в общий род» (*декан, хирург, президент* и т.п.). Во всех других случаях родовую принадлежность можно просто игнорировать, кроме тех случаев, когда мы интерпретируем в целях глубокого понимания художественный текст, особенно поэтический и/или фольклорный.

Совсем по-другому выглядит ситуация в том случае, если посмотреть на нее с позиций говорящего или пишущего, т.е. с позиций не интерпретатора уже имеющегося текста, но с позиций его создателя. Здесь возникают две принципиальные трудности. Первая заключается в том, что производитель речи сомневается в родовой принадлежности некоторых слов (*тюль, мозоль, жалюзи, авеню, ГИБДД* и др., т.е. «обычные» оканчивающиеся в словарной форме на мягкий согласный, заимствования с исходом на гласный, некоторые аббревиатуры). Очевидно, что тривиальный совет в этих случаях — это обращаться к словарям. Однако этот совет по разным причинам не всегда эффективен, в частности, из-за расхождений между словарями и даже из-за отсутствия некоторых новейших слов в словарях. В связи с этим я рекомендовал бы никогда не забывать о выигрышном положении говорящего и пишущего. Он сам может выбрать средства для самовыражения. Напомню в связи с этим слова Д. Э. Розенталя: «Если вы не знаете, как следует писать слово *здесь*, пишете *тут*».

Никто не заставляет говорящего или пишущего соединять существительные, чья родовая принадлежность вызывает его сомнения, с теми другими словами (прилагательными, причастиями, личными формами глаголов прошедшего времени), которые непременно выявляют неясную для автора родовую характеристику. Например, сомневаясь в выборе *черное кофе* и *черный кофе*, можно попросить *чашечку черного кофе* (родительный падеж позволяет уклониться от неприятного выбора), *кофе эспрессо (по-турецки)*, употребив несклоняемое прилагательное или наречие, или просто *кофе без молока (сливок)*.

Вторая трудность, которая может возникнуть перед говорящими/пишущими, связана уже с соблюдением норм литературного языка,

нарушение которых не влияет на взаимопонимание, однако не добавляет симпатий к производителю речи со стороны грамотного читателя/собеседника. Речь идет о неприменном желании обозначить пол лица или животного или, напротив, уклониться от такого уточнения. Как следует из предшествующих рассуждений, в русском языке действуют весьма разнообразные средства, предназначенные для обозначения пола живого существа (форма согласуемых и связанных слов, разнообразные суффиксы, участвующие в разнонаправленной деривации и нередко осложненные оценочным компонентом, отсутствие некоторых общепринятых обозначений, индивидуальные лексические корреляты). Неуверенность относительно правил использования этих средств должна непременно напомнить говорящему/пишущему о его свободе при совершении речевых поступков. Именно в силу этой свободы легко исполнить желание сообщить о поле лица, просто добавив к своему высказыванию соответствующую информацию: *декан, обаятельная женщина (суховатый старичок); Мария Петровна (Иван Сергеевич) невежда; хирург Николаев (Анна Петровна Бойко)* и т.д. и т.п.

То же самое относится и к животным, где в качестве универсального обозначения могут выступать слова *самец* или *самка*, хотя их сочетания, например, с *кошка* или *собака* звучат несколько странно. Здесь можно рекомендовать многозначительное, а не просто анафорическое употребление местоимения *он* (для живых существ мужского пола) и *она* (для живых существ женского пола). Напомню, что возможностью замены обоими местоимениями в зависимости от пола лица обладают также и некоторые слова, обозначающие лиц (*учитель, директор, врач, хирург* и др.).

МГУ им. М. В. Ломоносова

Акация, Греция, Евдокия

О склонении существительных, оканчивающихся на -ия

© О. М. ЧУПАШЕВА,
доктор филологических наук

В статье анализируются личные имена и существительные на -ия, представлены их группы, рассматриваются окончания, их совпадение или несовпадение в родительном, дательном, предложном падежах в каждой группе.

Ключевые слова: существительное на -ия, нарицательное, собственное, личное имя, падеж, родительный, дательный, предложный, падежное окончание.

The paper presents personal names on -ия. It also analyses their groups, case endings, their coincidence or discrepancy in a genitive, dative prepositional cases in each group.

Key words: noun on -ия, common noun, proper noun, personal name, case, genitive, dative, prepositional, case endings.

Склонение, напомним, — это изменение по падежам. Склоняются только имена (существительные, прилагательные, числительные, местоимения-существительные, местоимения-прилагательные) и причастия. Причастия — потому что они наряду со свойствами глагола имеют признаки имени прилагательного. Обратимся к именам существительным, в именительном падеже оканчивающимся на -ия.

По особенностям склонения все существительные делятся на несколько типов, каждый из которых имеет свою систему падежных окончаний. Существительные на -ия (*акация, Франция, Евдокия*) в научной грамматике отнесены ко II склонению [1. С. 167], а в школьной — к I [2] вместе с существительными мужского, женского и общего рода, имеющими в именительном падеже окончания -а, -я: (*дядя, стрела, плакса*). Заметим, кстати, что -я здесь — орфографическое обозначение окончания. Буква я является показателем мягкости предшествующего согласного, окончание же — редуцированный, то есть сокращенный, звук [а]. Окончания, или флексии, приведенных слов в падежах родительном (далее — *Род.*) -и, а в дательном (далее — *Дат.*) -е и в предложном (далее — *Предл.*) -е, т.е. совпадают: у *дяди, стрелы, плаксы; к дяде, стреле, плаксе; о дяде, стреле, плаксе*.

Существительные женского рода на *-ия* отличаются от основного состава существительных рассматриваемого склонения окончаниями в названных падежах. Подчеркнем, что *-ия* не является окончанием: буква *я* после гласного обозначает два звука [йа], из которых окончание только [а], чаще тоже редуцированный. Нет единообразия в окончаниях перечисленных падежей и непосредственно в самой этой группе. Встает задача правильного выбора флексий, что весьма актуально как для устной, так и для письменной речи.

Среди существительных на *-ия* выделяем несколько групп: 1) *абстракция, авиация, акция, артиллерия, кавалерия, камелия, конституция, копия, лилия, премия, радиация, реконструкция, станция, химия* и под.; 2) *Австралия, Австрия, Азия, Англия, Великобритания, Гренландия, Греция, Лапландия, Россия, Удмуртия, Япония* и под.; 3) *Агния, Азалия, Анастасия, Валерия, Виктория, Евгения, Зульфия, Ия, Клавдия, Ксения, Лидия, Лилия, Лия, Мария, Мурзия, Наталия, Ругия, Саня, Эмилия, Юлия* и под. Они неоднотипны по морфологическим признакам: разграничиваются существительные нарицательные (1) и собственные (2,3). Имена собственные по значению делятся на наименования государств, островов, частей света (2) и личные имена (3).

В грамматиках отмечается, что у существительных женского рода на *-ия* окончание *-и* в дательном, предложном падежах [1. С. 167; 3. С. 486]. Добавим, что в Род. падеже у этих существительных флексия также *-и*. В школьных учебниках отражено совпадение окончаний *-и* в Род., Дат. и Предл. падежах (2. С. 80). Ср.: у *авиации, к авиации, об авиации*. То же окончание *-и* в рассматриваемых падежах у имен существительных собственных неличных (группа 2): Род. у *России, Азии*; Дат. к *России, к Азии*; Предл. в *России, в Азии*. В отличие от них, флексии личных имен группы (3) в рассматриваемых падежах неодинаковы.

Известно, что личные имена выступают в двух видах: документальные, или официальные, и разговорные [4. С. 15]. Некоторые из анализируемых личных женских имен имеют разговорные варианты на *-ья*: *Наталия – Наталья, Ксения – Ксенья, Мария – Марья, Анастасия – Настасья*. Документальные и разговорные имена изменяются по-разному. Разговорные изменяются по общему правилу склонения существительных женского рода на *-а, -я*: Род. у *Наталии, Ксении, Настасьи*, Дат. к *Наталье, Ксенье, Настасье*, Предл. о *Наталье, Ксенье, Настасье*.

Одинаково ли склоняются все личные документальные имена на *-ия*? Сравним имена типа а) *Наталия, Ксения, Анастасия, Лия* и б) *Зульфия, Мурзия, Саня*. Нельзя не заметить, что они различаются ударением – на основе слова (группа а) и на окончании (группа б). У имен (а) ударение разноместное, то есть может быть на любом слоге основы, например, на первом (*Ксения*), на втором (*Валерия*), на третьем (*Евдокия*), на четвертом (*Анастасия*). У имен (б) оно одноместное – только на последнем слоге, на окончании. Различие в ударении становится причиной различных окончаний личных имен в перечисленных падежах.

Имена группы (а) в рассматриваемых падежах, за исключением *Ия, Лия*, имеют те же окончания, что и существительные на *-ия* нарицательные,

а также наименования государств и под., т.е. у них окончания *-и* в *Род.*, *Дат.* и *Предл.* падежах: у *Наталии*, *Ксении*, *Анастасии*; к *Наталии*, *Ксении*, *Анастасии*; о *Наталии*, *Ксении*, *Анастасии*. Проиллюстрируем их употребление в предложениях: *Приехал в Россию, он ответил на вопросы корреспондента «Известий» Марии Кувшиновой* (М. Кувшинова); *Вензель принадлежал последней владелице дома – Марии Николаевне Черкасской, урожденной Щербаковой* (С. Апенин); *Оказалось, он писал ее для фильма о Марии Каллас, который собирался снимать Дзеффирелли* (В. Кичин) [5].

Обратимся к женским именам *Ия*, *Лия* и под. Судя по данным Национального корпуса русского языка, они нечастотны, что подтверждается и полным академическим справочником «Правила русской орфографии и пунктуации» [6. С. 77]. При анализе фактического материала выясняется своеобразие форм этих имен в рассматриваемых падежах. *Род.*: *Также отмечу довольно неплохую игру Лии Ахеджаковой* (...) (коллективный); *Умные глаза Лии Абрамовны Флит встречали тебя с порога* (В. Арро). *Дат.*: *Нужно завтра позвонить Лии Мамедовне* (...) (Т. Устинова); *И эту роль дали Лии Ахеджаковой* (И. Изгаршев); *Вот что, Паша, передайте эту записку Ие* (К. Вагинов); *Отдельное спасибо Александру Ширвиндту и Лие Ахеджаковой* (коллективный); *Две песни я посвятил дочери: одну написал, когда Лие исполнился год* (...) (С. Ткачева). *Предл.*: *Яков разве не женился на Лии, когда думал, что это Ривка?* (В. Короленко). Показательно, что в *Род.* и *Предл.* падежах флексии *-и* совпадают, как в именах типа *Наталия*. Что касается *Дат.* падежа, то в приведенном материале наряду с окончанием *-и* использовано *-е*. Как правильно? Обратимся к справочникам.

В «Справочнике по правописанию и литературной правке» Д.Э. Розенталя рекомендуется писать букву *и*: «*сестрам Ии и Лии*» [7. С. 35], аналогично в [8. С. 35]. Иначе в полном академическом справочнике «Правила русской орфографии и пунктуации»: у форм *Дат.* и *Предл.* падежей этих имен окончание *-е* по общему правилу, т.е. по правилу изменения существительных на *-а*, *-я* (*сестра*, *тетя*), среди примеров – «*Ия*, *Лия*, *Вия* (женские имена) – к *Ие*, о *Лие*, о *Вие*» [6. С. 77–78]. Предпочтительной следует признать рекомендацию полного академического справочника.

Рассмотрим личные имена с ударением на последнем слоге (группа б). В материалах Национального корпуса русского языка у данных имен совпадают флексии *Род.*, *Дат.*, *Предл.* падежей, это *-и*, как у имен группы (а): *Дверь распахнулась, и в гостиной показалось озабоченное лицо Зульфии* (...) (С. Данилюк); *План такой: завтра к одиннадцати вы подъезжаете к Зульфии* (...) (А. Щербаков); *Упаси вас бог, Сергей, произнести слово «реклама» при Зульфии!* (А. Щербаков) [5]. Между тем, по данным полного академического справочника, они дифференцируются: *-и* только в *Род.*, а формы *Дат.* и *Предл.* падежей личных имен оканчиваются на *-е*; как в приведенных в справочнике примерах: *Зия*, *Алия*, *Зульфия* – о *Зие*, об *Алие*, к *Зульфие* [Там же]. Чем объяснить такое расхождение? В текстах предложений окончания этих личных имен, как и у имен группы (а), соответствуют правилу, сформулированному Д.Э. Розенталем: «в существительных, имеющих перед падежными окончаниями гласный *и*, пишется в предложном

падеже единственного числа (у слов женского рода также в дательном падеже) буква *и*» [7. С. 35], то же в [8. С. 35]. Очевидно, что в этом случае не учитывается дифференциация имен по месту ударения. Обращает на себя внимание и то, что примеры личных имен существительных с ударением на последнем слоге в «Справочнике по правописанию и литературной правке» отсутствуют. Думается, что, с учетом вышесказанного, выбирая окончания, целесообразно опираться на правило, сформулированное в академическом справочнике, то есть (в дополнение к рассмотренным примерам): *Род. у Альфи́й, Мурзи́й, Руги́й, Сани́й; Дат. к Альфи́е, Мурзи́е, Руги́е, Сани́е; Предл. об Альфи́е, Мурзи́е, Руги́е, Сани́е.*

Таким образом, выбирая окончание в формах *Род.*, *Дат.* и *Предл.* падежей существительных на *-ия*, надо следовать такому алгоритму.

1) Определите, является существительное нарицательным или собственным.

2) Существительное нарицательное – в *Род.*, *Дат.* и *Предл.* пишется *-и*.

3) Существительное собственное – определите его значение.

4а) Наименование государства, острова и под. – в *Род.*, *Дат.* и *Предл.* пишется *-и*.

4б) Существительное личное – определите место ударения в слове (на основе или на окончании).

5а) Ударение на основе, кроме *Лия*, *Ия* и под., – в *Род.*, *Дат.* и *Предл.* пишется *-и*.

5б) *Лия*, *Ия* и под. – в *Род.* пишется *-и*, в *Дат.* и *Предл.* пишется *-е*.

6) Ударение на окончании – в *Род.* пишется *-и*, в *Дат.* и *Предл.* пишется *-е*.

Литература

1. Краткая русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой, В. В. Лопатина. М., 1989.
2. Русский язык: учеб. для 6 кл. общеобразоват. учреждений. М., 2006.
3. Русская грамматика: В 2 т. М., 1980. Т. I.
4. Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. М., 1980.
5. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/>
6. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. М., 2006.
7. Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке. М., 1996.
8. Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке / Под ред. И.Б. Голуб. М., 2005.

Глазовский государственный педагогический институт им. В. Г. Короленко

Спряжение односложных глаголов на *-ать*

© Е. М. РУЧИМСКАЯ,
кандидат педагогических наук

В статье рассматривается спряжение в русском языке односложных глаголов на *-ать* с беглой гласной (*о* или *е*) и без беглой гласной. Инфинитивы «жать₁» и «жать₂» рассматриваются как омоформы. Затрагивается изменение согласных при спряжении.

Ключевые слова: односложные глаголы на *-ать*, первое спряжение, второе спряжение, беглая гласная *о*, беглая гласная *е*, совершенный вид, несовершенный вид, омоформы, русский язык.

The article is devoted to conjugation of one-syllable verbs with ending *-ать* in Russian. Verbs with fluent vowel (*o* or *e*) and verbs without fluent vowel are examined. Infinitives «жать₁» and «жать₂» are treated as homonymous forms. Changing of consonants is examined as well.

Key words: one-syllable verbs with ending «ать», first conjugation, second conjugation, fluent vowel *o*, fluent vowel *e*, perfective aspect, imperfective aspect, homonymous forms, Russian.

В русском языке существует немногочисленная группа односложных глаголов на *-ать*. Давайте сравним спряжение некоторых из них: *знать* (*знаю, знаешь, знает, знаем, знаете, знают*), *брать* (*беру, берёшь, берёт, берём, берёте, берут*), *врать* (*вру, врёшь, врёт, врём, врёте, врут*). Как видно из примера, в одних глаголах при спряжении появляется беглая гласная (*о* или *е*), в других – нет. Есть ли тут какая-то закономерность?

Разумеется, призвав на помощь этимологию, мы можем выяснить происхождение беглой гласной в конкретном глаголе. Но вслед за

Фердинандом де Соссюром четко разделяя синхронию и диахронию, мы будем рассматривать современный срез языка.

Итак, беглая *о* появляется в глаголах *звать* (*зову, зовёшь, зовёт, зовём, зовёте, зовут*), *знать* (*гоню, гонишь, гонит, гоним, гоните, гонят*). Беглая *е* появляется в глаголах *стлать* (*стелю, стелешь, стелет, стелем, стелете, стелют*), *брать* (*беру, берёшь, берёт, берём, берёте, берут*). Отметим, что не в односложных глаголах беглая гласная может быть в инфинитиве и отсутствовать в формах спряжения, например, *тереть* (*тру, трёшь, трёт, трём, трёте, трут*), *переть* (*пру, прёшь, прёт, прём, прёте, прут*).

Есть ли какая-то связь между тем, какая согласная перед *а* в инфинитиве, и формами спряжения глагола? Убеждаемся, что такой связи нет. Например, когда перед *а* буква *в*, то глагол может быть и с беглой гласной (*звать* — *зову* и т.д.), и без беглой гласной (*рвать* — *рву* и т.д.); когда перед *а* — буква *р*, то глагол может быть и с беглой гласной (*брать* — *беру* и т.д.), и без беглой гласной (*врать* — *вру* и т.д.); когда перед *а* — буква *л*, то глагол может быть и с беглой гласной (*стлать* — *стелю*) и т.д.), и без беглой гласной (*слать* — *шлю* и т.д.).

Большинство односложных глаголов на *-ать* спрягаются без беглой гласной. Среди этой группы сразу выделим единственный в своем роде глагол *знать*, при спряжении которого во всех формах сохраняется *а*, и в устной форме появляется звук [j] (*знаю, знаешь, знает, знаем, знаете, знают*).

У остальных глаголов без беглой гласной в корне — одни согласные: *рвать* (*рву* и т.д.), *лгать* (*лгу* и т.д.), *ждать* (*жду* и т.д.), *жаты1* (*жму* и т.д.), «*жаты2*» (*жну* и т.д.), *ткать* (*тку* и т.д.), *слать* (*шлю* и т.д.), *спать* (*сплю* и т.д.), *врать* (*вру* и т.д.), *жрать* (*жру* и т.д.), *мчать* (*мчу* и т.д.). Рассмотрим некоторые из них.

Инфинитивы *жаты1* (*жму* и т.д.) и *жаты2* (*жну* и т.д.) — омоформы. Вслед за авторами учебного пособия «Современный русский язык» под общей редакцией В.Д. Старичёнка мы считаем омоформами «слова, совпадающие по звучанию и написанию (выделено мною. — Е.Р.) лишь в отдельных грамматических формах» [1]. Существует и другая точка зрения [2,3,4]: омоформы — слова, совпадающие в части форм лишь по звучанию; мы с этой точкой зрения не согласны, что подробно аргументируется в монографии [5]. Когда-то инфинитивы от *жму* и *жну* произносились и писались по-разному. Потом они слились и в произношении, и в написании. То же произошло и с формами прошедшего времени: *жал, жала* и т.д. Дети интуитивно чувствуют в этих словах омоформию и стараются устранить ее. Например, моя дочь, когда ей было пять лет, говорила «пожмала руку». Отметим, что В. И. Даль дает *жаты1* и *жаты2* в разных гнездах [6].

Посмотрим, какие изменения происходят с согласными в некоторых из этих глаголах.

В формах спряжения глагола *лгать* (*лгу, лжёшь, лжёт, лжём, лжёте, лгут*) *г* меняется на *ж* перед *ё*. От корня *лг* образовано существительное *лгун*, а от корня *лж* — синонимичное существительное *лжец*.

В формах спряжения глагола *слать* (*шлю, шлёшь, шлёт, шлём, шлёте, шлют*) *с* переходит в *ш*.

При спряжении глагола *спать* (*сплю, спишь, спит, спим, спите, спят*) в форме 1-го лица ед.ч. перед *ю* возникает *л*. Так бывает не только у односложных глаголов на *-ать*. Например, *кормить* — *кормлю, копить* — *коплю, рубить* — *рублю, ловить* — *ловлю, графить* — *графлю*, т.е. *л* возникает перед *ю* после губно-губных и губно-зубных.

Все упомянутые глаголы — несовершенного вида. Только два односложных глагола на *-ать* — совершенного вида. Это *стать* и *дать*. При спряжении глагола *стать* появляется согласная *н*: *стану, станешь, станет, станем, станете, станут*. Совершенно особое спряжение у глагола *дать*: *дам, дашь, даст, дадим, дадите, дадут*. Сравним его со спряжением тоже весьма необычного глагола *есть*, не относящегося к рассматриваемой группе: *ем, ешь, ест, едим, едите, едят*. У обоих этих глаголов в единственном числе сохранились древние формы. Во множественном числе глагол *есть* спрягается по 2-му спряжению, а глагол *дать* в 1-м и 2-м лице — по 2-му спряжению, но в 3-м лице неожиданно — по 1-му спряжению («*едЯт*», но «*дадУт*»).

Почти все рассматриваемые нами глаголы — это глаголы 1-го спряжения. Ко 2-му спряжению относятся только глаголы *дать* (частично!), *спать, мчать*, а из группы глаголов с белой гласной — *знать*.

А теперь посмотрим, как образуется форма повелительного наклонения у этих глаголов.

Почти у всех глаголов эти формы односложны: *дай, знай, стань, рви* и т.д. Только у глаголов с белой гласной форма повелительного наклонения двусложная: *зови, гони, стели, бери, дери*. У этих глаголов — окончание *-и*. У глаголов с одними согласными в корне (*рвать-рву, лгать-лгу, ждать-жду* и т.д.) также окончание *-и* (*рви, лги, жди* и т.д.).

У единственного глагола *стать* (*стань*) форма повелительного наклонения оканчивается на *-ь*.

У двух глаголов *знать* (*знай*) и *дать* (*дай*) форма повелительного наклонения оканчивается на *-й*. У глагола *знать* это естественно: как мы уже отмечали, в устном варианте в этом глаголе при спряжении появляется звук [j]. При спряжении глагола *дать* звука [j] нет ни в единственном числе, где архаичные формы (*дам, дашь, даст*), ни во множественном числе, где появляется *д* (*дадим, дадите, дадут*). Кажется, что форма повелительного наклонения должна быть либо «дади» (по аналогии с «братъ — бери»), либо «дадь» (по аналогии со «стать — стань»). Так и было. Молитва Господня: «Хлеб наш насущный **даждь** нам днесь» («Хлеб наш насущный **дай** нам на этот день»). В современном русском

языке форма повелительного наклонения, к удивлению, – *дай*. Может быть, это вызвано тем, что «дать» и «дадь» произносятся одинаково, т.е. являются омофоничными омоформами (подробнее об омофоничных и омографичных омоформах в [5]), и язык стремится избежать этого?

Впрочем, мы убеждаемся в том, что односложные глаголы на *-ать* спрягаются совершенно по-разному.

Литература

1. Современный русский язык: Фонетика. Орфоэпия. Графика. Орфография. Лексикология. Фразеология. Словообразование. Морфология: Учеб. пособие / Под общ. ред. В.Д. Старичёнка. Мн., 1999. С. 93.
2. Галкина-Федорук Е.М. Современный русский язык. М., 1954. С. 61.
3. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык. 5-е изд. М., 2003. С. 31.
4. Рахманова Л.И., Суздальцева В.Н. Современный русский язык. Лексика. Фразеология. Морфология: Учеб. пособие. М., 1997. С. 76.
5. Ручимская Е.М. Системный подход к рассмотрению явлений омонимии и синонимии в естественных и информационных языках. М., 2010. С. 71–74.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955.

Москва

Языковая игра в интернет-общении

© С. Ю. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ,
кандидат филологических наук,
© Д. Г. КОНОВАЛОВА

В настоящей статье затронута тема языковой игры в Интернете с использованием прецедентных текстуальных компонентов.

Ключевые слова: прецедентный текстуальный компонент, языковая игра.

This article describes language play based on precedent textual components. Precedent textual components are elements reveal high level of creative mind and realization of creative function in language.

Key words: precedent textual component, language play.

В Интернете очень многие пользователи социальных сетей употребляют в общении высказывания, которые построены на эксперименте со словом. При этом часто используются известные фразы, либо широко распространенные элементы из дискурса сети Интернет (всевозможные клише, штампы и т.д.) Как правило, это языковые шутки, находящиеся в свободном доступе в социальной сети Вконтакте [www.vk.com]. Чтобы понимать или «считывать» их смысл, необходимо обладать языковыми компетенциями, которые актуальны для пользователя сети. Например: «В онлайн зашел я посмотреть, заходит ли в онлайн она, чтоб посмотреть сию в онлайн ли я». Это прецедентная трансформированная синтаксическая структура, где лексика свидетельствует об интернет-общении (лексема *онлайн*). Прототипом высказывания является строка из песни «Видение» М. Леонидова: «Я обернулся посмотреть, не обернулась ли она, чтоб посмотреть, не обернулся ли я».

В языковых шутках реализуется экспрессивность языка, находит воплощение креативность мышления, о чем могут свидетельствовать оригинальность или способность продуцировать ассоциации: «*Каждый сам себе Буратино*» — контаминация «каждый сам себе режиссер» + Буратино — метафорический элемент, прецедентное имя. «*Это без велосипеда я злой, а с велосипедом я вообще сатана*» — метафорический

элемент, прецедентный теоним с оригинальным значением — «самый злой спортивный азарт»;

семантическая гибкость — способность предложить новое использование функции объекта: «*Сейчас модно выглядеть как дровосек, который не рубит деревья, а целый день ухаживает за собой, чтобы понравиться другим дровосекам*» — лексема *дровосек* восходит к прецедентному имени героя, имеющего характеристику «отсутствие сердца»;

семантическая спонтанная гибкость — способность продуцировать разнообразные идеи [1]: «*На словах ты Лев Толстой, а на деле — шмель простой*». Метафора «Лев Толстой» несет комплекс значений — «владеющий словом как тяжелым орудием, способный одним словом совершить любое действие, а шмель — метафора, которая метко превращает действие в «жужжание».

О языковой игре следует говорить в том случае, если «несерьезное» отношение к речи является доминантой высказывания, языковое творчество самоцелью или подчиняется конкретным речевым задачам [2]. Основной причиной семантической трансформации языкового значения в Интернет-пространстве бывает намеренное стремление к языковой игре — обыгрывание каких-либо ситуаций в шутливой форме, желание поделиться смешной и нестандартной информацией с друзьями и т.д.

Языковая личность в пространстве социальных сетей (ресурсы Вконтакте, Instagram, LiveJournal и др.) использует наиболее интересные и яркие элементы языка, которые порождают определенные оценочные смыслы, также они всегда отражают языковую моду: «*Весь мир — театр, а люди в нем в шоке от цен на билеты*». Выделенная нами часть имеет общеизвестное значение, которое используется Шекспиром (известно и как надпись в театре «Глобус» и как часть строки из произведения «Как Вам это понравится»). Вторая часть высказывания говорит о таком приеме, как дефразеологизация прецедентного текстуального компонента. «*Встаю только после третьего звонка будильника, потому что весь мир — театр*». Можно воспринимать фразу буквально: после третьего звонка будильника, как и в театре, начинается жизнь — новое действие.

Существуют элементы, которые имеют частотную повторяемость и могут считаться определенными прецедентными клише: «*Гугл для слабаков. Настоящие мужчины спрашивают у ясеня!*». Языковую игру представляет контаминация прецедентного клише «*X для слабаков*» + прецедентное клише Гугл + аллюзия на «я спросил у ясеня». «Игорь и так нервничал, но когда хирург произнес “*OK, Google*” — вообще запаниковал». Прецедентное клише имеет структуру «*Окей, Гугл + вопрос*» это обращение к электронному аудиопоиску. Языковая игра построена на описании ситуации, в которой врач имеет недостаточное количество

знаний и обращается за помощью к компьютеру: «Ок, Google, как переустановить нервную систему?» – прецедентное клише использовано для достижения комического эффекта, которые имеют определенное направление – для достижения комического эффекта.

Наиболее распространенным приемом для создания языковой игры является интердискурсивная транспозиция: «*Какие могут быть планы, когда, возможно, Аннушка уже разлила масло!*». Известный прецедентный текст М.А. Булгакова заключает предопределенность событий, человеческих судеб и даже интеллектуальных способностей: «Во время разговора с недалеким человеком, вместо того, чтобы злиться, просто подумай, что *Аннушка уже пролила масло*, и спокойно уходи». Для таких выражений сумма частей компонентов высказывания не равна общему смыслу высказывания.

«Я не Минздрав, предупреждать не буду!» – происходит расщепление устойчивой структуры прецедентного компонента, а использование отрицательной тональности необходимо для создания комического эффекта, который построен на многозначности глагола *предупреждать*. Этим высказыванием в сети Интернет может быть описан характер человека либо стиль его общения – бескомпромиссность, бесцеремонность, решительность. Иногда прецедентные тексты актуализируют метонимические связи:

- *Что за круги у тебя под глазами?*
- *Пятый и шестой по Данте!*

Происходит контаминация смыслов: понятие *круги под глазами* получает экспрессию, образность, перенос в мир *кругов ада*, иронично подчеркивая пятый – мучения для гневных и унывающих, а шестой для еретиков и лжеучителей.

В заключение скажем, что в Интернете появляются интересные случаи языковой игры на основе использования в составе высказываний прецедентных текстов или их частей. Их использование свидетельствует о развитии креативного мышления у пользователей и наличии широких языковых возможностей для его реализации.

Литература

1. *Трик Х.Е.* Основные направления экспериментального гения творчества // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления / Под ред. Ю.Б. Гипленрейтер, В. В. Петухова. М., 1981. С. 298–303.
2. *Левин Ю.И.* Истина в дискурсе. Семиотика и информатика. Вып. 34. М., 1994. С. 134.

Язык прессы

Ошибки бывают разные...

© М. С. ЯСТРЕБОВ-ПЕСТРИЦКИЙ

В статье сравнивается пресса современная и ушедших веков с точки зрения культуры издания, стилистических особенностей, наличия ошибок и опечаток в газетных текстах.

Ключевые слова: периодическое издание, газетный текст, орфография, стилистика, опечатка, речевая и морфологическая ошибка, переходный глагол, безличная конструкция, топоним.

The article noted the details and nuances of the material contained in the publications of the Newspapers of the three epochs, XIX–XXI.

Key words: periodical, newspaper text, spelling, stylistics, typo, speech and morphological error, transitive verb, impersonal construction.

В сегодняшней прессе можно встретить ошибки смыслового характера, неуместно примененные речевые обороты, например: « В общей сложности стороны потеряли убитыми и ранеными не менее 60 человек, в том числе артиллерию и бронемашину» (МК.2016.1 июля). Понятно, что вместо выделенного оборота следовало применить выражение *а также*, поскольку формант обладает семантикой включенности, а количество *убитых и раненых* никак не может включать в себя *артиллерию и бронемашину*.

В другом номере той же газеты (2016. 14 июля) в статье «Долгая дорога к дому» встречаем орфографически разное написание топонима в пределах одного текста: Сельвачево / Сельвачово (речь идет о населенном пункте в Московской области). В этой же газете встретились фраза: «...стороны заявили свои ходатайства, в основном касаемые того, как будет проходить процесс» (2016. 26 июля). Форма страдательного причастия на месте возвратного причастия (*касающиеся*) возникла здесь, очевидно, под влиянием разговорного (и не вполне грамотного) безличного выражения *касаемо того, что* ...Подчеркнем, что публицистическая речь должна в стилистическом плане отличаться от речи разговорной.

В сегодняшних газетных текстах можно, к сожалению, наблюдать такую грамматическую ошибку, как несоответствие падежных форм, чему примером может послужить статья «Казарма поумнела» (об альтернативной службе) в «Российской газете» (2016. 19 июля): «...исполнять

конституционный долг не при оружии разрешили почти *четыремстам молодых людей*». Очевидно, что выражение *молодые люди* уместно здесь в дательном падеже (*молодым людям* как получателям вышеозначенного разрешения). Если бы автор избрал несколько иную формулу: *четырем сотням молодых людей*, то генитивная форма *молодых людей* была бы в таком случае вполне уместна, поскольку плюральная форма существительного *сотня* «перетянула» бы «дативность» на себя. Еще пример несоответствия падежных форм: «Однако некоторые отечественные *аналитиков* полагают, что Россия может даже выиграть» (Российская газета. 2016. 22 июля). Здесь остается предположить, что первоначально автор избрал формулу *некоторые из отечественных аналитиков*, но, видимо, при редактуре синтагма была изменена, однако не до конца. К сожалению, аналогичные случаи в нашей прессе нередки.

Два аналогичных случая видим в номере той же газеты от 3 августа: «...а также всеобщее *право владение* оружием», где логика подсказывает предложный вариант: *право на владение* или беспредложный: *право владения*; «...*последствиями* такого извержения *станет* не только *остановка* авиасообщений — это *меньшее* из бед». Здесь, прежде всего, обращает на себя внимание несоответствие словоформ по числу: *остановка станет последствиями*; кроме того, несоответствие по родам. Можем предположить, что автор статьи о вулканах применил сначала идиоматическое выражение *меньшее из зол* в его неизменном виде. Однако выражение, видимо, чем-то смутило редактора (должно быть, кажущейся архаичностью плюрально-генитивной формы *зол*) и было изменено по лексемному составу, но не по морфологическому аспекту. Примеры лишней раз доказывают практически неизбежную торопливость работников, готовящих газетный номер к изданию, и — как следствие — обусловленную спешкой невнимательность. Характерно, что на той же странице, где размещен последний пример, имеется целая подборка материалов о необходимости повышать грамотность и культуру речи с приведенными мнениями профессоров, доцентов, учителей русского языка.

От обычных опечаток не застрахован ни один периодический орган, но особенно бросаются в глаза ошибки в заглавиях, набранных крупным шрифтом и помещенных к тому же на первой полосе. На первой странице упомянутой уже газеты (Российская газета. 2016. 19 июля) видим в заглавии: «Мы наблюдаем опасный *редицидив*» (лишний слог). В том же номере в статье «Эрдоган сменил *не верных*» — обращаем внимание на раздельное написание частицы *не* в заглавии. *Неверный* — не приверженец ислама, человек, исповедующий другую религию. Заменяем выражением *без не*. *Неверный* в данном случае — это единое понятие, неразрывное: *гяур*. Вывод: заглавие написано некорректно.

Беспорно, и в русской литературной классике можно иногда заметить то или иное не вполне удачное выражение, например, содержащее

неоправданную тавтологию: «В *глазах* его было что-то *луноглазое*» [1]. В том же произведении у Достоевского встречается, например, глагольная форма *выздоровлю* [С. 205], тогда как в XIX и XX веках орфографией предписывалась форма *выздоровею* [2], а форма, замеченная нами у Достоевского, наблюдается и сегодня, но лишь в городском просторечии. Правда, в классике, в отличие от современной публицистики, различные нарушения (в том числе и речевые) не носят столь массового характера.

Три ошибки в пределах одного номера газеты – к сожалению, не предел. Вот совершенно исключительный пример из той же «Российской газеты», когда три ошибки были обнаружены нами в одном предложении: «Искать жильё студентам *чаще всего самостоятельн*, а Сети есть множество сообществ по поиску соседей по квартире». Отметим, что это предложение, понять смысл которого весьма трудно, оказалось в статье, размещенной на первой полосе газеты! Мы, как могли, восстановили подразумеваемый смысл данного предложения: «Искать жильё студентам чаще всего *приходится* (в тексте пропущена возвратная форма глагола) самостоятельно (в наречии пропущен формант *о*), а *в* (пропуск предлога в тексте) Сети есть...». Такое количество ошибок может свидетельствовать лишь о небрежности при наборе текста и невнимательности при его корректуре (редактуре).

Совершенно справедливо указывает филолог Т. Шклярова в диалоге с И. Елковым (Российская газета. 2016. 14 июля): «Мы можем сделать безграмотность нормой. Мы уже теряем свой язык. Чем примитивнее наши слова, тем примитивнее наши мысли. Это связано. Теряем язык – теряем культуру. И главный акцент надо сделать на то, как мы говорим. То, как ты написал, еще можно проверить и исправить. Сказанное слово – не исправишь».

Яркий пример того, как сказанное бесконтрольно переходит в написанное, видим в интервью с актрисой Людмилой Чурсиной: «...у меня есть племянник Лёша. У него *двое дочерей...*» (Российская газета. 2016. 21 июля). Безусловно, можно простить народной артистке такую легкую небрежность в устной речи. Но текст помещен в серьезной газете. Как при редактировании могла остаться незамеченной морфологическая ошибка: употребление собирательного числительного, относящегося к лицам женского пола? Редакторам вовсе не обязательно быть лингвистами: речь идет о вполне простой норме русского языка, о том, чему учат в средней школе.

Встречаются в сегодняшних газетах и выражения, не содержащие явной ошибки, однако мысль несколько «спотыкается» о них при чтении текста. В статье «Возвращение» (о детской онкологии) Российская газета. 2016. 29 июля) пояснение к фото гласит: «Когда все вместе, *о плохом забывается*». Конечно, данный возвратный глагол привычнее видеть

в качестве сказуемого при подлежащем-субstantиве: *плохое забывается*. Предложение, выстроенное как безличное с прямым дополнением (в составе сложноподчинённого) — на наш взгляд, стилистически не вполне удачно: это — скорее разговорная форма.

О безличных оборотах вообще следует сказать особо. Данную синтаксическую форму необходимо применять обдуманно. В «Братьях Карамазовых» есть предложение: «В городе понравилось, что он взял подкидыша». Конечно, сегодня мы понимаем, что *этот факт понравился горожанам*, однако такая конструкция, избранная автором, сегодня выглядит несколько непривычной, а усвоить смысл такой фразы, взятой вне контекста, — и вовсе получилось бы не сразу.

Наконец, ситуация с топонимами на *-о*. На рубеже XIX–XX веков эти топонимы склонялись (поскольку склонять географические названия на *-о* являлось требованием старшей нормы). В сегодняшних газетах эта категория имен собственных не склоняется практически никогда, так что невелик смысл даже приводить примеры.

Обратимся к некоторым случаям написания отдельных слов и выражений (включая и прямые опечатки) в газетных текстах дореволюционного периода.

Так, редактором одного издания значится В.Д. Набоков. А в одном номере (№ не указан) эта фамилия, известная любому русскому читателю, дана с опечаткой, причем на ударном гласном: *В.Д. Набаков* [3]. Другое издание содержит иллюстрацию с цитатой из стихотворения:

Ах, люби меня без разъяснений.
Без тоски, без *Думы* роковой... [4].

Характерно, что *дума* в цитате дана с заглавной буквы: видимо, это намеренный издательский трюк Н. Шебуева, редактора и владельца газеты.

В те исторические эпохи, безусловно, многие слова писались и произносились не так, как сегодня, а иногда имели иное значение.

Вот наиболее частотные случаи написания, отличного от современного, выявленные в газетных текстах, напечатанных до 1914 года: *номер* (в этом номере), *карикатура*, *шофёр*, *биллиард*, *галстух*. Встречаются и такие фразы, как *желаю жениться* (сегодняшним газетным объявлениям такая прямолинейность не свойственна); «*Шалая бабёнка*» — название спектакля в театральной рекламе (Новое время. СПб., 1916). Можно предположить, что от прилагательного *шалая* и образовалось путем конвергенции ругательство-жаргонизм того же корня. А вот пример существительного с изменившейся ныне семантикой: «*Дено* (= склад) *галстухов*. Невский пр., 31, под Думой. Магазин передается» (Там же).

Обратив внимание на статью В. В. Розанова «Новое исследование о Фете» в петербургской газете «Новое время», отметим написание

существительных (субстантивов) со значением «национальность» с прописной буквы: «...у Фета была мать *Еврейка*, отец *Русский*» (Новое время. 1915. 24 нояб.).

Интересным фактом является написание топонима *Санктпетербурге* — одним словом (без дефиса) в газете «Московские ведомости» [5]. Данная газета — в своем роде гордость дореволюционного газетного фонда Госархива РФ. Она самая «возрастная»: 1789 год издания!

Газета «Лампары» (Тифлис) сообщает: «*Социалдемократы* победили по гор. *Тифлису*... По гор. *Кутаису*... Выборы прошли спокойно. Потерпевшие партии *озлоблены*» [6].

«Петербургская газета» за 1900 год (№ 235) сообщает о театре в *Манджурии*. Сегодня общепринятым является написание этого топонима через *ч*: *Манчжурия*. В дальнейшем в газетах второго десятилетия XX века будет просматриваться чередование двух указанных способов написания. Подобные несоответствия в отношении иностранных топонимов часто наблюдались в печати рубежа XIX—XX веков.

В № 207 той же газеты за 1900 год зафиксировано словосочетание, интересное по ряду параметров: *чемпионаты гребного и велосипедного спорта*. В иностранных заимствованиях э оборотное употреблялось часто и вытеснялось эволюционно медленно. Отметим словоформу *спортов* (р.п. мн.ч.). В современном русском языке существительное *спорт* является сингулятивом, в отношении же множественного числа, когда оно необходимо по смыслу высказывания, произошла дивергенция: сегодня в данной фразе уместен оборот *видов спорта*.

В «Петербургской газете» за 1869 год (№ 8 от 10 дек.) встречается дефисное написание существительного *сак-воважъ*. Кроме того, в данном выпуске газеты имеется большой объем французской речи, данной без русского перевода, что, безусловно, является весьма существенным стилистическим показателем данной эпохи (в начале XX века ничего подобного в данной газете не будет): такое смелое редакторское решение говорит об уровне образования и культуры той читательской публики, на которую газета была рассчитана в 1869 году.

Мы знаем, что фамилия *Рентген* давно метонимически «срослась» с изобретением данного человека и пишется — в этом значении — со строчной буквы. В дореволюционных же изданиях встречается порой написание с прописной. Зная о том, что опечатки, а тем более орфографические ошибки не были свойственны серьезным изданиям рубежа XIX — XX веков, спишем такие случаи на трудности укоренения заимствований, хлынувших в русский язык широким потоком как раз в этот исторический период.

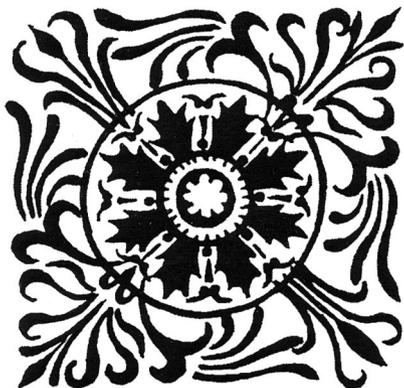
Газетные тексты вековой и более давности составлялись, выверялись и редактировались весьма грамотно, чего нельзя сказать о публикации в сегодняшних, даже самых авторитетных газетах. Порой создается

впечатление, что общая грамотность работников сегодняшних печатных изданий заметно снизилась за последние 100–120 лет, а, возможно, мы наблюдаем просто снижение ответственности, сопряженное с принципом «кому надо — тот поймет». Писать благодаря Интернету стали больше, и неграмотность, скрытая до поры, себя обнаружила. Это относится, к сожалению, как к специалистам других направлений, так и к профессиональным журналистам.

Литература

1. *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы. М., 1980. Ч.1. Кн.2. С. 59.
2. Орфографический словарь русского языка / Под ред. С.Г. Бархударова. М., 1981.
3. Бюллетени третьего общеимперского делегатского съезда партии Народной свободы. СПб. 1906. Апрель (картотечные реквизиты на момент написания статьи не присвоены).
4. Газета Шебуева. СПб., 1907. Февраль. № 25.
5. Московские ведомости. 1789. Б/№ . С. 701–708.
6. Лампари. Тифлис. Б/№ , б/года. 10 мая. С. 4.

*Научная библиотека Госархива РФ
Москва*

Григорий Осипович Винокур*
(1896–1947)

© О. В. НИКИТИН,
доктор филологических наук

О «пушкинистике» Г.О. Винокура уже написано немало работ. Это особая, едва ли не самая излюбленная им сфера филологических раздумий. Здесь талант ученого выразился с большой силой, вдохновением, начиная с его классических комментариев к «Борису Годунову» и «Евгению Онегину» А. С. Пушкина, литературно-критических и лингвистических статей и завершая «Проектом Словаря языка Пушкина» (М.–Л., 1949) – уникального лексикографического события в культурной жизни России, у истоков разработки концепции которого стоял Г.О. Винокур [1].

Казалось бы, в пушкинистике того времени, переживавшей подъем, где блистали такие имена, как М.А. Цявловский, Б.В. Томашевский, С.М. Бонди, Д.Д. Благой, В.В. Виноградов и др., сказать новое слово об А.С. Пушкине, выделиться в потоке многочисленных изданий и статей совсем непросто. Но Г.О. Винокур и здесь руководствуется своим специфически-филологическим чутьем. Он обладал мастерством понимания и интерпретации текста, вхождения в культурные традиции

* Окончание. Начало см. Русская речь. 2017. № 1

пушкинской эпохи, с каким-то особым интеллектуальным талантом критика поднимал острые проблемы изучения и издания А.С. Пушкина и тем самым показывал направление и содержание дальнейшей филологической работы над текстом.

Думается, не случайно ученый взялся за изучение такого произведения А.С. Пушкина, как «Борис Годунов». Здесь критическая одаренность Г.О. Винокура проявилась в полной мере. Его комментарии [2] – это целая энциклопедия научной мысли со строгими филологическими принципами, четким структурированием, погруженностью в философию, историю, биографию и текстологию эпохи с такой глубиной и проникательностью, что облик великого поэта, в чем-то уже статичный, с лоском традиционности, воспринимается совсем по-иному.

При изучении наследия А.С. Пушкина Г.О. Винокур решает сложные филологические задачи, не получившие однозначного понимания в то время. Одна из них – языковая и стилистическая полифония текстов поэта, выразившаяся в создании такого шедевра, как «Борис Годунов». По сути дела, Г.О. Винокур верно называл А.С. Пушкина преобразователем драматического языка, виртуозным мастером словесной орнаментики и невольно полемизировал с В.В. Виноградовым. «...Пушкин, – писал Г.О. Винокур, – был чужд пониманию слога как какого-то отвлеченного начала, действующего в качестве независимого и непрекаемого закона. Вообще деление языка на какие бы то ни было “слоги” в духе замкнутых, жестких жанровых категорий есть нечто совершенно несовместимое с тем, что дал Пушкин русскому литературному языку» [3. С. 360].

Мнение ученого о филологическом таланте А.С. Пушкина, как мы полагаем, тоньше и глубже многих хрестоматийных фраз, пусть и вошедших в классическое сознание пушкинистики. Великий поэт для него не статичен, его невозможно притянуть к какой-то традиции, уложить в рамки единого направления, сделать адептом карамзинской теории. Г.О. Винокур очень осторожен в оценке языковой «квалификации» А.С. Пушкина и никогда не теряет филологической зоркости и понимания уникальности исторического момента. Приведенные слова ученого о поэте являются образцом филологической критики, подлинным искусством осмысления текста: «Язык “Бориса Годунова” представляется своего рода лабораторией, в которой изящество, страстность, сладкогласие и простота языка пушкинской лирики... вступают в прочное соединение с элементами книжно-поэтического языка XVIII века, переосмысленными под углом зрения национально-исторического, “лепотисного” языкового мышления» [Там же. С. 374].

Нелицемерную позицию в пушкинистике Г.О. Винокур отстаивал всю сознательную жизнь. Для него «поэт-творец» и «человек» – нераздельные ипостаси одного «божества» – Пушкина. Исследованию его

творчества он посвятил свою докторскую диссертацию «Очерки текстологии и языка Пушкина» (1942). В ней принципы канонического филолога были воплощены с особой тщательностью. С.О. Шмидт очень хорошо подметил эту черту научной манеры Г.О. Винокура, который «смотрит на себя “не как на историка литературы” и “не как на лингвиста”, а прежде всего “как на филолога в специфическом понимании этого термина”. И далее указывает, что “самый дух филологии как совокупности наук, исследующих историю культуры в ее словесных воплощениях, стал совсем редким гостем в научно-исследовательской практике гуманитарных наук современности”» [4].

Г.О. Винокур живо интересовался проблемами истории русского литературного языка и первым в нашей традиции выстраивал данный курс как историю изучения текстов, т.е. стилей в его представлении. Этот опыт вырисовывался у него не только из личной симпатии к художественному и бытовому слову, но и из большого опыта занятий со старинными фолиантами. Классическую традицию, идущую от его учителей по Московскому университету Д.Н. Ушакова, М.Н. Петерсона, В.Н. Щепкина, он неизменно практиковал на своих занятиях, когда учил студентов искусству *чтения* текста – распознаванию его фонетических, грамматических и стилистических «фигур», из которых создается оригинальное словесное полотно. Именно с этого и начинались у него занятия по истории литературного языка.

Ключевая работа Г.О. Винокура в этом отношении «Русский язык. Исторический очерк» (1945), «книга для чтения», как ее называл сам автор. При внешнем традиционном построении (от глав о происхождении русского литературного языка до его развития в конце XIX–XX вв.) здесь немало нового и оригинального. Так, отдельная глава посвящена славянским языкам, писать о которых стало возможно в годы Великой Отечественной войны (именно тогда создавалась книга). Автор использовал такие «буржуазные» и «устаревшие» термины, как *индоевропейский язык*, *древнецерковнославянский язык*, *п्राязык*, *сравнительно-историческое изучение языков* и другие, отвергнутые марристами понятия.

Г.О. Винокур подчеркивал в духе дореволюционной школы компаративистики, что «факт генетической связи индоевропейских языков по группам и внутри групп остается вполне доказанным и несомненным» [5. С. 13]. «Непопулярная» в 1930-х годах диалектология, фактически свернувшая с прежних позиций в сторону социологизаторства, получила объективное освещение в главе «Русские диалекты», которые «представляют собой ту или иную форму взаимодействия между общим литературным языком и местными говорами деревни» [Там же. С. 18]. Автор подробно описывал фонетические, грамматические и лексические особенности севернорусских, южнорусских и среднерусских говоров,

говорил об их происхождении по концепции академика А.А. Шахматова, которого назвал «гениальным русским ученым» [Там же. С. 21].

Кстати, кроме А.А. Шахматова, в книге Г.О. Винокура встречаются имена и других опальных лингвистов — академика А.И. Соболевского, члена-корреспондента АН СССР А.М. Селищева, идеи которых не вписывались в официальное «новое учение о языке» и часто дискредитировались его апологетами, а также антимарриста индоевропеиста А. Мейе, что свидетельствует о твердости научной позиции Г.О. Винокура в отстаивании своей концепции.

Другая глава посвящена памятникам истории русского языка, среди которых многие источники древнего периода представляли собой произведения богослужбной или связанной с церковной культурой литературы. В своем обзоре текстов Г.О. Винокур давал не только общую характеристику рукописей (как они выглядят, каким почерком написаны), но и рассуждал о содержательной стороне текстов, выделял в их структуре элементы живой речи, писал о том, что «унифицированная норма церковнославянской грамотности» в памятниках древнерусского периода «затрудняет построение русской исторической диалектологии...» [Там же. С. 35].

В книге обсуждалась также и новая в то время концепция происхождения русского литературного языка академика С. П. Обнорского, который полагал, вопреки традиционному взгляду о ведущей роли старославянского языка в допетровское время, что в древний период функционировал русский литературный язык на народной основе. Г.О. Винокур не разделял полностью указанные точки зрения, подчеркивал значительную роль «обиходного начала» в эпоху Московской Руси, утверждал о существовании разных форм устной и письменной речи, то есть «о явлении, называемом в современной лингвистике диглоссией» [б. С. VI], что исключительно важно для понимания дальнейшего развития этой науки.

Во всем очерке минимум ссылок на источники и научную литературу, но книгу нельзя воспринимать как своего рода популяризаторство. За внешней «простотой» скрываются глубокие размышления ученого о развитии русского литературного языка. Особенно ему удалось главы, посвященные XVIII веку — тот материал, который он профессионально знал, изучал и любил. Впервые так подробно и доступно Г.О. Винокур описывал, в частности, «новый русский книжный язык», говорил об «эмансипации культуры от церкви», «об обновлении и обогащении русской специальной и бытовой терминологии», выделял так называемую приказную традицию и отмечал ее роль в формировании книжно-письменного языка, анализировал особенности деловой речи и ее трансформацию в «гражданское посредственное наречие» в XVIII столетии, привлекал новые интересные источники для характеристики

культурно-языкового портрета эпохи. Живо и содержательно ученый рассказывал о специфике языка повествовательной литературы XVIII века, о роли В.К. Тредиаковского и М.В. Ломоносова в становлении новой традиции литературного языка, которая разрабатывалась с позиции «стилистического применения наличных средств языка» [С. 133].

Особое место в главе «Создание общенациональной нормы» отведено А.С. Пушкину, который, по мысли Г.О. Винокура, «был не столько реформатор, сколько великий освободитель русской речи от множества сковывавших ее условностей» [Там же. С. 98]. Ученый одним из первых в отечественной филологической традиции стал изучать язык *прозаических* произведений поэта. Сравнивая писательские манеры Карамзина («Рыцарь нашего времени») и Пушкина («Дубровский»), Г.О. Винокур отдает предпочтение второму из них и возносит его на подобающий пьедестал русского волшебного слова: «Простота, естественность, чувство меры и полной внутренней свободы в подборе языковых средств характеризуют художественную речь Пушкина как со стороны ее словарного состава, так и в отношении композиционного построения. Изящно отделанный, но нередко кудрявый и растянутый синтаксис Карамзина под пером Пушкина сменился энергичным и точным лаконизмом, сжатой деловитостью изложения» [Там же. С. 98–99]. По словам самого Г.О. Винокура, его интересовала история «художественного (курсив наш. — О.Н.) употребления русского языка». Именно этот аспект он выделил в своей работе как основной при описании развития литературного языка XVIII–XX вв.

Книга получила большую известность за рубежом и стала своего рода визитной карточкой советской историко-лингвистической школы. Ее издавали четырежды: в 1947 г. в Париже в Институте славянских исследований появился перевод на французский язык, в 1949 и 1955 гг. — дважды в Лейпциге на немецком языке, и в Кембридже в 1971 г. в переводе на английский язык.

Безусловно, и здесь в такой, казалось бы, «студенческой» книжке ярко выразилась творческая индивидуальность Г.О. Винокура с его стремлением проникнуть в историко-культурную канву эпохи, почувствовать ее дыхание, угадать тонкости символических перевоплощений в языке, понять замысел текста и его автора в концептосфере событий и лиц противоречивой истории русского литературного языка.

В конце XX века имя Г.О. Винокура вновь стало популярным. И это не удивительно: новая эпоха требовала пересмотра позиций некоторых советских ученых. И по своим работам, и по человеческому облику, и по тому грандиозному культурному фундаменту, на котором он взращивался, Григория Осиповича Винокура можно отнести к классическому

поколению филологов XIX века [7]. Но все же он ученый не только XX столетия, но и XXI.

В чем же заключается притягательная сила его филологических трудов?

Во-первых, их просто интересно читать, ведь они написаны действительно мастером слова, который без обилия принятых ныне ссылок и цитат глубоко, доказательно и стилистически безукоризненно провозглашал ценные для науки лингвистические и литературоведческие постулаты. Многие его мысли и сейчас звучат живо и актуально.

Во-вторых, Г.О. Винокур откликнулся, особенно в ранний период творчества, на самые свежие и порой противоречивые идеи нового филологического строительства, смело и без идеологической пододелки высказывал свои мысли и был одним из самых образованных филологов того времени. Его энциклопедизму можно только поражаться: от многочисленных статей и дискуссий по поэтическому слову, работ на модные в начале XX века этнологические и формалистические темы до вопросов языковой политики, лексикографии, словообразования, истории языка... Все это, безусловно, вошло в копилку филологии и оказало влияние на формирование школ и направлений отечественной науки.

В-третьих, Г.О. Винокур почти никогда не занимался только академической работой. Вся его деятельность была связана с *просвещением* в том высоком смысле слова, какой он впитал с традициями своих учителей. Он был пропагандистом и популяризатором науки. И эта практическая направленность многих его работ, их обращенность к живому человеку, к поиску нового всегда присутствует в словесной ткани всех его произведений. Н.М. Шанский, один из последних учеников Г.О. Винокура, очень точно выделил это качество личности своего учителя: «Г.О. Винокур не мыслил себя лингвистом вне общественной практики. “Элитарная” лингвистика априорных построений и дремучего мезотаязыка не привлекала его никогда. Он всю жизнь исходил из того, что даже самые сложные и фундаментальные вопросы лингвистической стратегии должны излагаться насколько возможно просто и обязательно иметь выход в языковую практику и повседневную жизнь» [8. С. 4].

В-четвертых, Г.О. Винокур – видный теоретик языка и в целом филологии, и его методологические принципы оказались действенными в разработках российских ученых более позднего времени и вполне конкурентоспособными с лучшими образцами западной лингвистической мысли, и прежде всего – его идеи в области социолингвистики и экологии языка, стилистики и эстетики слова, стиховедения и «поэтического языкознания», филологической критики и текстологии.

В-пятых, Г.О. Винокур своими трудами разрабатывал *новую* систему филологии как науки, формулировал те ее опорные моменты, которые выводили эту дисциплину из лона устаревшего противостояния

двух подходов в изучении языка в совсем другую плоскость осмысления словесности. И многие его мысли только сейчас начинают пониматься и интерпретироваться, когда вновь начала ощущаться потребность в филологических идеях.

Сегодня мы вспоминаем Г.О. Винокура как «будетлянина» филологической науки — ее самобытного творца и идеолога, реформатора словесности, обращенной к будущему, а значит, постигающей себя в новых «технологиях», но остающейся верной традиционной системе ценностей. Без нее немислима отечественная наука настоящего. Без нее невозможна и наука будущего. С этими исканиями жил Г.О. Винокур и постоянно думал о филологии как о нечто большем, чем просто история культуры в ее словесном выражении. Этот путь — к филологии — он прошел самостоятельно, не без скитаний и столкновений, и мечтал создать свое «Введение в изучение филологических наук» [9], в котором истолкование текста будет главным связующим звеном между филологией как изучением языка и вообще процессом понимания слова и филологией как историей национальной культуры.

В довоенные годы Г.О. Винокур преподавал в Московском институте истории, философии и литературы (МИФЛИ), где работал весь цвет тогдашней филологии. Однажды студенты обратились к нему с просьбой написать заметку для ифлийской стенгазеты. Так родились «Воспоминания моей юности» — наверное, самый тонкий, живой, искренний, какой-то совсем личный дневник, где проглядывает его неподдельный человеческий облик. Они заканчиваются таким откровением: «Я предан науке всем своим существом, но это потому, что я полон горячей веры в себя и в свое дело. Я твердо знаю, что моя страсть к науке это не “пленной мысли раздражение”, а действительное призвание. Я знаю, что я действительно ученый, настоящий ученый. Пусть “мой дар убог, и голос мой негромок”, но моя Муза, я это знаю, обладает и “лица всеобщим выражением” и “достоинством обдуманых речей”» [10. С. 465].

Чем привлекал к себе Г.О. Винокур как личность? На этот вопрос очень хорошо ответил С.И. Ожегов: «Человеческим отношением к людям. Исключительной научной честностью и принципиальностью в научных взглядах. Глубокой заинтересованностью в развитии науки. Действительно, любую проблему, большую или малую, он решал со всей научной страстностью. (...) Он был филологом в настоящем смысле этого слова...» [11. С. 460].

Много лет тому назад мне посчастливилось побывать в квартире Г.О. Винокура на Арбате (я тогда готовил публикацию писем и консультировался у его зятя С.В. Киселёва). Казалось, там осталось всё, как и прежде, но особенно мне запомнились удивительные книги, многие из них на немецком и других европейских языках: на полках аккуратно стояли классические труды А.А. Шахматова и другие шедевры мировой

филологической мысли (часто с автографами). Например, Л.В. Щерба сделал такую дарственную надпись на своей книге «Востоchnолужицкое наречие» (Пг., 1915): «“Редкому” читателю Григорию Осиповичу Винокуру от автора». Сейчас часть семейной коллекции хранится в Отделе редких книг библиотеки РГГУ [12]. И по этому наследию тоже можно говорить об ученом высокой научной культуры. Так, в его собрании были «Грамматика» М. Смотрицкого XVII в., «Лексикон треязычный» Ф. Поликарпова XVIII в., «Словарь Академии Российской» с личным экслибрисом Александра II на форзаце, все полные собрания сочинений А.С. Пушкина XIX–XX вв. и труды, посвященные его творчеству, прижизненные издания поэтов и писателей Серебряного века: А.А. Блока, В.Я. Брюсова, Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус, К.Д. Бальмонта, А.А. Ахматовой, Н.С. Гумилёва...

Замечательны слова Г.О. Винокура, в которых он с трепетом говорил о своем жизненном предназначении: «Мой путь – к филологии (...). И отсюда я уже не сверну никогда, разве только с духовной смертью» [13. С. 66–67]. В этом – весь Винокур, с его непоколебимыми нравственными и научными заповедями, весь его ученый облик ищущего мыслителя, уловившего живой дух Слова за мертвой буквой текста.

Литература

1. Словарь языка Пушкина: В 4 т. / АН СССР; Гл. ред.: акад. В. В. Виноградов. М., 1956–1961.
2. Впервые опубликовано в изд.: Пушкин [А.] [С.] Полн. собр. соч. Т. VII. М.–Л., 1935. С. 385–505.
3. Винокур Г.О. Язык «Бориса Годунова» // Полное собрание трудов. Т. 3: Комментарии к «Борису Годунову» А. С. Пушкина. М., 1999.
4. См. подробнее: РГАЛИ. Ф. 2164. Оп. 1. Ед. хр. № 64. Лл. 2–3. Цит. по изд.: Шмидт С.О. Г.О. Винокур и академическое издание пушкинского «Бориса Годунова» // Винокур Г. О. Полное собрание трудов. Т. 3: Комментарии к «Борису Годунову» А. С. Пушкина. М., 1999. С. 17.
5. Винокур Г.О. Русский язык. Исторический очерк // Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
6. Алпатов В.М. «Русский язык» Г.О. Винокура // Винокур Г.О. Русский язык. Исторический очерк. М., 2006.
7. Подробнее о биографии и научном наследии Г.О. Винокура см.: Цейтлин Р.М. Григорий Осипович Винокур (1896–1947). М., 1965; Булахов М.Г. Винокур Григорий Осипович // Восточнославянские языковеды. Т. 2. Минск, 1977. С. 122–129; Бархударов С.Г. Г.О. Винокур // Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 3–8; Григорьев В.П. Предисловие // Винокур Г.О. О языке художественной литературы. М., 1991. С. 5–17; Цейтлин Р.М. О Григории Осиповиче

- Винокуре—ученом и педагоге // Язык. Культура. Гуманитарное знание. Научное наследие Г.О. Винокура и современность. М., 1999. С. 9—14; *Шапир М.И.* // *Винокур Г.О.* Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. М., 1990. С. 256 и далее.
8. *Шанский Н.М.* Григорий Осипович Винокур // *Винокур Г.О.* Избранные труды по языкознанию и культуре речи / Сост. С. В. Киселёв. М., 2010.
9. *Винокур Г.О.* Введение в изучение филологических наук. Вып. 1 // Проблемы структурной лингвистики, 1978. М., 1981. С. 3—58 (включая предисловие «От публикаторов»).
10. *Винокур Г.О.* Из воспоминаний моей юности (1940) // Язык. Культура. Гуманитарное знание. Научное наследие Г.О. Винокура и современность. М., 1999.
11. *Ожегов С.И.* Памяти Г.О. Винокура // Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С.И. Ожегова. М., 2001.
12. *Фукс И.В.* Коллекция Г.О. Винокура и Т.Г. Винокур в Отделе редких книг библиотеки Российского государственного гуманитарного университета // Румянцевские чтения — 2014. Ч. 2: Материалы международной научной конференции. М., 2014. С. 313—316.
13. Цит. по изд.: *Винокур Г.О.* Письмо к Р.О. Якобсону от 18.08.1925 / Подгот. текста С.И. Гиндина и Е.А. Ивановой // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1996. Т. 55. № 6.

Московский государственный областной университет

Церковнославянизмы в лексико-семантическом поле «безумие»

© М. В. ТУРИЛОВА

В статье рассмотрен ряд церковнославянизмов, относящихся к лексико-семантическому полю «безумие», проанализированы этимологические гнезда, в которые входят старославянские лексемы. Выделены способы перевода греческих лексем на старославянский язык. Указаны мотивационные модели, которые в древнерусскую эпоху появляются вместе с церковнославянской лексикой в семантическом поле «безумие».

Ключевые слова: этимология, семантика, старославянский язык, церковнославянизмы, древнерусский язык, мотивационная модель, лексико-семантическое поле «безумие», перевод, заимствования, кальки.

The article explores Church Slavonic lexemes of the semantic field «*Madness, Insanity*». Methods of translation from Greek to Old Church Slavonic and the semantic foundations of choosing a word for translation are considered. Motivational models of the semantic field «*Madness, Insanity*» appeared in the old Russian language with the Church Slavonic lexemes are named.

Key words: etymology, semantics, the Old Church Slavonic language, Church Slavonic lexemes, the Old Russian language, motivational model, semantic field «Madness, Insanity», translation, borrowings, calques.

В настоящей статье исследуются отношения между церковнославянизмами, которые входят в лексико-семантическое поле «безумие», исходными греческими лексемами, исконной древнерусской лексикой, семантикой праславянских гнезд. Проанализированные старославянские слова входят в этимологические гнезда **bujъ(jb)*, *běsъ, **jьstъ(jb)*, *lьstь, **mrk-* / **mork-*, *rodъ, *sluti, *stopiti, *umъ, *vьlati. Выделены несколько типов отношений между церковнославянизмами, греческими лексемами и исконной лексикой гнезд.

Представление об одержимости злым духом существовало в языческих верованиях славян [1. С. 98], мотивационная модель «одержимый злым духом» → «сумасшедший» существует уже в праславянскую эпоху, поэтому перевод греч. *δαμονίῳν, δαμονίζεσθαι* «быть одержимым злым духом» старославянскими лексемами *бесновати ся, беситися* является закономерным. Этими же лексемами переводятся греч. *μαίνεσθαι, λυτῆν* «бесноваться, неистовствовать» [2. С. 106–107]. Они относятся к этимологическому гнезду праслав. *běsъ «злой дух», которое затем стало использоваться в качестве эквивалента христианских греко-латинских терминов *satanas* и *diabolus* [1. С. 98]. Церковнославянизмы *бесновати ся, беситися* «быть одержимым (бесом), помешанным», попадая на древнерусскую почву, входят в уже существующую мотивационную модель, в дальнейшем развиваясь подобно исконной лексике (следующий этап развития значения — семантика «злиться»).

Церковнославянизмы *юродивыи* «глупый, неразумный, безумный», «юродивый», *юродъ, юродьство* соседствуют с др.-рус. *уродивый, уродъ, уродьство* [3. Т. III] и продолжают праслав. *Orodъ с отрицательной приставкой **O-* (ср. *убогий*), букв. «не в род» [4. Т. II], соответствуя мотивационной модели «выродок, отличающийся от прочих в роду, окружающих» → «глупый, неразумный, безумный». Лексемы находятся в синонимических рядах с *безоумнь* — *боуи* — *неразоумнь*, *безоумие* — *боуесть* — *боуиство* — *неразоумие* и др.

Для нескольких заимствований из старославянского языка обсуждается статус словообразовательных калек с греческого либо продолжений праславянских лексем. Речь идет о ст.-слав. *безоумие* «безумие, неразумие, глупость», используемом для перевода греч. *ἄφροσύνη*

«глупость, неразумие», ἀνοία «потеря рассудка, безумие» [1. С. 80–81], *безоумьнъ* и *безоумьль* «неразумный, не в себе», соответствующим греч. ἄφρων «неразумный, не в себе» [Там же]. По внутренней форме они аналогичны греческим лексемам: «отрицание + мудрость, разумность, здравый смысл / разумный, здравомыслящий» (греч. ἄφρων vsφρονίμος «мудрый, здравомыслящий, разумный»). Греч. ἀνόητος «неразумный, глупый» и ἄφρων переводятся также ст.-слав. *неразоумьнъ* и *несъмысльнъ* [Там же. С. 227], в позднейших церковнославянских текстах эквивалентом ст.-слав. *безоумие* выступает слово *несъмысльность* [Там же. С. 80–81].

По мнению О.Н. Трубачева, впрочем, старославянские лексемы не являются кальками с греческого, а продолжают праславянские, представляют собой суффиксальные производные от основы **bezum-* или префиксально-суффиксальные производные от **umъ*. Слова подобной структуры, близкие по значению, есть и среди исконной лексики. Так, продолжением праслав. **bezgolvъ(jь)* – сербохорв. *bēzglav* «безголовый», «безрассудный, помешанный», рус. *безголовый* перен. «лишенный здравого смысла, глупый, тупой», укр. *безголовий* «безумный, бессмысленный»; **bezgluzdъ(jь)* – рус. диал. *безглуздый* «бессмысленный, бестолковый», «безмозглый». Вероятно, в пользу этого свидетельствует структурная и семантическая синонимия указанных лексем с продолжениями праслав. **neumъ* – рус. диал. *неум* «безумие, сумасшествие», «бессознательное состояние», «глупый человек, дурак»; *неумь* «отупление, оцепенение», «бессознательное состояние»; **neumъje* – сербохорв. *neume*, «потеря разума, безумие»; русск. *неумье* «неразумие, нерассудительность», «неуменье» [5. Вып. 21. С. 195]), **neumъnъ(jь)* – сербохорв. *něuman* «неумный, безумный, невежественный» [6. Вып. 2. С. 57–58].

В этимологическом гнезде **lъstъ* с первичной семантикой «хитрость, обман» старославянизмы *прельстити*, *прельсть*, связанные с обозначением помрачения сознания, отвечают славянским представлениям о связи обмана, обольщения и потери рассудка. Др.-русск.ц.-слав. *прельстити* означает «привести в изумление, свести с ума» [7. Вып. 18. С. 267], первое значение этого слова – «обмануть», также «вести в заблуждение», «увлечь, прельстить», *прельститися* др.-русск.ц.-слав. «заблудиться», «впасть в соблазн» [3. Т. II]. Ц.-слав. *лъстити* и *прельстити* используются для перевода греч. περὶπλανῶν, δολοῦν «обманывать» и πλανῶν «обмануть, ввести в заблуждение, обольстить, соблазнить» [2. С. 313, 544]. Ст.-слав. *лъсть* и *прельсть* означают «обман, хитрость», «соблазн, обольщение», «ересь» [3. Т. II]. Ст.-слав. *лъстьць* и *прельстьникъ* «тот, кто обманывает, хитрит» также используются для перевода греч. δολῆνος «обманщик, соблазнитель», «дьявол» [2. С. 313–314, 544]. Мотивационная модель «обманывать» → «вводить в заблуждение, лишать ясности рассудка».

Праслав. **lbstь* является древним заимствованием из германских языков: гот. *lists* означает «хитрость, козни» [8. Вып. 9. С. 82], в славянских языках заимствование развивает значения «лесть», «обман», «коварство, хитрость», «лживость».

Мотивационная модель «обманывать» → «лишать ясности рассудка, сводить с ума» существует в праславянской лексической системе: например, праслав. **ludъ* означает «сумасшедший, глупый» (*луд* рус. диал. «дурак», сербохорв. *lūd, lúda* «сумасшедший, слабоумный, глупый» и др.), при этом этимологически оно родственно гот. *liuts* «лицемерный, ханжеский», *liutai* «фигляры, мошенники» [9. Т. II. С. 528].

К смешанному случаю (реализация семантической потенции славянского гнезда и освоение заимствований) относятся старославянизмы с семантикой «глупость, неразумие, безумие», появляющиеся в этимологическом гнезде **bujь(jь)* («расти, становиться сильным», «буйствовать, бушевать»). Старославянские лексемы, взаимодействуя с исконной лексикой со значением «буйствовать, бушевать», получают семантическое развитие и начинают означать «безумие, бешенство».

Старославянизмы *боуи, боуство, боуесть* «глупость, неразумие» [2. С. 102–103] входят в этимологическое гнездо **bujь(jь)* (к и.-е. **bhou- / *bhū-* «расти, становиться сильным», откуда «сильный, бурный, буйный») [3. С. 65] и находятся в смежной области по отношению к лексико-семантическому полю «безумие». Церковнославянизмы встречаются с древнерусской лексикой с другими значениями: др.-русс. *буесть* «буйство, неистовство» [11. Вып. 1. С. 323], *буи* «дерзкий, непокорный», «сильный, смелый» [3. Т. I], *буиство* «смелость» [Там же], *буесть* «запальчивость, смелость, храбрость», русск. диал. *буесть* «отвага, удаль», *буй* «сильный ветер, стремнина на реке». В старославянском языке, напротив, слово *буи* в значении «сильный, смелый» не встречается, а слово *буесть* имеет значение «смелость, дерзость» (только один раз) [Там же; 14. С. 162].

Сосуществование в пределах одного этимологического гнезда семантики «неразумный, глупый», возможно, влечет за собой развитие значений «безумный»: *обуеныи* «безумный» [Там же. Т. II. С. 557]; *буйственныи* «свойственный безумцу, юродивому» [7. Вып. 1. С. 350]; далее в языке XVIII века *буйственныи* «безумный, незаконный, бунтарский» [12. Т. 2]; *буйственне* «безумно» [7. Т. I. С. 350]; *буйство* «безумие, беззаконие» [12. Т. 2. С. 159]; *буяти* «безумить, лишать рассудка», «обезуметь» [13. С. 198].

Старославянизмы вносят новые мотивационные модели. Выбор этимологического гнезда для калькирования обусловлен существованием в нем лексики с близкими по семантике значениями. В этимологическом гнезде **jьstь(jь)* «тот самый, настоящий, истинный», ст.-слав. *неистовъ* «безумный, помешанный, неистовый», *неистовыи* «безумный,

помешанный», *неистовство* и *неистовление* «безумие, помешательство» [14. С. 149–150], вносят новую мотивационную модель «ярость, бешенство» → «безумие, помешательство». Слова являются производными с отрицанием *не-*, восходящие к праславянскому **jьstvъ(jь)* «тот самый, именно тот» (ср. ст.-сл. *истъ*, ц.-слав. др.-рус. *истыи* «этот, тот», «истинный» и др.) [10. С. 311].

В старославянском языке сохраняется противопоставление *истовыи—лъжь* [14. С. 83], в древнерусский период слово *истовыи* употреблялось в значении «истинный, настоящий, верный» и в древнерусских, и в церковнославянских памятниках [3. Т. I]. Вероятно, осознается соотношенность значений «истинный, настоящий» (для *истовыи*) и «безумный» (для *неистовыи*), и поэтому ц.-слав. *неистовыи* «безумный, помешанный», *неистовство*, *неистовление* «безумие, помешательство» получают дополнительные коннотации — этическую оценку безумия, помешательства как следствия несправедности, отклонения от истины, нарушения Божиих заповедей. Таким образом, старославянизмы, возможно, актуализуют имеющиеся в славянской картине мира представления о связи обмана, лжи и помешательства (мотивационная модель «обманывать» → «лишать ясности сознания, рассудка»).

Слова *неистовыи* «безумный, помешанный», *неистовство* и *неистовление* «безумие, помешательство» сохраняются в этих значениях в древне- и старорусском языке [7. Вып. 11. С. 145, 142; 144]. В качестве синонимов указанных слов выступают ст.-русск. *неистовьными* «безумный, помешанный» (XV–XVI в.) [Там же] и ц.-слав. *неистовие* «безумие, неистовство» (XVI в.).

Входящие в этимологическое гнездо **mьrk-* ст.-слав. *помрачити* и *помрачати* [2. С. 476], *омрачати* и *омрачити* «затмить, омрачить» [Там же. С. 411–412] используются для перевода греч. *οχολιζειν* «затмить, затемнить», «ослепить», перен. «ошеломить, изумить», «сбить с толку», производного от греч. *οχλοσ* «темнота, мрак», «помрачение (ума)» и развивающего семантику безумия по мотивационной модели «сделать темным» → «лишить ясности рассудка», ср. также *помрачение* «затмение, омрачение, ослепление» [Там же. С. 476].

Таким образом, вместе с кальками на древнерусском этапе появляется метафорический семантический переход «сделать темным» → «лишить ясности рассудка», и он осознается носителями языка: значение «темнота, мрак» представлено др.-русск.ц.-слав. *помрачение* «затмение», «темнота», *помрачении* «мрачный, темный», *помрачити* «затемнить, затмить» (например, о солнце) [3. Т. II], ср. также *мракъ* в значении «туман», перен. «туман, пелена перед глазами» [Там же].

Примечательно, что в этимологическом гнезде **mьrk-* уже на праславянском этапе существует группа слов со значением измененного состояния сознания, сумасшествия: это славянские продолжения праслав.

*morkъ / a (рус. диал. *морока* «обморок, припадок, омрачение ума» [15. Т. II], рус. диал. *морок* перен. «что-н. одуряющее, очаровывающее, помрачающее рассудок» [16. Т. II], *наморки* «невменяемость», *наморки напали, наморок зашел* «началось помрачение ума, затмение рассудка» [17. Вып. 8. С. 11]), **ptomčiti (se)* (*поморочиться* смол. «утратить ясность сознания, рассудка» [Там же. С. 169]) и многих других праславянских лексем.

Они являются производными глагола праслав. **mьrk'iti* «сверкать, мерцать, мигать» [6. Вып. 21. С. 133–135, 8. Вып. 10. С. 156], описывают повторяющиеся колебания света и, как следствие, нарушение ясности сознания, помрачение рассудка (мотивационная модель «мерцать, колебаться (о свете)» → «лишать ясности сознания») [19.]. Таким образом, для перевода греческих слов выбрано наиболее близкое по семантике праславянское гнездо, в котором есть обозначения измененного состояния сознания, развивающие данную семантику по другой мотивационной модели, а вместе со старославянскими словами в этом гнезде появляется новый, заимствованный семантический переход.

В лексико-семантическое поле «безумие» входит группа церковнославянизмов, относящихся к этимологическому гнезду **stopiti: иступление ума* ц.-слав. (XI в.), это выражение сохраняется вплоть до XVIII века в том же значении — *исступление ума* «лишение рассудка, разума» [12. Вып. 9. С. 174]; *иступъ* ц.-слав. «исступление [3. Т. I]; *иступивый* др.-русс. ц.-слав. «исступленный, лишенный рассудка» [Там же]; *иступитиизъума, умомъ* др.-русс.ц.-слав. «потерять рассудок, сойти с ума» [11. Вып. 4. С. 96; 7. Вып. 6; 3. Т. I]; *иступатиумомъ* др.-русс., русск.-ц.-слав. «прийти в умственное расстройство, помешаться» [Там же].

Ц.-слав. *иступление, иступъ* являются кальками греч. ἔσχασις «смещение, перемещение, выход наружу, перен. исступление, измененное состояние сознания, помешательство, помрачение». Ц.-слав. *иступити* сохраняет значение «выйти, отделиться» [Там же] в древне- и старорусский период. Распространение глаголов сочетанием существительного с предлогом (ст.-русс. *исступитисяума* «сойти с ума, лишиться рассудка» [7. Вып. 6], *исступитъ из себя, исступитъ из ума, разума, исступитъ ума* «потерять рассудок» [12. Вып. 9], вероятно, указывает на актуализацию заимствованной мотивационной модели «выйти наружу» → «лишиться рассудка» в пространстве исследуемого лексико-семантического поля «безумие».

На древнерусском этапе в лексико-семантическом поле «безумие» появляются церковнославянизмы *влаючи* «припадочный, бесноватый» [11. Вып. 2] и *вълатися* «бесноваться» [Там же].

Оба слова, входящие в семантическое поле «безумие», образованы от глагола *влати* «волноваться (о море)» (праслав. **vlati* «волновать, качать» [9. Т. I]), значение глагола *вълатися* «быть застигнутым бурей

в море, подвергаться ударам волн», «качаться на волнах» [11. Вып. 2], и используются для перевода греч. *χεῖραζόμενος* «бесноватый, припадочный» ← «досл. обуреваемый, подвергающийся непогоде» и [3. Т. III]. Семантический переход «подвергаться ударам волн, ветра, шторма» → «бесноваться» не имеет примеров среди исконной по происхождению лексики и является случаем семантического калькирования греческой лексемы.

В некоторых случаях можно говорить о частичном калькировании. Глаголы *бесьноватися* и *беситися* в сочетании с выражением *на новъ мѣсяць* используются в старославянском языке для перевода греч. слова *σεληνιαζομαι* «быть помешанным, досл. лунатиком» (в том же значении используется выражение со сложением *зълудеяи ся* «недомогающий, плохо себя чувствующий» (о лунатике) [14. С. 239]).

Однако в действительности луна и месяц у славян устойчиво ассоциируются с загробным миром, областью смерти; лунный свет считается опасным и вредным, привлекающим нечистую силу [20. Т. III. С. 143–147]. В других славянских языках есть слова, которые развивают семантику «сумасшедший» на основе значения «лунатик»: ср. бел. *прылунелы, аблунелы, аблунейшы, луняваты, лунькаваты* «сумасшедший, психический больной», *лунь* «ненормальный, психический больной» [13. С. 67]. Таким образом, семантический переход, который вносят заимствования, соответствуют сходным собственно славянским представлениям о связи луны и болезни, несчастья.

Наконец, в том же гнезде **bēsъ* есть примеры словообразовательных калек. Это прилагательные *зълобесьнь* «одержимый злым духом, еретик» [7. Вып. 6. С. 17] и *зълобесовъ* «одержимый бесом» [3. Т. I], кальки греч. *μαχοδαίμων* «одержимый бесом», и их дериваты: др.-русс.-слав. *зълобесованье, зълобесье* и *зълобесовьствие* «о язычестве, идолопоклонстве», «одержимость бесами», *зълобесовьныи* «относящийся к *зълобесованье*» [11. Т. III].

Появление новых мотивационных моделей может быть связано с расширением семантики праславянского гнезда. Ст.-слав. *бесловесьнь, бесловьнь, несловесьнь* «неразумный, глупый, безрассудный» — словообразовательные варианты калькирования греческой композиты *ἄλογος* со значением «необдуманный, нелогичный» (от *λόγος*), «неискушенный в беседе, споре». Такое калькирование поддерживается тем, что в ряде славянских языков есть продолжения праслав. **bezslolvъnъ(jь)* со значением «бессловесный, безмолвный» [14. С. 189]. Лексемы со значением «неразумный, глупый, безрассудный» сохраняются в церковнославянском языке древнерусского извода [11. Вып. 5. С. 361; 12. Вып. 2. С. 2, 8].

В семантическое поле «безумие» вносится новый семантический переход, связанный с представлением о связи слова и смысла, способности

мыслить, ясности рассудка. Кроме того, поскольку вместе с христианскими текстами на древнерусском этапе актуализуются дополнительные значения лексемы *слово* (*Бог Слово – Иисус Христос*), мотивационная модель осознается как «без Бога» → «неразумный, глупый, безрассудный».

Наконец, в старославянском языке есть прямые заимствования из греческого. Так, в период древнерусского языка в лексико-семантическом поле «безумие» появляется церковнославянизм *салосъ, саллосъ* «юродивый» [7. Вып. 23. С. 25], который является заимствованием греч. *σαλός* «глупый, слабоумный», «блаженный, юродивый» и выступает в качестве синонима слово *юродъ*.

Таким образом, греческие и старославянские лексемы, церковнославянизмы и исконная лексика гнезд могут находиться в следующих отношениях. 1. Старославянская лексема является точным соответствием греческой лексемы, ее семантика является этимологически исконной, старославянизм имеет соответствия с тем же значением в славянских языках. 2. Старославянизмы реализуют семантическую потенцию праславянского этимологического гнезда. Семантика безумия другими лексемами гнезда не представлена, мотивационная модель соответствует славянской картине мира. 3. Старославянизмы являются кальками греческих лексем и привносят новые мотивационные модели. Выбор этимологического гнезда для калькирования обусловлен существованием в нем лексик с близкой семантикой, которая развивается по другим (исконным) моделям. В некоторых случаях можно говорить о частичном калькировании. 4. Появление новых мотивационных моделей может быть связано с расширением семантики праславянского гнезда. 5. В старославянском языке есть прямые заимствования из греческого.

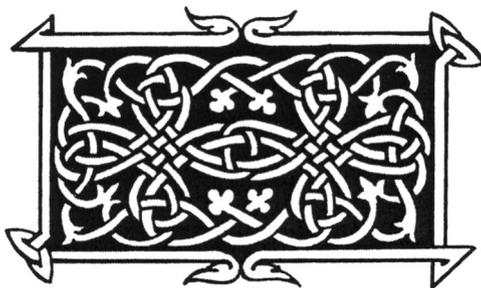
Вместе с церковнославянской лексикой в древнерусскую эпоху в семантическом поле «безумие» появляются новые мотивационные модели: «ярость, бешенство» → «безумие, помешательство», «сделать темным» → «лишить ясности рассудка», «выйти наружу» → «лишиться рассудка», «подвергаться ударам волн, ветра, шторма» → «бесноваться», «бессловесный» → «неразумный, глупый, безумный», «без Бога» → «неразумный, глупый, безрассудный».

Литература

1. *Molnár N.* The Calques of Greek Origin in the Most Ancient Old Slavic Gospel Texts. Budapest, 1985.
2. Старославянский словарь (По рукописям X–XI вв.). М., 1994.
3. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1958.

4. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1999.
5. Словарь русских народных говоров. М.-Л., 1965—.
6. Этимологический словарь славянских языков. Прагославянский лексический фонд. М., 1974.
7. Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975.
8. Этимологический словарь русского языка. 1963.
9. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 2003.
10. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2007.
11. Словарь древнерусского языка XI—XIV вв. Л., 1984—.
13. *Срезневский И.И.* Дополнения к материалам для словаря древнерусского языка. Репринт издания 1895 г. М., 1958.
14. *Цейтлин Р.М.* Лексика старославянского языка. М., 1977.
15. *Buck C.D.* A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages.
16. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1998.
17. *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь русского языка. М., 1935—1940.
18. Словарь смоленских говоров. Смоленск, 1974.
19. *Меркулова В.А.* К истории становления народной медицинской терминологии. // *Slawisches Wortstudien. Sammelband des internationalen Symposiums zur etymologischen und historischen Erforschung des slawischen Wortschatzes.* Leipzig, 1972. Bautzen, Domovina—Verlag, [1975].
20. Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 1995.

*Калужский филиал МГТУ
им. Н. Э. Баумана*

Почему мы скорбим?

© А. С. ПОДЧАСОВ,
кандидат филологических наук

В статье рассматривается понятие «скорбь» в контексте Священного Писания Ветхого и Нового Заветов. В результате герменевтического исследования автор доказывает, что перевод на русский язык входящих в понятие «скорбь» греческих и древнееврейских слов далеко не всегда может передать заложенные в них смыслы, которые зависят не только от семантики переводимых слов, но даже в большей степени от контекста и ситуации, в которых эти слова употреблялись. На основе проведенного исследования, автором предлагается углубленное толкование понятия «скорбь».

Ключевые слова: скорбь, теснота, пытка, узы, межевая веревка, негодование, провокация, «червь в сердце».

The article examines the concept of «sorrow» as it is understood by Old and New Testament writers. The author proves that when we attempt to translate twenty or so Greek and Hebrew words used to express different dimensions of «sorrow», we inevitably lose important meanings of original words. It happens because those meanings depend to a great extent on the particular context of the narrative, the cultural setting of the Bible and the spiritual understanding of particular words. Applying the hermeneutic analysis of the text, the author provides an insightful interpretation of the concept of «sorrow».

Слова апостола Павла «но хвалимся и скорбями, зная, что от скорби происходит терпение», на первый взгляд, просты. Однако давайте задумаемся над тем, что мы понимаем под словом *скорбь*. Соответствует ли это тому, как понимается *скорбь* в Священном Писании?

Толковые словари русского языка определяют *скорбь* как «крайнюю печаль, горесть (книжн.), горе, несчастье и болезнь, страдание». Согласно словарю синонимов, *скорбь* стоит в одном ряду с такими словами, как *горе, сожаление, страдание, грусть, печаль, горечь*. Большая медицинская энциклопедия определяет *скорбь* как *проявление горя*.

В греческом языке понятие «скорбь» чаще всего передается словом *lupe*, которое означает прежде всего эмоциональное переживание боли и страдания от потери, утраты кого-то или чего-то дорогого и любимого.

Однако в своем послании к Римлянам апостол Павел употребил другое, менее употребительное слово *thlipsis*, которое использовалось для обозначения физической природы «тесноты» и имело семантику «давление, сжимание, стеснение». Это существительное произошло от глагола *thlibo* (жать, давить, сжимать, раздавливать), который появился в классическом греческом языке во времена Аристофана. В свою очередь, глагол происходит от корня *thleo*, который имеет значения «сжимать, давить». *Thlipsis* употреблялось, когда говорили о давлении оливок или винограда с помощью пресса. Однако в Новом Завете оно, как правило, встречается в метафорическом смысле (53 случая из 55) для обозначения сильнейших душевных переживаний, нервного напряжения, вызванных как внешними обстоятельствами, так и личными внутренними проблемами: «Такие испытания словно пресс выжимают из человека самое лучшее, словно сок из плода». Представить их тяжесть помогает тот факт, что *thlipsis*, помимо давления плодов, обозначало пытку, во время которой связанного человека клали ничком и затем медленно опускали ему на спину огромную каменную глыбу, пока тело не было раздавлено.

Thlipsis и *thlibo* использовались для перевода нескольких слов древнееврейского языка, но чаще всего *tsarah* и *tsar* (*теснота, узкость*, а в переносном смысле — *скорбь, беда, страдание*) [1. С. 456–473]. Заметим, что древнееврейскому языку свойственна конкретная образность. Поэтому неслучайно, что абстрактное существительное *скорбь* в нем просто отсутствует. Вместо него употребляются полтора десятка слов, которые на примере наглядно-действенных конкретных ситуаций передают различные значения этого понятия. Для примера рассмотрим пять из них: уже упомянутые нами *tsarah* и *tsar*, а также *chebel, itsabawn, ka'ac* и *yagown* (здесь и далее курсив наш. — А.П.): «Воззри, Господи, ибо мне тесно (*tsarah*), волнуется во мне внутренность, сердце мое перевернулось во мне за то, что я упорно противился Тебе» (Плач 1:20).

«Мне тесно» значит, что меня со всех сторон обступили тяжелые обстоятельства и я страдаю под их давлением. Сравним со словами царя Давида: «Помилуй мя, Господи, яко *скорблю* (*tsarah*): смятеса я ростию око мое, душа моя и утроба моя» (Псал. 30:9).

И в первом, и во втором примере употребляется слово *tsarah*, но для его перевода в Плаче Иеремии было выбрано слово категории состояния «тесно», которое точнее передает значение оригинала (в древнееврейском языке *tsarah* воспринималось вполне вещественно, как узкое место) — ощущение сдавливания, пресса. Как говорил о таких бесподлежащих конструкциях А.А. Потебня, «существо производит известное действие в природе или в человеке, берет его, охватывает...» [2. С. 319–320].

В то же время при переводе псалма использовано абстрактное понятие «скорбь». Об этом же состоянии мы читаем и в семнадцатом псалме: «В *тесноте* (*tsarah*) моей я призвал Господа, и к Богу моему воззвал» (Псал. 17:7).

Рассмотрим еще один пример: «Если ты в день *бедствия* (*tsarah*) оказался слабым, то *бедна* (*tsar*) сила твоя» (Притч. 24:10). В притче заключена та мысль, что если, оказавшись в «узком месте», т.е. в сложной ситуации, человек опускает руки, чем сам себя ослабляет, т.е. помещает в еще более тесное, узкое пространство. В словах Христа «узкие врата и тесен (*thlibo*) путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их», *thlibo* имеет именно это значение. Блаженный Августин отмечал: «Врата в Царство Небесное тесны не сами по себе, мы стесняем их для себя своей гордостью, а за тем мучаемся, что не можем войти, сетуем и раздражаемся препятствиями» [3].

Chebel — самое употребительное слово древнееврейского языка для передачи абстрактного понятия «скорбь». Оно имеет значения «узы, веревка, цепи, оковы, болезнь и т.д.», то есть все то, что ограничивает свободу человека: «Скрыли гордые сеть для меня, и *верви* (*chebel*) натянули, силки ногам моим» (Псал. 139:5).

В некоторых случаях *chebel* переводится словом *боль*. Сильная, нестерпимая боль, например такая, которую претерпевают женщины во время родов, пленяет человека, лишает свободы: «Как беременная женщина, при наступлении родов, мучится, вопит от *болей* (*chebel*) своих, так были мы пред Тобою, Господи» (Ис.26:17).

Обратим внимание на следующий пример: «Одержаша мя *болезни* (*chebel*) смертныя. И потоцы беззакония смятоша мя, и сети смерти опутали меня. *Болезни* (*chebel*) адовы обыдоша мя, предвариша мя сети смертныя» (Псал.17: 5–6). В данном случае под *болезнями смертными*, *болезнями адовыми* имеются в виду помыслы, которые подчиняют себе человека, лишают его силы и свободы. Кроме этого, помыслы настраивают людей друг против друга. Как пишет преподобный Максим Исповедник, «Самолюбие и плотское мудрование людей, отторгши их друг от друга, и криво истолковав закон, рассекло единое естество на многие части, и, введши в силу ныне всех об держашее жестокосердие, так

им настроением вооружило природу саму против себя т.е. людей друг против друга» [4].

Хочется отметить и другое значение *chebel* – «межевая веревка», т.е. в буквальном смысле – средство разделения земельной собственности, а в переносном – то, что, как и «болезни смертные», проводит границы между людьми, разделяет их, делает чужими друг другу: «За это, вот что говорит Господь: жена твоя будет обесчещена в городе, сыновья и дочери твои падут от меча, земля твоя будет разделена *межевою вервью* (*chebel*), а ты умрешь в земле не чистой, и Израиль непременно выведен будет из земли своей» (Ам. 7:17); «Так говорит Господь Бог: вот распределение, по которому вы должны разделить землю в наследие двенадцати коленам Израилевым: Иосифу два *удела* (*chebel*)» (Иез. 47:13). Межевание, разделение необходимо для избежания распрей, но при этом утрачивается полнота, целостность. Не случайно слово *chebel* – *межевая веревка* одновременно имеет значение «скорбь».

Слово *itstsabown* – встречается в Священном Писании всего три раза для обозначения тех страданий, которые терпит человек вследствие изменения своей природы после грехопадения. Такие страдания Е. А. Авдеенко называет «печалями» и дает им следующее определение: «печали это те страдания, которые служат ко спасению нам, это следствие грехопадения. Муж должен трудиться, женщина – в печалах рожать. То есть печали это страдание, когда мы понимаем его источник» [5]. «Адам уже сказал: за то, что ты послушал голоса жены твоей и ел от дерева, о котором Я заповедал тебе, сказав: не ешь от него, проклята земля за тебя; со *скорбью* (*itstsabown*) будешь питаться от нее во все дни жизни твоей; доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься» (Быт. 3:17).

Слово *ka'ac*, интересно тем, что может соединять в себе такие, на первый взгляд, несовместимые значения, как «скорбь» и «негодование, гнев, раздражение, провокация»: «Господь увидел, и в *негодовании* (*ka'ac*) пренебрег сынов Своих и дочерей Своих» (Втор. 32:19); «Ты поступал хуже всех, которые были прежде тебя, и пошел, и сделал себе иных богов и истуканов, чтобы *раздражить* (*ka'ac*) Меня» (3 Цар. 9:14).

Очевидно, речь в этих примерах идет не о привычных страстях, а об особом чувстве, в котором есть и сострадание человеку и неприятие его поступка, за который человек не может не быть наказан. Так, Господь испытывает «негодование», то есть *скорбь*, потому что его общение с «сынами и дочерьми» больше не возможно. Во втором примере речь не о привычном нам, человеческом гневе, а о гневе Бога, то есть прежде всего о том, что Бог испытывает внутреннюю боль, скорбь о человеке. Как говорит преподобный Иоанн Кассиан

Римлянин: «когда читаем о гневе или ярости Божией, то должны понимать не человекообразно, т.е. по подобию человеческого возмущения, а достойно Бога, который чужд всякого возмущения, именно так можем понимать, что Он есть Судия и отмститель за все, что неправильно делается в этом мире, и, боясь означаемого этими словами страшного возмездия за наши дела, должны опасаться сделать что-нибудь против Его воли» [6. С. 125].

Слово *yagown* происходит от корня *-yagah-* (горевать, убиваться, глубоко печалиться) и означает «внутренние обиды, огорчения, печаль», которые преподобный Нил Синайский называет «червем в сердце», потому что они подтачивают изнутри и могут довести до изнеможения и даже смерти [7. С. 68], например: «Доколе мне слагать советы в душе моей, *скорби* (*yagown*) – в сердце моем день и ночь? Доколе будет возноситься мой враг надо мной?» (Пс.12:3).

Скорбь (*yagown*) стала причиной того, что «душа стала как собрание, как совет, где толпятся помыслы, и каждый помысел подает свой голос, совет» [8]. В результате этого человек замыкается в себе и чувствует безысходность. Как говорит Е. А. Авдеенко, «это не психологическое состояние, как думает гуманистическая наука психология: это богооставленность, отлученность, безысходность. Это состояние замкнутости на себя, не нейтральное. Это состояние, когда враг превозмогает» [Там же]. То есть человеку, у которого душа стала «домом советов», невозможно помочь извне. Так, врачи на какое-то время могут помочь больному, давая ему лекарства, педагоги могут тормошить ученика, стараясь мотивировать его к учебе и иногда достигать на этом пути непродолжительного успеха, но если человек не захочет помочь себе сам, разомкнуть свою душу и принять помощь, он действительно и буквально останется в «безысходности», где, как в чеховской «Чайке», «холодно, холодно, холодно. Пусто, пусто, пусто. Страшно, страшно, страшно».

Итак, как мы видим, перевод около двадцати греческих и древнееврейских слов родным нам *скорбь*, далеко не всегда передает заложенные в них смыслы. Это объясняется тем, что значения этих слов зависят не только от их собственной семантики, но даже в большей степени от контекста и ситуации, в которых эти слова употреблялись. Подводя под все эти многочисленные слова общий знаменатель, мы бесконечно упрощаем то ценное содержание, ради которого и читаем Священные тексты. Как говорит профессор-архимандрит Ианнуарий (Ивлиев), «таких слов, которые “предательски” кажутся знакомыми, родными, не требующими пояснений, но которые, тем не менее, не отражают смысл оригинала или отражают его искаженно, – таких слов в Библии очень много» [9]. Несомненно, *скорбь* – одно из них. Для восполнения появляющегося при переводе смыслового вакуума, очевидно, требуются герменевтические толкования.

Литература

1. *Botterwerk J., Ringgren H.* Н-*J* Theological Dictionary of the Old Testament. 2003. Том 12.
2. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. М., 1968. Т. 3. С. 551.
3. Святое Евангелие от Матфея с толкованием святых отцов. М., 2010.
4. *Максим Исповедник.* Добротолюбие. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/prochee/dobrotoljubie_tom_3/15
5. *Авдеенко Е.А.* Тема «Каин» в современном мире. М., 2014. С. 13.
6. *Иоанн Кассиан Римлянин.* Сочинения. «О духе гнева». Кн. 8. Гл. 4. Изд. 2-е Афонского Русского Пантелеимонова монастыря. М., 1892; Мн., Харвест; М., АСТ, 2000.
7. *Dennis Farrell.* Examples and Principles of Psychology in the Bible. Redemption Press, USA, 2010.
8. *Авдеенко Е.А.* Враги Давида и враги Мессии. По книге Тегилем (Псалмы). М., 2014. С. 99.
9. *Ианнуарий (Ивлиев).* Проблемы библейского перевода. Режим доступа: <https://azbyka.ru/ivliev/>

МГУ им. М.В. Ломоносова

Истоки именника Н.В. Гоголя

© Г. Ф. КОВАЛЕВ,

доктор филологических наук

В статье рассматривается проблема биографизма творчества Н. В. Гоголя. На примере его героев представлены типажи его литературных произведений. Они тесно смыкаются с конкретными прототипами или протономенами, кого реально мог встретить в жизни сам писатель.

Ключевые слова: биографизм, прототип, литературный герой, персонаж, псевдоним, имена, фамилии, прозвища, русская литература.

This article is dedicated to the biographism of N. V. Gogol's literature heritage. The types of characters in his works are analyzed with regarding characters as the examples. They are closely related to the concrete prototypes or protonomens of those people, who could be met by the author in reality.

Key words: biographism, prototype, literature character, personage, pseudonym, first names, last names, nicknames, Russian literature.

Родословная Н. В. Гоголя интересна тем, что позволяет понять, откуда брались некоторые персонажи великого писателя. Предками Н.В. Гоголя были довольно известные и на Украине, и в России, и в Польше люди. По линии отца: полковник подольский, наказной гетман Правобережной Украины Остап Гоголь, упоминаемый в летописных документах XVII века; гетманы Петр Дорошенко и Иван Скоропадский; представители известных фамилий Танских и Лизогубов, в разные времена занимавшие высокое положение в казацкой иерархии, проявившие себя как на воинском, так и на дипломатическом поприщах, обладавшие и литературными талантами. «В одном из дальних ответвлений гоголевской родословной встретим и имя гетмана Ивана Мазепы, в родстве с которым был Матвей Трошинский, прадед Дмитрия Прокофьевича Трошинского, “казака-вельможи”, как назвал его Шевченко, министра и сенатора, приходившегося двоюродным дядькой матери писателя, Марии Ивановне. И любимая бабушка Татьяна Семеновна, урожденная Лизогуб, и благодетель семьи Трошинский, в имении которого в Кибинцах Никоша проводил много времени, были живыми хранителями памяти рода, семейного предания, неразрывно связанных с национальной памятью и историей» [1. С. 32–33].

Имя рассказчика в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» и в «Миргороде» связано с дедом Н.В. Гоголя — *Афанасием* Демьяновичем. В украинской огласовке *Афанасий* будет звучать как *Опанас*, что дает гипокористическую форму *Панько*. Понятно поэтому, откуда взялся рассказчик ранних произведений Н.В. Гоголя — *Панько Рудый*. Один из родственников Гоголя писал о книге, подписанной этим псевдонимом: «Мы весьма знаем, что присланная вами книга есть сочинение ваше». Эти слова, как писал П.А. Кулиш, «показывают, что многие лица и обстоятельства, представленные Гоголем в “Вечерах на хуторе”, были общеизвестны в его родном околотке: иначе каким бы образом там сделалось так рано известно, что под псевдонимом Рудого Панька скрывается Гоголь?» [2. С. 180–181].

Родословная Н.В. Гоголя проливает свет и на происхождение Остапа и Андрия в «Тарасе Бульбе»: «Остап Гоголь был на польской службе в числе многих и многих представителей казачества Украины, вошедшей в состав Речи Посполитой, позднее — Правобережной Украины, которую Москва вскоре же после Переяславских договоренностей “уступила” в 1667 г. Польше по Андрусовскому перемирию» [1. С. 33]. Да, Остап Гоголь сражался под командованием легендарного гетмана Петра Дорошенко, а потом участвовал в битвах под руководством польского короля Яна Собесского. Интересно, что в одном из документов *Остап* Гоголь фигурировал как *Андрей* [2. С. 86–87]. С.П. Шелухин, обобщив материал родословной Н.В. Гоголя и сделав акцент на факте причисления себя дедом писателя, Афанасием Демьяновичем Гоголем-Яновским к польской нации ради получения дворянства, писал: «Хотя это типичные явления в среде малорусского панства XVII и XVIII в., но сама собою напрашивается мысль, что Гоголь некоторые черты для Андрея взял из своих фамильных преданий. Гоголю эти отречения от народности были столь противными, что он отбросил от своей фамилии польскую приставку “Яновский”» [3. С. 90–91].

Ю. Барабаш справедливо полагал, что: «... утверждение о будто бы мучавшем Гоголя комплексе вины и покаяния из-за предка не подкрепляется ни единым примером или хотя бы косвенным намеком в его сочинениях, набросках, письмах. Напротив, есть говорящий о многом реальнейший факт совсем иного плана — выбор фамилии» [33].

В роду Гоголей-Яновских главной была вторая часть фамилии, идущая от священника Яна (Ивана) Гоголя. Бывший хутор Купчинский назывался *Яновщиной*, а большинство родственников — *Яновскими*. Сам Н.В. Гоголь, будучи в гимназии, именовался *Гоголем-Яновским* или просто *Яновским*. Известный русский историк и библиограф М. Лонгинов, у которого Гоголь в 1831 году был домашним учителем, вспоминал, что писатель с самого начала «сильно протестовал», когда дети, затрудняясь

двойной фамилией, называли его господином Яновским. «Зачем называете вы меня Яновским? – сказал он. – Моя фамилия Гоголь, а Яновский только так, прибавка; ее поляки выдумали» [4. С. 87].

Об отрицательном отношении писателя ко второй части своей фамилии вспоминал и Н.В. Кукольник [5. С. 74]. Впоследствии Н.В. Гоголь даже выскребывал вторую часть своей фамилии из своих ранних записных книжек. Эта подчистка, видимо, была связана с польским восстанием 1830 года. Тот же Ю. Барабаш замечает: «Приняв во внимание, какое значение Гоголь придавал именам, фамилиям, прозвищам своих персонажей и собственным литературным псевдонимам, пойдем, что имеем дело отнюдь не со случайностью или мимолетной прихотью. Писательское имя определилось не сразу, были романтический В. Алов, таинственный “0000”, подчеркнуто будничным Г. Янов, ернический Глечик, безмянный “дьячок Покровской церкви”, было и так, что вовсе никакой подписи не значилось (публикация стихотворения “Италия” в “Сыне Отечества”), но первая книга, “Вечера на хуторе близ Диканьки”, увидела свет под фамилией Гоголь» [1. С. 34].

В. Набоков, кажется, правильно соглашался с бытовавшим мнением о своеобразном псевдониме Н.В. Гоголя под его незаконченным романом: «Главы исторического романа подписаны “0000”. Четверка нулей, как говорят, произошла от четырех “о” в имени Николай Гоголь-Яновский. Выбор пустоты, да еще умноженный вчетверо, чтобы скрыть свое “я”, очень характерен для Гоголя» [6. С. 49].

Имя, за которым скрылся Н.В. Гоголь – *Панас* в сборнике «Вечера на хуторе близ Диканьки», посоветовал придумать автору П.А. Плетнев. Об этом сообщает П. Кулиш: «...он присоветовал Гоголю, на первый раз, строжайшее инкогнито и придумал для его повестей заглавие, которое бы возбудило в публике любопытство. Так появились на свет “Повести, изданные пасичником Рудым Паньком”, который будто бы жил возле Диканьки, принадлежавшей князю Кочубею» [7. С. 45].

Среди персонажей повестей цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки» поименованы не все, а лишь 104 (остальные 62 персонажа лишь упомянуты без ономастической номинации). Поскольку действие проходит на Украине, то и, естественно, что основной именник повестей исключительно украинский. Здесь употреблены характерные украинские формы православных имен: *Грицько (Григорий), Левко (Лев), Оверко (Аверкий), Петро, Петрусь (Петр), Омелько (Емелиан), Панас (Афанасий), Ганна (Анна), Гапка (Агафия), Оксана (Ксения), Ониська (Анисия), Парася (Параскева), Хвеська (Феодосия)* и др. Гоголь очень заботился о том, чтобы имена украинцев были реальными, он сам выбирал из богатого именного наследия украинского народа те имена, которые наиболее подходят его персонажам, его творческим замыслам.

Хутор *Диканька* – это литературное воплощение реального села Диканька с двумя (!) церквями. Название это происходит от *диких лесов*, да еще от диких кабанов, водившихся там (кстати, кабан по-польски – *dzik*).

Еще в Нежине, будучи гимназистом, Никоша Гоголь завел тетрадку «Книга всякой всячины», в которую он переписал из «Грамматики малороссийского наречия» А. Павловского раздел «Имена даемые при крещении». Неудивительно поэтому его просьба из Петербурга в письме к матери: «Прошу также, добрая и несравненная маминька, ставить как можно четче имена собственные и вообще разные малороссийские проименования».

Н.В. Гоголь многое брал для своего творчества из истории Украины. Например, В.В. Вересаев полагал, что «Для повести “Тарас Бульба” Гоголь пользовался сочинениями по истории, быту и нравам украинского казачества: “Описанием Украины” Боплана, “Историей Руссов” Гергия Конисского, “Историей о казаках запорожских кн. Мышецкого и др.”» [8. С. 29].

Н.В. Гоголь страстно любил украинский фольклор, особенно народные песни. Возможно, и отсюда писатель черпал свой оригинальный именник. П.А. Кулиш писал: «Приглашая своего земляка и знатока народной поэзии, О.М. Бодянского, на вечера к Аксаковым, которые он посещал чаще других вечеров в Москве, он обыкновенно говаривал: “упьемся песнями нашей Малороссии”, и действительно он упивался ими, так что иной куплет повторял раз тридцать сряду, в каком-то поэтическом забытии, пока наконец надоедал самым страстным любителям малороссийских песен» [2. С. 551–552]. Тот же П.А. Кулиш приводит список наиболее любимых Гоголем песен. Среди них эротическая песня

Казала Солоха прыйды,
Щось дам, щось дам...

[Там же. С. 552].

И уж не из этой ли песни и пришла любвеобильная Солоха в гоголевскую «Ночь перед Рождеством»?

Возможно, что некоторые сюжетные линии этой повести навеяны Гоголю творчеством его отца, Василия Афанасьевича. Дело в том, что Василий Афанасьевич был талантливым человеком. Свои творческие замыслы он реализовывал в комедиях на украинском языке, которые он сочинял и разыгрывал в домашнем театре своего родственника и соседа, бывшего министра юстиции, Дмитрия Прокофьевича Трощинского. Кроме всего прочего, Василий Афанасьевич был в этом театре еще и дирижером, и главным актером. Сцена Солохи и дядька у Гоголя-сына очень напоминает аналогичную сцену комедии Гоголя-отца «Роман и Параска». П. А. Кулиш приводит эту сцену, почти дословно благодаря пересказу, сделанному Марией Ивановной, матерью великого писателя [Там же. С. 96].

Проанализировав текст этой комедии, П.А. Кулиш верно отмечает: «Итак вот происхождение семинариста в “Сорочинской ярмарке”, Фомы Григорьевича, героя предисловий к “Вечерам на хуторе”, дьяка и великолепной Солохи в “Ночи перед Рождеством”» [Там же. С. 97].

Прозвища, употребленные Н.В. Гоголем в повестях, несут в себе не только яркий украинский элемент, но и изрядный заряд юмора: *Вискряк, Голопуцек, Коростявий, Пузатый Пацюк, Переперчиха, Цыбуля* и др. Фамилии не отстают в юморе от прозвищ, да они и сформированы на базе прозвищ: *Деркач-Драшпановский, Кизяколупенко, Ледачий, Свербыгуз, а также Шпونها, Курочка, Хлоста* и др.

Пузатый Пацюк — прозвище запорожца, поселившегося в Диканьке. О нем Н. В. Гоголь писал в повести «Ночь перед Рождеством»: «...Пацюк, несмотря на небольшой рост, в ширине был довольно увесист. Притом шаровары, которые носил он, были так широки, что какой бы большой ни сделал он шаг, ног было совершенно не заметно, и, казалось, винокуренная кадь двигалась по улице. Может быть, это самое подало повод прозвать его Пузатым». *Пацюк* же по-украински значит «крыса».

Загадочно имя *Басаврюка* — персонажа из повести «Вечер накануне Ивана Купалы». У Н.В. Гоголя это дьявол в людском обличье. В.А. Бушаков полагает, что «великий писатель, который глубоко знал богатства украинского фольклора и своеобразные народные обычаи, не выдумывал своего Басаврюка. Образ Басаврюка и его имя имеют параллели в мифологии других народов. Венгры верят в существование ведьм, которые называются *босоркань* (boszorkany) или *босорка* (boszorka). Они также особенно гадят людям именно на Иванов день. Венгерское название ведьмы заимствовали словаки и карпатские украинцы, ср. словацкие слова *bosorka* “чародейка, ведьма”, *bosorak* “волшебник” и *босурканя, борсуканя, пошурканя* “ведьма”, “ворожея” в бойковских говорах украинского языка» [9. С. 71].

Имя *Пульхерия Ивановна* — биографично. Оказывается, когда Н.В. Гоголь еще учился в лицее, он действительно встретился с женщиной, которая своим поведением его здорово насмешила, только звали ее *Пульхерия Трофимовна*: «Сцена сама по себе забавная, казалась для меня еще смешнее оттого, что сосед мой [Н.В. Гоголь. — Г.К.] передразнивал то Пульхерию Трофимовну, то заику, добавлял к их речам свои слова очень кстати и строил гримасы» [10. С. 51]. А кроме того Гоголь отдал Пульхерии Ивановне, которую звали еще и *Товстогубиха*, характер своей бабушки, Татьяны Семеновны, из семейства *Лизогуб*, а прозывали *Лизогубихой*. Да и супруг Пульхерии Ивановны *Афанасий* Иванович получил имя супруга Татьяны Семеновны *Афанасия* Демьяновича.

Исторический фон в этом цикле представлен следующими персонажами: царица *Екатерина II*, князь *Потемкин*, также упомянуты писатель *Котляревский*, поэт и композитор *Гулак-Артемовский*, гетман *Полтора Кожуха*, казачий гетман *Конашевич-Сагайдачный*, гетман *Хмельницкий*, князь

Безбородько (Безбородко – секретарь Екатерины II и крупный дипломат), пан *Степан*, князь *Семиградский* (польский король Стефан Баторий), а также французский поэт *Лафонтен*. В тексте повестей упомянуты и трое святых: святой *Пантелей*, великомученица *Варвара* и евангелист *Лука*.

На первый взгляд, такой образ, как *Тарас Бульба*, мог быть выдуманым. Однако же в киевском Летописце (за XVI–XVII вв.) есть такое упоминание: «1628. Козаки ради тягостей и озлоблений, не только им, но и церквам русским чинимых, обравши гетмана Тараса, побили множество поляков под Переяславом и потом примирились». Историк Н. Костомаров также говорил о гетмане Тарасе: «...поляки назначили над реестровыми казаками предводителем Грицка Черного, человека, преданного полякам; но самовольные казаки, собравшись в Сечи, избрали гетманом Тараса и двинулись на Украину». Конечно, Тарас Бульба не был списан с гетмана Тараса, да и чин ему Гоголь дал лишь полковничий, то есть не сечевика, а чин реестровых казаков, у которых было шесть полков.

Н.В. Гоголь не сразу пришел к имени *Бульба*. В первой редакции повести старый Тарас имел прозвище *Кульбаба*. В украинском языке Кульбаба имеет значение «одуванчик», есть это слово и в словаре В. И. Даля, и в Словаре русских народных говоров, причем в последнем имеет и еще одно значение: «неловкий медлительный человек» с пометой *курск*. [11. Вып. 16. С. 73]. Это прозвище не удовлетворило Н.В. Гоголя, как полагает Л.И. Колоколова, из-за слишком прозрачной русской семантики составляющих элементов: *куль* и *баба* [12. С. 127]. С этим трудно согласиться, поскольку не так уж и прозрачна истинная, тюркская подоплека этого имени: *qul* – «раб» и *baba* – «дед, отец (с почительностью)» [192, 242], то есть «раб предков». Так что, видимо, Гоголю помешала откровенная тюркскость данного имени, а не его народно-этимологическая прозрачность.

Поэтому *Кульбаба* был заменен на *Бульбу*. На первый взгляд, можно было бы бросить упрек Н.В. Гоголю (находились и такие исследователи), что он назвал «картофельным» именем человека, жившего в докартофельную эпоху. Но дело в том, что слово *бульба* существовало в украинском, белорусском, да и в диалектах польского языков задолго до ввоза в Европу и культивирования в ней картофеля. Это значение слова *бульба* оказалось уже вторичным, а первичным в этом заимствованном из латинского (*bulbus* – «луковица, клубень, лук, чеснок») через посредство польского языка (*bulba*) было значение «клубень, утолщение, пузырь», что хорошо укладывалось в габариты гоголевского персонажа.

Имена главных героев: *Тарас* из греч. *tarasso* – «возбуждать»; *Осман* (укр.) из *Евстафий* (из греч. *eu* + *statio* – «хорошо построенный, крепкий»); *Андрій* (укр.) из *Андрей* (из греч. *andrejos* – «мужественный»).

В повести очень много антропонимов, обозначающих запорожских казаков, но документально исторические среди них, как полагает А.И. Карпенко, только *Балабан*, *Шило*, *Колопер* [14. С. 153].

Имена интересовали Н.В. Гоголя всегда и везде. Так, Е.С. Смирнова-Чикина отметила, правда, без каких-либо ссылок: «Он всегда обращал внимание на встречающиеся ему фамилии: так, Чичикова он нашел на одной вывеске» [15. С. 121].

П.А. Кулиш отмечал, «что в Миргороде действительно существовали – разумеется, под другими именами – Иван Иванович и Иван Никифорович, поссорившиеся за гусака. Они впрочем ссорились и мирились неоднократно и нередко езжали в одном экипаже подавать друг на друга жалобу. Они находили удовольствие в том, чтоб их увещевали помириться и вовсе были чужды чувства злобы и вражды» [2. С. 181].

Правда, В.В. Вересаев очень возмущался нерусскостью фамилий русских персонажей у Гоголя: «И что за “русские” фамилии, – Яичница, Земляника, Коробочка, Петух, Сквозник-Дмухановский, Добчинский и Бобчинский, Держиморда, Неуважай-Корыто, Пробка, Доезжай-Недоедешь? Откуда столько украинцев в русской глуши?» [8. С. 64]. И в какой-то степени В.В. Вересаев прав. Хотя ряд из таких фамилий можно встретить и в русской среде. Вот только, по данным И.А. Королевой, в Смоленской губернии бытовали такие фамилии: *Бобошинский, Дмуховский, Петух* [16. С. 47, 59]. Кроме того, *Пробка, Неуважай-Корыто, Доезжай-Недоедешь* – не фамилии, а прозвища крестьян. Некоторые могли потом стать фамилиями, например: *Нечай > Нечаев, Незамай > Незамаев, Докучай > Докучаев, Заломай > Заломаев* [Там же. С. 148–149]. Но многие из перечисленных В.В. Вересаевым фамилий явно не украинского, а польского происхождения. А уж польской шляхты и мещан в российской провинции было довольно много, взять хотя бы такие известные фамилии, как *Пржевальский* (Смоленск) или *Циолковский* (Калуга).

Фамилию же *Плюшкин* обычно производят от *плюха*, но для Плюшкина, живущего паразитом, можно найти и другое прочтение. Дело в том, что предки Н.В. Гоголя служили Речи Посполитой, видимо, поэтому в семье Гоголей польский язык, как отмечает В.А. Десницкий, не был чужим [17. С. 105]. В письме к своей матери Н.В. Гоголь обращается: «Дрожайшая маминька!». Форма *дрожайшая* взята явно из польского языка, поскольку по-русски будет *дорог-*, по-старославянски – *драгъ* и только по-польски – *drog-*. На мысль о знании Н.В. Гоголем польского языка наталкивает его желание прочитать польский текст А. Мицкевича в оригинале, о чем он просил из Рима А.С. Данилевского (11 апр. 1838 г.): «Еще, пожалуйста, купи для (меня) новую поэму Мицкевича – удивительнейшую вещь: “Пан Тадеуш”. Она продается в польской лавке». Думается, очень хорошим этимологом для фамилии *Плюшкин* могло стать польское слово *pluskwa* – «клоп».

Интересно, что благодаря своей поэтической интуиции В.В. Маяковский пришел почти к такому же выводу:

А ты,
                   как был,
                                   такой и есть
 ручною вшой
                                   копошащийся Плюшкин.

(Плюшкин... 1928 г.).

А можно ли «расшифровать» фамилию *Собакевича*? Ведь Гоголь дает ему более «человеческое» обличие. В глазах и образной структуре Чичикова, который наблюдал за Собакевичем как приличный портретист, он выглядел так: «...фрака на нем был совершенно *медвежьего* цвета; ...*медведь!* совершенный *медведь!*». Да и назывался мифологический герой славянского язычества уже по-христиански, как и положено в русских сказках о медведе: «Нужно же такое странное сближение: его даже звали *Михаилом Семеновичем*» [Курсив наш. – Г.К.]. Сравните фольклорное *Михаил Потапович*, или некрасовское *Михаил Топтыгин*. Это внешний образ Собакевича, идущего от русского фольклора. А вот каков он внутри своей медвежьей шкуры?

На первый взгляд, и расшифровывать фамилию этого героя нет никакой нужды. Однако русский помещик все же носил бы фамилию *Собакин*. А тут непонятное: *Собакевич*. Если же разложить фамилию *Собакевич* по семантическим элементам, то выясняется, что таковыми являются: *собака* («сука») + *евич* («сын, потомок») = «*сукин сын*» [18. С. 143]. Интересно, что тот же смысл проскакивает у Гоголя в «Женитьбе». На ошибку Жевакина с яичницей Иван Павлович Яичница отвечает:

«Нет, кажется, вы не так поняли: это фамилия моя – Яичница.

Ж е в а к и н, *кланяясь*. Ах, извините, я немножко туговат на ухо! Я, право, думал, что вы изволили сказать, что покушали яичницы.

И в а н П а в л о в и ч. Да, что делать! Я хотел было уже просить генерала, чтобы позволил назваться мне Яичницын, да свои отговорили; говорят: будет похоже на “собачий сын”».

Да и сам Гоголь подтверждает собачью сущность Собакевича, его подлый характер, способный обляять всех и вся. Так, в поэме Ноздрев сказал Чичикову: «С тобой никак нельзя говорить как с человеком близким,.. никакого прямотушия, ни искренности! совершенный *Собакевич*, такой *подлец!*» (Курсив наш. – Г.К.).

Гоголь не объясняет фамилию *Манилова*, но косвенно показывает ее смысл через название деревни *Маниловки* и его обыгрыш в контексте: «Деревня Маниловка немногих могла заманить своим месторасположением» (Мертвые души. Т. 1. Гл. 2).

А как попал в список помещиков некий *Свиньин*? В сцене, когда П.И. Чичиков, заблудившись в дороге, спрашивает у Коробочки об окрестных помещиках, последняя называет и Свиньина: «Бобров, Свиньин, Канапатьяев, Харпакин, Трепакин, Плешаков». Фамилия *Свиньин* – не придуманная.

Она принадлежит известному человеку – Павлу Петровичу Свиньину. На первых порах пребывания Н.В. Гоголя в Петербурге тот «покровительствовал» никому пока не известному малороссу. «Покровительство» его заключалось в том, что очерк «Полтава», написанный Гоголем, был после небольшой переработки опубликован в издаваемом П.П. Свиньиным журнале «Отечественные записки» под подписью издателя, а повесть «Басаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала» – вообще без подписи автора. Как известно, П.П. Свиньин и стал, несмотря на разницу в возрасте, прототипом Хлестакова в комедии «Ревизор».

Да и, если присмотреться повнимательней, в этой комедии имена детей Земляники почти полностью (выпадает только Перепетуя) совпадают с именами детей семейства Гоголей-Яновских: *Николай* (ср.: *Никоша*), *Иван*, *Елизавета*, *Марья*.

При выборе фамилии и создании образа Копейкина Гоголь пользовался источниками песенного творчества, записанными П.В. Киреевским в Орловской губернии. Говоря о песнях, посвященных разбойнику Копейкину, издатель и редактор Песен, собранных П.В. Киреевским, П.А. Бессонов писал: «Предлежащие образы чрезвычайно любопытны еще и в том отношении, что вместе с преданиями, их окружающими, породили под пером Гоголя знаменитый рассказ о проделках необыкновенного Копейкина в “Мертвых душах”; герой является там без ноги именно оттого, что по песням оступился ногою (то левою, то правую) и повредил ее... (мы помним лично слышанные живые рассказы Гоголя на вечере у Дм.М. С[вербева])» [19. С. 105]. Вот фрагмент одной из песен о разбойнике Копейкине:

На славном острове на Стрижове...
Собирался вор Копейкин-сын
Со своим прибором со любимым, –
Со своим со шурином со Грибовым,
Со названным своим братом с Соколовым.

[Там же. С. 105–107].

Парадоксально, а может быть, и закономерно, что другой Копейкин был вполне реальным лицом при жизни Н.В. Гоголя. Вот как этот факт во время трагического наводнения, запечатленного А.С. Пушкиным в «Медном всаднике», описывал известный актер П.А. Каратыгин: «...на Петербургской стороне, по Каменноостровскому проспекту, был тогда дом какого-то Копейкина. Этот скряга сидел во время наводнения у себя на заборе, с багром в руках, и, пользуясь даровщинкой, ловил приплывающие к нему дрова. Иные несчастные, застигнутые водою на улице, искали спасения и карабкались на его забор, – и он не только не подавал им помощи, но с жестокостью спихивал их багром в воду. Этот

отвратительный скаред не остался, однако, без наказания: по приговору суда, он был посажен в тюрьму и лишен доброго имени» [20. С. 213].

Литература

1. *Барабаш Ю.* Гоголь и Шевченко. Антиномии национального сознания // Изв. АН. Сер. лит. и яз., 1996. № 1.
2. *Кулиш П.А.* Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. М., 2003.
3. *Шелухин С.П.* Гоголь и малорусское общество // Сборник, изданный Императорским Новороссийским университетом по случаю столетия со дня рождения Н. В. Гоголя. Одесса, 1909.
4. *Лонгинов М.* Воспоминания о Гоголе (по поводу его биографии) // Современник. 1854. № 3–4.
5. *Кукольник Н.В.* И.С. Орлай. (Из памятной книжки) // Лицей князя Безбородко. СПб., 1859.
6. *Набоков В.В.* Лекции по русской литературе. М., 1996.
7. *Николай М. (П. Кулиш).* Опыт биографии Гоголя. Пб., 1854.
8. *Вересаев В.* Как работал Гоголь. М., 1934.
9. *Бушаков В.А.* Образ Басаврюка в повісті М. В. Гоголя «Вечір проти Івана Купала» // Slavica та baltica в ономастиці України. Київ, 1999.
10. *Стороженко А.П.* Воспоминание // Гоголь в воспоминаниях современников. М., 1952.
11. Словарь русских народных говоров. М.—Л., 1965.
12. *Колоколова Л.И.* Лексико-семантические источники антропонимии в повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» // Русское языкознание. Киев, 1984. Вып.8.
13. *Баскаков Н.А.* Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979.
14. *Карпенко А.И.* О народности Н. В. Гоголя. Киев, 1973.
15. *Смирнова-Чикина Е.С.* Поэма Н. В. Гоголя «Мертвые души». Комментарий. Л., 1974.
16. *Королева И.А.* Словарь фамилий Смоленского края. Смоленск, 2006.
17. *Десницкий В.А.* Статьи и исследования. Л., 1979.
18. *Ковалев Г.Ф.* Ономастическое комментирование на уроках русской словесности. Воронеж, 2005.
19. Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1872. Вып. 10. С. 105.
20. *Каратыгин П.А.* Записки. Л., 1929.

Женские имена в прозе Василия Шукшина

© Е. Н. КАРТАШОВА

В статье рассматриваются особенности имянаречения женских персонажей В. М. Шукшина. Анализируются личные имена, отчества, фамилии, прозвища матерей, жен, девушек, одиноких женщин – героинь его произведений. Особое внимание уделяется связи семантики антропонимов с особенностями характера героинь, авторским и читательским отношением к персонажам.

Ключевые слова: имя, прозвище, фамилия, мать, жена, девушка, одинокая женщина, характер.

The article discusses the special features of V. M. Shukshin women's names. The author analyzes personal names, patronymics, surnames, nicknames mothers, wives, girlfriends, single women, heroines of works by V. M. Shukshin. Special attention directs on the connection of personal names with traits of the characters, author and readers' attitude to the characters.

Key words: name, nickname, surname, mother, wife, girl, single woman, character.

Имя – это средство идентификации персонажа. Ономастическое пространство в шукшинской прозе характеризуется непрерывностью. Это «непрерывный ряд “сельского” типа пространства» [1. С. 233]. Большой интерес к имени персонажей не случаен. Л.Т. Бодрова подчеркивает: «...выбор имени (реально – бытового и одновременно условно – литературного) и точное “попадание” в суть характера через яркую языковую формулу задает тон повествованию, делает ключевым ядро характера» [Там же. С. 240].

Г.Ф. Ковалев в своем исследовании отмечает: «В.М. Шукшин использовал только реальные имена. Его сестра Наталья Макаровна вспоминает характерные детали ономастической лаборатории писателя: “Односельчане нередко были героями его рассказов. Мама упрашивала Васю не брать сrostкинские фамилии, а то вот, например, как взбеленились сестры Любавины после выхода в свет романа “Любавины”. До Москвы дошли с жалобами, говорят, “чо попало пишет”. Если взять Гриньку

Малюгина или Пашку Колокольникова, то будь добрый, опиши их так, чтобы на себя были похожи, себя узнавали. А что образы собирательные, вымышленные, им в это верить не хочется, вот это и есть “чо попало”. Как-то Вася меня спрашивает, почему Люба Байкалова (средняя наша сестра) замуж не выходит, ведь давно вроде пора? Я говорю, она переписывается с тюремным заочником, он пишет ей хорошие письма, обещает после освобождения приехать в Сростки. И вот в фильме “Калина красная” Егор Прокудин освобождается от собственных пут и едет к заочнице Байкаловой Любове Федоровне. (Даже отчества не изменил.)” [2]. Фамилия героини киноповести «Калина красная» Байкалова географически обусловлена. Озеро Байкал – самое глубокое на планете, с крупнейшими запасами пресной воды. Можно проследить связь между семантикой фамилии и характером героини – ее чистотой, доверчивостью, глубиной чувств.

В ходе исследования нами было выделено четыре группы антропонимических единиц: личные имена, отчества, фамилии, прозвища матерей, жен, девушек, одиноких женщин.

Эмблематично, что матери в художественных текстах В. М. Шукшина не имеют личных имен, называются по отчеству (Михайловна в «Любавиных»), по фамилии (Кандаурова в «Письме») либо прозвищу, образованному от фамилии с помощью суффикса *-их* (Куделиха в «Калине красной»), что отражает национально-культурные традиции деревенского быта. Прозвище Куделиха (от *кудельница*, пряжа, прилежная работница [3. Т. II. С. 211]), возможно, обусловлено ремеслом героини или ее предков.

Имена замужних женщин сохраняют национальные традиции, важные для В. М. Шукшина. Как правило, героини с этими именами наделены положительными чертами характера: заботливые и преданные жены Нюра (Печки-лавочки), Анна (Нюся) (Светлые души), безответная страдальца Марья, загубленная мужем (Любавины), приветливая Марья Ермилова (Осенью).

Черты характеров героинь могут актуализироваться в произведениях В.М. Шукшина с помощью раскрытия семантики прозвища. Так, в рассказе «Беспалый» Клару муж ласково называет *Кларнет*, *Кларнетик*, создавая новую этимологию имени. И это прозвище оправдывается: кларнет – это деревянный музыкальный духовой инструмент, и Клара в рассказе оказывается бездушным, «деревянным» человеком, предающим мужа. «Духовой» и «душа» – родственные слова. Серега мечтает разглядеть в жене душевные качества. В рассказе появляется мотив иллюзии, обмана, в дальнейшем перерастающий в измену Клары. А ведь в традиционной этимологии *Клара* – «светлая, чистая, ясная» [4. С. 300].

Фамилия Клары – *Безменова*. Шукшин не случайно останавливается на этой фамилии, так как ее основа многозначна. Фамилия *Безменов*

характерна для жителей Зауралья. *Безмен* — «ручные весы с неравным рычагом и подвижной опорной точкой. (...) Вес на безмене не точен, почему он у нас в торговле запрещен» [3. Т. I. С. 66]. С помощью фамилии героини возникает сема «обман».

В рассказе «Залетный» героиня Нюра имеет прозвище Залошная, которое отражает черты ее характера — излишнюю впечатлительность, эмоциональность: залошно — «громко, суматошно, эмоционально» [5].

Автор выражает свое отношение к героям через сочетание антропонимов. Так, в рассказе «Чудик» злая и неприветливая жена брата зовется официально, по имени и отчеству — Софья Ивановна, что указывает на ее дистанцированность от деревенских родственников.

Фамилии героинь также не случайны, как, например, у жены слепого певца Мони Матрены Кондаковой в рассказе «В воскресенье мать-старушка». Фамилия *Кондаков* (греч. «церковный гимн») произошла от названия из Ветхого Завета [6. С. 172–173]. *Кондак* — «црк. краткая песнь во славу Спасителя, Богородицы или святого» [3. Т. II. С. 151]. *Матрена* от лат. *матрона* — «знатная женщина» [4. С. 315]. Она помогает мужу-кале нести песню в души людей.

Образ нелюбимой жены Феклы Кузовниковой в рассказе «Осенью» раскрывают ее имя и фамилия. «Грубое, короткое звучание слова “Фекла” контрастирует с его высоким буквальным значением “совершенство”. Кроме того, напрашивается ассоциация: “совершенство” и Кузовникова — “назвался груздем, полезай в кузов”, какая-то грубая, безнадежная итоговая завершенность» [1. С. 255]. Исследовательница подчеркивает, что «фамилия героя выполняет в рассказе Шукшина функцию подведения итога, завершения в подтекстовом значении образа» [Там же. С. 254]. Так, фамилия красавицы Марьи Ермиловой в рассказе «Осенью» от имени *Ермил* (от греч. *Гермес* — «посланник богов, покровитель торговли, красноречия, дающий богатство и прибыль» [4. С. 104]). «...У Марьи мать с отцом крепкие» [7. Т. 3. С. 140]. «О такой невесте можно только мечтать на полатах» [Там же. С. 139].

С помощью антропонима подчеркивается исключительность персонажа. Выделяются среди девушек с распространенными именами героини, чьи имена контрастируют с характерным для творчества В. М. Шукшина ономастиком: Элла (Эллочка) (Степкина любовь) из Воронежа, в которую влюбился незадачливый Степан, Тамара из Владимира, разбившая сердце Леньке (Ленька), гордая Майя Якутина (Страдания молодого Ваганова). Имя *Майя* имеет три источника происхождения: 1. Русс. нов. связывается с майскими праздниками. 2. Греч. Имя богини матери Гермеса. 3. Инд. Имя матери Будды, легендарной царицы [4. С. 310]. Фамилия *Якутина* не исконно русская, производная от скандинавского личного имени *Након* [6. С. 80]. Так автор подчеркивает возвышенность и отчужденность героини. Оппозиция имени и фамилии

героини (*Майя* – тепло, *Якутия* – холод) отражает поведение девушки: она то отдаляется от главного героя, выйдя замуж за талантливого физика, то вновь приближает его, присылая письмо с просьбой приехать. Не случайно с этими девушками связана тема несчастной любви героев.

Фамилии и имена одиноких женщин – вдов Нюры Чаловой (Капроновая Елочка), Нюры Завьяловой (Сураз) также не случайны. Имя *Нюра* – уменьшительная форма от канонического имени *Анна* – часто используется писателем, героини с этим именем вызывают симпатию у читателя. Фамилия *Чалова* производная от прилагательного, обозначающего масть лошади [6. С. 141]. Посредством этой фамилии подчеркивается нелегкая трудовая жизнь одинокой деревенской женщины.

Фамилия *Завьялова* от *завьять* – «завеять, занести снегом, песком, заглохнуть». О человеке – «быть занесенным, засесть, застрять где, стать в тупик» [2. Т. I. С. 581]. С помощью такой фамилии проявляется значение безысходного, тяжелого положения вдовы с двумя маленькими детьми в послевоенное время.

Характер героинь в произведениях В.М. Шукшина дополнительно раскрывается в их именах, отчествах, фамилиях.

Литература

1. *Бодрова Л.Т.* Малая проза В. М. Шукшина в контексте современности. Челябинск, 2011.
2. *Ковалев Г.Ф.* Избранное. Литературная ономастика. Воронеж, 2014. С. 15–16.
3. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2006.
4. *Суперанская А.В.* Современный словарь личных имен: Сравнение. Происхождение. Написание. М., 2005.
5. *Елистратов В.С.* Словарь языка Василия Шукшина: Около 1500 слов, 700 фразеологических единиц. М., 2001. С. 114.
6. *Унбегаун Б.* Русские фамилии. Пер. с англ. / Общ. ред. Б.А. Успенского. М., 1989.
7. *Шукшин В.М.* Собр. соч. В 3 т. / Сост. Л. Федосеева-Шукшина. М., 1984.

*Воронежский государственный
архитектурно-строительный университет*

Прасковья — Параша

© О. Л. ДОВГИЙ,

кандидат филологических наук

Статья, представляющая собой третью часть материала об истории существования в русской поэзии трех взаимосвязанных имен — *Прасковья*, *Полина*, *Параша*, посвящена имени *Параша*.

Ключевые слова: женские имена в русской поэзии, семантический ореол имени, *Прасковья*, *Параша*.

The article being the second part of the material concerning the existence of three interrelated names (*Praskovyia*, *Pauline*, *Parasha*) in Russian poetry, is dedicated to *Parasha*.

Key words: female Names in Russian Poetry, Name Semantisc, *Praskovyia*, *Parasha*.

Имя *Параша* формально является вторичным, уменьшительным от основного — *Прасковья* [1], однако поэзия наделяет его набором собственных семантических черт, позволяющих посвятить ему отдельную статью.

В поэзии 2-й половины XVIII века имя встречается часто и связано с семантикой радости, юности, резвости, естественности. *Параша* — всегда движение, часто пляска. Ключевой текст здесь — стихотворение И.И. Дмитриева 1795 года с припевом: «Пой, скачи, кружись, *Параша!* / Руки в боки подпирай! / Мчись в веселии, жизнь наша! / Ай, ай, ай, жги! припевай...». Параллели с василечком и соловьиным пением не случайны: «Мил, любезен василечек — / Рви, доколе он цветет; / Солнце зайдет, и цветочек... / Ах! увянет, опадет!.. / Соловей не умолкает, / Свищет с утра до утра; / Другу милому, он знает, / Петь одна в году пора...». *Парашина* юность столь же краткосрочна.

Скачущая, пляшущая *Параша* — эмблема быстротечной юности, беззаботного веселья. Поэзия XVIII века советует веселиться и пользоваться благами юности, не задумываясь о завтрашнем дне: «Кто, быв молод, не смеялся, / Не плясал и не певал, / Тот ничем не наслаждался; / В жизни не жил, а дышал...».

У Державина тот же мотив: «Белокурая *Параша*, / Сребророзова лицом, / Коей мало в свете краше / Взором, сердцем и умом...» (1798).

«Белокурая Параша», за которой «Амур летит», — это родственница жены поэта, Прасковья Михайловна Бакунина. Чтобы войти в поэзию в образе юной красавицы, Прасковье нужно превратиться в Парашу.

Поэзия XIX века, оставив Параше ее резвость и молодость, добавит и новые, не всегда не столь светлые, коннотации, продиктованные самой жизнью.

В истории России на рубеже XVIII—XIX веков были две молодые женщины, чья необычная судьба оказала влияние на развитие семантики имени *Параша*.

Первая героиня — Параша Жемчугова, выдающаяся актриса и певица, украшение шереметевского театра. В памяти народа ее история осталась в двух строчках: «Ты родилась крестьянкой, / Завтра будешь госпожа...» из популярнейшей песни «Вечер поздно из лесочку...», где рассказывается о встрече в лесу барина и крепостной крестьянки, ставшей впоследствии его женой. В народном сознании песня зовется «Песней Параша» или «Песней про Парашу» и существует во множестве вариантов. В одной из самых известных версий песня заканчивается так: «У Успенского собору / В большой колокол звонят. / Нашу милую Парашу / Венчать с барином хотят». Граф Шереметев был категорически против издания текста песни; впервые опубликована она была в 1818 году — после смерти графа и Параша.

Среди возможных авторов песни называют и Парашу. В сборнике народных поэтов, где опубликовано стихотворение, автора обозначили полным именем: «Прасковья Ивановна Кузнецова-Горбунова» [2]. Песня воспринималась как достоверный источник биографии Параша [3]. Пушкинская «Барышня-крестьянка» — своеобразный диалог с этой песней; она цитируется в произведениях А.Ф. Писемского, Д.В. Григоровича, Н.С. Лескова, Ф.К. Сологуба, рисующих картины народного быта [4].

У Параша для долгой жизни в памяти культуры было все необходимое: молодость, талант, жизнь, похожая на сказку; ранняя смерть. Параша была любима и награждаема при жизни (Екатерина, восхищенная ее игрой, пожаловала ей алмазный перстень; Павел подарил ей бриллианты), но еще большую любовь и славу она обрела после смерти. Мы еще встретимся с Парашей, когда перейдем к XX веку.

Теперь о другой знаменитой Прасковье — Параше. В 1804 году всю Россию потряс подвиг простой девушки Прасковьи Лупановой, пришедшей пешком из Сибири, чтобы просить царя помиловать ее ссыльного отца. Александр «простил виновного отца за подвиг детской любви» (Н.А. Полевой), а самой Прасковье пожаловал две тысячи рублей. Скромная девушка удалилась в монастырь, где вскоре (в 1809) и умерла от чахотки. Слава о «Параше-сибирячке» (как окрестила ее молва, сразу выбравшая подходящую форму имени) гремела по всей России

и за ее пределами. Первыми откликнулись французы: в 1806 году вышел роман С. Коттен «Елизавета Л***, или сибирские изгнанники», а в 1815 году – повесть графа Ксавье де Местра «Юная Сибирячка», оказавшая влияние на концовку «Капитанской дочки» [5]. Если у С. Коттен имя заменено на Елизавету, то у Местра, приехавшего в Россию в 1805 году и слышавшего историю от очевидцев в подробностях, героиня сохраняет имя *Параша*. Русские писатели занялись историей Парашы Лупаловой значительно позже.

В целом в начале XIX века имя *Параша* воспринимается как «низкое»: обозначающее крестьянку или служанку. Или просто бедную девушку. Амплитуда авторского отношения к героиням с этим именем – как мы увидим далее – широка: от иронии до глубокого сочувствия.

Героиня стихотворения Д. Веневитинова «Домовой» (1826), вероятно, крестьянка; в основе сюжета – ошибка, обман, метаморфоза. Стихотворение построено в форме диалога «испуганной» Парашы с матерью: «Что ты, Параша, так бледна?» / ”Родная! домовой проклятый / Меня звал нынче у окна. / Весь в черном, как медведь лохматый, / С усами, да какой большой! / Век не выдать тебе такого”. / “Перекрестися, ангел мой! / Тебе ли видеть домового?”... / “Параша! ты не весела; / Опять всю ночь ты пристрадала”. / “Нет, ничего: я ночь спала”. / “Как ночь спала! ты тосковала, / Ходила, отпирала дверь; / Ты, верно, испугалась снова?” / “Нет, нет, родимая, поверь! / Я не видала домового”».

Как скоро узнала Параша, кто реально скрывается под видом домового, и как долго она разыгрывала испуг, – остается решать читателю. Ситуация «Параша и домовой» очень напоминает коллизию «Домика в Коломне» «Параша и кухарка».

У Пушкина имя Параша встречается многократно и в разных контекстах.

В «Графе Нулине» дан классический образ комедийной Парашы-служанки: «Наталья Павловна раздета; / Стоит Параша перед ней. / Друзья мои, Параша эта / Наперсница ее затей; / Шьет, моет, вести переносит, / Изношенных капотов просит, / Порою с барином шалит, / Порой на барина кричит / И жлет пред барыней отважно. / Теперь она толкует важно / О графе, о делах его, / Не пропускает ничего...». Служанка Параша, шалющая с барином и явно имеющая над ним власть, – это отдаленный, комедийно сниженный отголосок реальных событий из жизни Парашы Жемчужовой, по воспоминаниям приобретшей неограниченное влияние на графа задолго до официального бракосочетания.

А вот Параша в «Домике в Коломне» уже не служанка, не крестьянка; это образованная барышня: «...Читала сочиненья Эмина. / Играть умела также на гитаре, / И пела: “стонет сизый голубок” / И “выду ль я...” и то, что уж постаре...». Для Пушкина выбор имени героя всегда определенный знак. Имя *Параша* – с одной стороны, продолжение введения

в поэзию «простых» имен, которые Пушкин очень любил; *Параша* следует за *Татьяной*. А с другой стороны, «повышение» имени (включение его носительницы в поэму в качестве героини) — продолжение традиции XVIII века, где имя *Параша* было поэтически полноправно. Не случайно так подробно рассказано о ее круге чтения и репертуаре: Параша воспитана на культуре XVIII века (не исключено, что среди песен, исполняемых ею, была и песня «Вечор поздно из лесочку...»). Пушкин определяет Парашу быстрым, легким (тоже под стать XVIII в.) словом *красотка* (именно так обращается барин к Параше в песне): «Параша (так звалась красотка наша) / Умела мыть и гладить, шить и плести; / Всем домом правила одна Параша; / Поручено ей было счеты весть, / При ней варилась гречневая каша...». Рифма «*Параша — каша*» — тоже из XVIII века.

В беловой рукописи уже упоминавшегося нами стихотворения «Белокрурая Параша...» Державин сделал шутивное примечание к 3–4 стихам: «Во угождение тех моих приятелей, кои недовольны бывают небогатыми рифмами, должно бы написать: “Как румяна бела каша / С майским, сладким молоком”. Но как я боялся, чтоб на очень сладкую мою Парашу мухи не садились, то и не употребил сей богатой рифмы» [6]. Державин не ввел в беловой вариант эту рифму, а Пушкин ввел. Параша генетически связана с XVIII веком: она быстра, сообразительна, естественна, обладает чарами, которым невозможно противостоять: «Косыночка крест-накрест иль узлом, / На тонкой шее восковые бусы — / Наряд простой; но пред ее окном / Все ж ездил гвардейцы черноусы, / И девушка прельщать умела их / Без помощи нарядов дорогих...». История с переодеванием, устроенная ею, — тоже в духе комедии XVIII века.

Параша из «Медного всадника» дает новое направление развитию семантики имени. Эту линию можно назвать *бедная Параша*. Она живет с матерью, бедной вдовой, как и героиня «Домика в Коломне». Наверное, она весела, расторопна, деловита, как и ее тезка: не случайно Евгений мечтает: «Параше / Препоручу семейство наше И воспитание ребят...». В каком-то смысле это идеальная героиня; мы не знаем ни одного ее недостатка, потому что ее не увидим. Не случайно она определена словом *мечта* («...его Параша / Его мечта...»). С первого упоминания она связана с разлукой («И что с Парашей будет он / Дни на два, на три разлучен...») и смертью («И внуки нас похоронят...»). Но разлучен он, как оказалось, навечно. Параша «Медного всадника» вносит в значение имени коннотации несбывшихся надежд, ранней смерти, вмешательства рока.

С легкой руки Пушкина имя начинает употребляться в поэмах, где получает новые функции: часто *Параша* заменяет какое-то другое имя и таким образом попадает в ряд условно-поэтических имен (таких как *Темира*, *Пленира* и т.д.).

В поэме М.Ю. Лермонтова «Сашка» Параша, заменяя имя *Варюша*, смягчает боль от воспоминаний: «Она звалась Варюшею. Но я / Желал бы ей другое дать название: / Скажу ль, при этом имени, друзья, / В груди моей шипит воспоминанье, / Как под ногой прижатая змея ... / Итак, для избежанья зла, мы нашу / Варюшу здесь перекрестим в Парашу...».

У И.С. Тургенева в поэме «Параша» (1843) замена объяснена неблагозвучностью имени *Прасковья*: «Ее Прасковьей звали; имя это / Не хорошо... но я — я назову / Ее Парашей...». Вышедшей замуж героине автор снова меняет имя: «Как ручеек извилистый, но плавный, / Катилась жизнь Прасковьи Николавны...», что не может не напомнить о переменах имени «старушки» Лариной, о которых шла речь в статье о Полине [7]. Поэма Тургенева насквозь пронизана пушкинскими реминисценциями; вероятно, что имя *Параша* тоже выбрано вослед Пушкину [8].

В стихотворении Тургенева «Федя» снова встречаем и имя *Параша*, и многочисленные переключки с Пушкиным: «“Живы ли братья? Родная жива ли? / Наша изба всё цела, не сгорела? / Правда ль, Параша, / в Москве, мне сказали/Наши ребята, — постом овдовела?” / — “Дом ваш как был — словно полная чаша, / Братья все живы, родная здорова, / Умер сосед — овдовела Параша, / Да через месяц пошла за другого”». Пушкинская ситуация здесь как бы вывернута: все беды оставлены в сослагательном наклонении, в вопросах; а домик цел, старушка мать жива-здорова; правда, сама Параша на время превращается во вдову, но со вступлением в новый брак благополучие восстанавливается.

В быту форма *Параша* в XIX веке считалась низкой: так звали прислугу. Была горничная с этим именем и у Пушкина: «Тебя теребят за долги, Параша, повар, извозчик, аптекарь ...». В романе М.Н. Загоскина «Искушитель» (1838) эта закономерность закрепляется как топос: «...француз начинает скучать и от нечего делать волочится за Парашею, горничной девишкою Софьи...».

Горничная Параша превращается в тип, которому Тургенев придумал ироническое название. «Вечер провел у некой мадам Виноградской, в которую когда-то был влюблен Пушкин...Мне она показала полувыцветшую постель, изображающую ее в 28 лет — беленькая, белокурая, с кротким личиком, с наивной грацией, с удивительным простодушием во взгляде и улыбке... немного смахивает на русскую горничную а-ля Параша. На месте Пушкина я бы не писал ей стихов...» (Полине Виардо, 3/15 февраля 1864). Снова переименование. *Мадам Виноградская* — это Анна Петровна, бывшая Керн. Уже в названии женщины по фамилии нового мужа сквозит ирония; а придуманный им словесный ярлык *а-ля-Параша* повышает градус иронии еще больше.

В 1840-е годы, когда в моду вошли сочинения, «воспевающие патриархальную простоту и нравственную чистоту героев из третьего сословия» (Н.А. Некрасов), русская литература вспомнила о Параше

Лупаловой. 17 января 1840 года в Александринском театре Санкт-Петербурга в бенефис В.Н. Асенковой была поставлена пьеса Н.А. Полевого «Параша Сибирячка. Русская быль в 2-х действиях с эпилогом». В том же году по ее мотивам была написана одноименная опера Д.Ю. Струйского (отметим игру совпадений: Параша Жемчугова исполняла оперные арии; Параша Лупалова стала героиней оперы). А.Н. Островский героине пьесы «Горячее сердце» (1868) дал имя *Параша*.

В поэзии XX века можно найти как минимум два сюжета, связанных с Парашей.

Сюжет первый связан с продолжением истории Парашы Жемчуговой и А. Ахматовой. В 1913 году в Петербурге была поставлена пьеса Ю. Беляева «Псиша» о судьбе русской крепостной актрисы Лизы Огоньковой, прообразом которой стала Параша. «Вам, прекрасные незнакомки, счастливые Парашин..., вашим подвигам, страданиям и успехам наши удивление – наши удивление и наша любовь», – такими словами открывается пьеса [9]. Это единственное встреченное нами употребление имени во множественном числе. Параша уникальна – но и типична.

Псиша, Психея как антонимические замены *Парашин* станут устойчивыми именами для сыгравшей эту роль Ольги Судейкиной, внучки крепостного крестьянина, «деревенской девки», превратившейся в «Колумбину десятых годов» (А. Ахматова). А Ольга – ближайшая подруга Ахматовой: «...ты один из моих двойников». Если Ольга – двойник Ахматовой, а Психея-Параша – двойник Ольги, то Параша оказывается двойником и самой Ахматовой: «Ты ли, Путаница-Психея, / Черно-белым веером вея, / Наклоняешься надо мной, / Хочешь мне сказать по секрету, / Что уже миновала Лету / И иною дышишь весной...». Сколько здесь «залетейских теней»? Только ли Ольги Судейкиной, уже действительно «миновавшей Лету» к моменту написания этих строк (хотя Ахматова об этом еще не знала)? Или еще и Парашин? Дальнейшие строки посвящения практически диктуют ответ: «Сплю – / мне снится молодость наша, / Та, его миновавшая чаша...». Рифма *чаша-наша* ведет за собой третью – «Параша»: «Что бормочешь ты, полночь наша? / Все равно умерла Параша, / Молодая хозяйка дворца...». Не забудем, что написана «Поэма без героя» в Фонтанном доме, где более 25 лет жила Ахматова и где в 1803 году умерла Параша. Вспоминая, что послужило первым толчком для рождения «Поэмы без героя», Ахматова записала: «В дело вмешался и сам Фонтанный Дом... Белый (зеркальный) зал, где пела сама Параша для Павла I...» [10].

В символической системе Ахматовой Параша – это молодость; и самой Парашин (она и просто молода в момент своей смерти, и молода как хозяйка дворца: венчание ее с графом состоялось совсем недавно), и Ахматовой, и Ольги Судейкиной. Кроме молодости, с именем *Парашин* для Ахматовой неразрывно связаны любовь, искусство, смерть. Судьба

Параши – один из кодов поэмы, из ключей к ее чтению. Параша – через ближайшую подругу, через Фонтанный дом – оказывается навсегда связанной с Ахматовой.

И судьба дала этому эффектное подтверждение. Еще при жизни Параша по ее желанию в Москве был заложен Странноприимный дом, достроенный графом Шереметевым в память о жене. С 1923 года это Институт им. Н.В. Склифосовского. Именно там прощались с Ахматовой, умершей 5 марта 1966 года. Со свода купола с фрески Доменико Скотти смотрела Параша, изображенная в виде ангела с бубном. А после отпевания в Успенском соборе Петербурга (том самом, где в песне венчается Параша!) траурный кортеж по просьбе Л.Н. Гумилева нарушает запланированный маршрут и сворачивает к Фонтанному дому.

Сюжет, связанный с именем *Параша*, есть и у И. Бродского. В 1968 году он пишет стихотворение: «Весы качнулись. Молвить не греша, / ты спятила от жадности, Параша. / Такое что-то на душу, спеша / разбогатеть, взяла из ералаша, / что тотчас поплыла моя душа / наверх, как незагруженная чаша... / Параша, равновесию вредит/не только ненормальный аппетит, / но самое стремленье к равновесью... / Параша, ты отныне далека. / Возносит тяготение к прелюбам. / И так как мне мешают облака, / рукой дындып сложимши перед клювом, / не покажу вам с другом кулака / и ангелов своих не покажу вам. / Прощай, Параша! Выключив часы / здесь наверху, как истинный сиделец / я забываю все твои красоты, / которым я отныне не владелец, / и зрю вблизи полнощные Весы, / под коими родился наш младенец».

По мнению А.М. Ранчина, здесь налицо «самоидентификация лирического героя с Евгением – женихом несчастной Параша из поэмы “Медный Всадник”» [11]. Но «несчастливым» лирический герой выглядит из-за того, что «спятившая от жадности» Параша покинула его с «другом». В «Медном всаднике» причина расставания совсем иная. На наш взгляд, здесь скорее можно найти параллели с деловитой, циничной, балованной Парашей из «Графа Нулина» или домовитой героиней «Домика в Коломне». Бродский, как и Пушкин, был очень внимателен к выбору имен; и генезис имени *Параша* в стихотворении заслуживает отдельного рассмотрения.

Именем *Параша* поэт обозначает свою «роковую женщину» (Марину Басманову), продолжая традицию замены реального, слишком большого, имени условным (см. выше о поэме Лермонтова). Замену имени мы отмечали и в поэме Тургенева, с которой есть и просто текстуальные совпадения в последней строфе: во-первых, одинаковая первая фраза «Прощай, Параша!»; во-вторых, вынесенное в рифму слово *часы*. Отмеченные параллели требуют дополнительного анализа; но в литературе о Бродском связь с поэмой Тургенева до сих пор не отмечалась. Отметим

и астрологическую точность: сын Бродского и Басмановой действительно родился под созвездием Весов – 8 октября.

Бродский, видимо, на сегодняшний день последний русский поэт, продолживший идущую от XVIII века традицию употребления формы *Параша* в стихах, во всем ее семантическом разнообразии.

В целом эта форма имени имеет сегодня скорее отрицательную популярность ввиду созвучия с низким предметом. И хотя любительские стихи, посвященные Параше Жемчуговой, изредка появляются в интернетном пространстве, вряд ли в ближайшее время имя войдет в моду в жизни и поэзии.

Литература

1. Довгий О.Л. Прасковья // Русская речь. 2016. № 5.
2. Поэты из народа. Избранные стихотворения русских народных поэтов / Сост. К.А. Хренов. М., 1902. С. 7–8.
3. Кузмин А.И. У истоков русского театра. М., 1984. С. 60.
4. Медриш Д.Н. «Песня Параша» и повесть о барышне-крестьянке // Московский пушкинист: Ежегод. сб. М., 1997. Вып. IV. С. 38–50.
5. Тахо-Годи М.А. «Капитанская дочка» Пушкина и «Молодая сибирячка» Ксавье де Местра // Дарьял. 2004. № 2. Владикавказ.
6. Державин Г.Р. Сочинения / С объяснит. примеч. Я. Грота. В 9 т. СПб., 1864–1883. Т. 3. С. 737.
7. Довгий О.Л. Полина // Русская речь. 2017. № 1.
8. Бельская А.А. Поэтоним «Параша» у А.С. Пушкина и И.С. Тургенева // Учен. зап. Орловского гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 1. С. 147–152.
9. Беляев Юрий. Псиша. Пьеса в 4-х действиях с прологом. СПб., 1914. С. 13.
10. Демидова Алла. Ахматовские зеркала. Электронный ресурс. Код доступа: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/kritika/demidova-ahmatovskie-zerkala/ahmatovskie-zerkala-2.htm>. Свободный.
11. Ранчин А.М. «На пиру Мнемозины»: Интертексты Иосифа Бродского. М., 2001.

МГУ им. М.В. Ломоносова

Этимологические связи славянской метеорологической лексики

© Т. В. ГОРЯЧЕВА

В статье предлагаются версии этимологизации восточнославянских метеорологических терминов, как исследованных ранее, так и представленных в этимологических словарях с пометой «неясно» или рассматриваемых впервые. Рассмотрены новг. *брыздохек* «начало утра, рассвет», блр. диал. *кошна* «мокро, сыро», укр. *белелюжити* «о плохой погоде», рус. диал. *скибердина* «большая льдина», твер. *начемерзь* «толстый лед на полой воде», северодвин. *мисенец* «мелкий дождь», олон. *забурмачивать* «темнеть, покрываться тучами».

Ключевые слова: этимология, диалекты, мотивационная модель, русский, украинский, белорусский языки, восточнославянские языки, метеорологические термины, реконструкция, праславянский язык.

This article suggests etymologies for several meteorological terms in East Slavic languages. Some of them have already been investigated, others have not been etymologized before, or they are tagged as «unclear» in etymological vocabularies. Eight sketches are given: to Russian dial. (novgor.) *bryzдохек* «a daybreak, a dawn», to Byelorussian dial. *koshna* «It's damp, wet», to Ukrainian *belelyuzhiti* «about bad weather», to Russian dial. *skiberdina* «a big ice-floe», to Russian dial. (tversk.) *nachemerz* «a thick layer of ice on the flood-water», to Russian dial. (severodvinsk.) *misenets* «drizzle», to Russian dial. (olon.) *zaburmachivat* «to darken, to becomeclouded».

Key words: etymology, dialects, motivational model, Russian, Ukrainian, Byelorussian, East Slavic languages, meteorological terms, reconstruction, Proto-Slavic.

В новгородских говорах русского языка записано слово *брыздохек*, в значении «начало утра; рассвет»: «Утром только *брыздохек*, а мама уж помазиши печет» [1. Т. 1. С. 93]. В этимологических словарях слово отсутствует. На наш взгляд, оно может восходить к глаголу

*брыздать < *bryzgati, продолжениями которого является рус. *брызгать* «быстро отбрасывать или выбрасывать мелкие частицы жидкости», «опрыскивать», а в укр. *брызкати* «брызгать» [2. Т. 1. С. 98], диал. *брызкати* «отскакивать, отлетать» [3. С. 14], блр. *брызкаць* «кропить» [4. С. 36; 5. Вып. 3. С. 66]. Праслав. *bryzgati — «звукотподражат. образование, вариантное к *pryskati (см.)». Вероятно, здесь или чередование *-zd- / -zg-*, как в глаголах *пущать / пустить* — *-sk- / -st-*, или же диалектная замена *z / d*, например, новг. *брызбѣк* «отборное зерно злаковых культур» [1. Т. 1. С. 93] от *bryzg; русск. *брызг* — «лучшее веское хлебное зерно, в числе вороха, отбираемое на семена» [6. Т. I. С. 324]; также блр. диал. *збрызнуць* соверш. «взойти»: «Як сонца паднимаецца, дак у нас кажуць: “Збрызнула сонцэ”» [7], а также рус. диал. *забрызг* «всполох на небе»: «Когда в Иван Купала забрызги есть, мёд собирают» [8], новг. *разбрызгивать* «наступить (о рассвете), забрезжить» [1. Т. 9. С. 83].

Менее вероятное, но допустимое объяснение *брызбѣчек* из *брезг* «наступление рассвета» под влиянием глагола *брызгать*. Смещение основ **brězg-* и **bryzg-* возможно, например, рус. диал. *выбрезжить* «брызнуть» [9], новг. *брѣзжѣть* «медленно идти (о дожде)»: «Чуть-чуть брезжи-то дождик» [1. Т. 1. С. 861].

К новг. *брызбѣчек* «начало утра, рассвет» относится, видимо, онеж. *брыздать* «казаться» (ср. *brězga II: рус. диал. *брѣзга* «рассвет», «что-либо показавшееся, почудившееся, видение» [5. Вып. 3. С. 18]).

Составители Украинского этимологического словаря дают к укр. *брызбѣк* (в выражении *на брызбѣку*) «вот-вот, сейчас» с помету «неясно» [10. Т. 1. С. 272]. О.Н. Трубачев относил слово к праслав. *brězgzь «рассвет»: «Не совсем ясно, относится ли сюда укр. *брызбѣк* в выражении “вот-вот, сейчас” (Гринченко I, 103)» [5. Вып. 3. С. 19]. Нам кажется, что такое отношение к праслав. *brězgzь правомерно, так как «рассвет» связано с понятием «рано»; *на зарях* «чуть свет» [11. Вып. 11. С. 14]; *ранѣть* (псков., твер.) «светать, наставить дню, утру, ранку» [6. Т. IV. С. 59]. Интересно, что наречие *рано* в соединении с наречиями времени означает «в начале временного периода, обозначаемого наречием», «в начале, в первой стадии [т.е. “вот-вот, сейчас”. — Т. Г.] какого-л. периода времени (ожидаемого, обычного, условленного и т.п.)» [12. Т. III; 5. Вып. 32. С. 191] — s.v.**orno / *rano*. Здесь переплетаются значения метеорологические и временные, метрические.

Сочетание временного понятия и метеорологического находим в слове *гроза* «гром и молния, туча с грозой, с громом, молнией и дождем или градом... *влд.* давно, долго, много тому времени. *Он уже грозá ушел*» [6. Т. I. С. 397].

В значении «мокро, сыро» записано в гродненских говорах белорусского языка наречие *кѣшна*: «Кѣшна на дворѣ, ус’ей дз’ен’ дождж ишоў» [13. С. 216]. Это наречие может быть образовано от прилаг.

*кошный < праслав. *košъnъjь, «производного с суф. -*ъnъ* от глагола *kositi I...» [5. Вып. 13. С. 197], продолжением которого, в частности, является рус. диал. *кошной*, *кошный*, «удобный для косьбы, легко косимый» [11. Вып. 15. С. 153], а также *кошенйна* и *кошанйна* в значении «скошенная, но еще не высушенная трава» [Там же. С. 147]. Развитие значений, согласно этой версии, могло быть следующее: «трава, удобная для косьбы, увлажненная росой» — «сыр(ой)ая». Ср. укр. диал. *кошовиця* «мокрая заболоченная низменность» [14].

Однако может быть и другая версия происхождения блр. диал. наречия *кошна* — образование от прилаг. *кошный < праслав. **košъnъ(jь)* (<*košъnъjь) в значении «*сырой», восходящего к корню **kъs-*, связанного с корнями **kъs-*, **kvas-* с количественным чередованием гласных. От корня **kъs-* образованы прилаг. *kъsъnъjь «медлительный, поздний», для которого предполагается эволюция «кислый, прокисший» — «поздний», ср. «семантическую аналогию лат. *serum* “сыворотка”, *serēscō* “скисать (о молоке)” ~ *sērus* “поздний”» [5. Вып. 13. С. 246–247]. В этом случае праслав. *košъnъjь первоначально значило «кислый», затем развилось значение «сырой». Ср. праслав. *kuša, производное от корня **kъs-* (см. *kъsati, *kъsiti, *kъsnfti) с суф. -*j-*, производные которого — укр. *кiша* ж.р. «слякоть, мокрая погода», «дождь» [15], болг. *кишъ* «слякоть, дождливая погода», сербохорв. *kiša* «дождь» и т.д. [5. Вып. 13. С. 277].

Авторы «Этимологического словаря украинского языка» помещают глагол *белелюжити* «о плохой погоде» в статью на *белюга* «гнилая кровь, сукровица», считая происхождение обоих слов неясным [10. Т. I. С. 165]. Связь значений «гнилая кровь, сукровица» и «плохая погода» вполне закономерна. Ср. подобную сочетаемость значений у продолжений праслав. *mъzga / *mъzgъ — рус. диал. *мзга* «сырая промозглая погода» [11. Вып. 18. С. 151], то же и «гниль, тля; трухлявость, дряблость, затхлость; плакса» [6. Т. II], *мозга* «гной» [15] также рус. диал. *кровь* в значении «вода от таяния снега весной. Нижегород., Слов. Акад. 1926» [11. Вып. 15. С. 271].

Слово *белелюга*, возможно, восходит к *белюга < праслав. *běluga, продолжения которого — рус. *белюга* «чистиковая рыба» (пск.), «жерех», «чайка» (новг.), «беловатая почва, подзол» (новг.), *белюги* мн. «местность с почвой из белой глины» (пск.); «большие волны с белыми гребнями» (арх.), укр. *білюга*, диал. *biluha* «рыба уклейка», болг. диал. *белюга* «белая почва», с.-хорв. *белуга* «белая свинья», словен. диал. *bel(j)úga* «белая корова», словц. *beluha* «название животных и растений белого цвета», польск. диал. *białuga* «иловатая почва» [11, 5, 16]. При этом нужно допустить удвоение, как, например, в рус. диал. *галилея* «участок несошенной травы на покосе» при *галейя* «непропаханное или незасаенное место в поле» [17. Т. III. С. 10], *белелильня*, и, ж. [удар.?] фольк. Баян [?].

«На мыльне, на белелильне. Сватулька умывалася, Вечерняя прибиралася. (песня). Дмитров. Орл. 1905» [11. Вып. 2. С. 209].

Сукровица, или рус. диал. *пасока* обозначает кровь светлую, желтоватую: «Кровь состоит из светлой, желтоватой пасоки и из крупной печенки... У низких животных (насекомых, слизняков) кровь пасочная, белёсоватая» [6. Т. II]. Продолжения праслав. **běľь(jь)* могут обозначать не только предметы, животных, птиц, рыб и т.д. конкретно белого цвета, но и голубого (ср. словац. *bilavy* прилаг. «голубой» [5. Вып. 2. С. 63]), желтого, красного (ср. болг. диал. *бѣл'овица*, *бѣй'овица* «сорт крупной сливы с желтыми или красными плодами» [18], ср. также *белёсый* «кофейного цвета» (о масти животного). Вешен. Ростов., Никулин) и *бѣлики*, мн. «поля, почва которых состоит из смешения глины с известью. Перм., Бурнашев» [11. Вып. 2. С. 211, 213].

В «Словаре русских народных говоров» приводится слово *скибердѣина*, в значении «большая льдина» [Там же. Вып. 37. С. 213], в форме *скибардѣины* и значении «единичные названия льдин» слово представлено в Диалектологическом атласе русского языка [19]. Оно еще не исследовалось в этимологической литературе.

В Этимологическом словаре белорусского языка встречаем блр. диал. *скабардзѣна* «кошей (худой человек)» (Касп.), где это слово, согласно этимологии Лаучюте, считается балтизмом (она выводит его из лтш. *skabardzigs* «острый, проникающий» < *skabarda* «щепка, осколок, заноза». Балтийские лексемы восходят к корню **skabh-* «обрывать; скоблить», в славянских языках родственными являются **skoblъ*, **skobl'a* и их дериваты [20. Вып. 12. С. 97].

Однако представляется возможным толкование слова *скабардзѣна* от праслав. **skaborъ* и дальнейшее преобразование с помощью позднейшего вставного экспрессивного *-д-*: т.е. **скабард > скабардзѣна*. Праслав. **skaborъ* образовано от корня **skab-* «драть, чесать, колоть», ср. лит. *skōbti*, *skabiū* «скрести, срывать», к нему же восходит, согласно В. Меркуловой, рязанское название ежевики *ска́бор* < **skab-or(ъ)*, для слова **skaborъ* ею реконструируется значение корня как «острый, колкий», далее она рассматривает как очень близкое по форме и значению прилаг. *скабристый* (кашин.) «сильно исхудалый», возводя его к праслав. **skabristъjъ* [21].

Нам кажется, что блр. *скабардзѣна* и рус. диал. *скибардины*, *скибердѣина* можно отождествить, предположив, что первоначальная форма названия льдин была **скабардина*, которая подверглась изменениям под влиянием рус. слова *скиба* «ломоть», заимствованного, по мнению Фасмера, через польск. *skiba* «то же» из др.-в.-нем. *sciba* «ломоть» [22. Т. III. С. 639]. Подтверждением этого отождествления служит блр. *скабурка*, которое означает застывшую корку земли: «Подмерзло, то як ступіш на ралі — скабуркі пад нагамі крышацца» и восходит, по мнению В. Меркуловой, также к корню **skab-* с другим суффиксом [21]. Можно предположить,

что с переходом *sk- > x- образовано колым. *хабур* «лед, обнажившийся из-под снега поздно весной», приведенное П.Л. Маштаковым [23. Вып. 3. С. 298].

В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» включено слово *мержа* – «замерзшая вода»: «Той же осени бысть вода велика и выломи ледом ночь мержею у великого мосту 7 городень и Жилопут мосток снесе [24. Вып. 9. С. 96]. В этом же словаре представлено слово *ночмержа* (*ночьмержа, ночьмержа*) – «лед, образующийся во время ночных заморозков»: «И той же осени бысть вода велика и выломи ледом *ночьмержею* [вар. *ночьмержею*] у великого мосту 7 городен [*ночмержею* – Новг. IV лет., 435]»; «И в море... льды стоять большие, а межъ льдами учали быть *ночмержи*, льды тонкие» [Там же. Вып. 11. С. 431].

В «Словаре русских народных говоров» зафиксированы слова *начёмерзь* «толстый лед, который образуется на полой воде» и *начимёрза, ы, [ж?]* «выморозок на льду; наслуз» [11. Вып. 11. С. 283, 287], возможно, сюда же *начимёр* (неточная запись?) «тонкий осенний лед на реке до ледостава» [17. С. 189]. Нам кажется, что слова *начёмерзь, начимёр* и *начимёрза* можно протимологизировать как образования с префиксами *на-* и *чи(е)* (экспрессивными) от сущ. *мерзь, мёрза*, ср. *зámерзы* «первое осеннее непогоде – мокрый снег, дождь. Влад.» [11. Вып.10. С. 291]. Экспрессивный префикс *чи-* выделяется в таких, например, словах, как русск. новосиб. *чйквас* «плохой квас», укр. *чйчмаря* «мелкий дождик», укр. *чимáлый* «порядочный, довольно большой, значительный», *чихвáлиться* «хвалиться, бахвалить, тщеславиться» и т.д. [25. С. 65]. Можно предположить, что диал. вариант *начёмерза* (в данном случае должно быть *начимержа) предшествовал ст.-рус. *ночмержа*, который был преобразован в связи с ложной этимологизацией как сочетание слов *ночь* и *мержа*. Ср. рус. диал. *намёржить* «покрыться льдом, намерзнуть» [26. Вып. 3. С. 353].

Впрочем, возможен и другой путь: *начимёрза* – диалектное преобразование ст.-рус. слова *ночмержа*, т.к. экспрессивная приставка *чи-*, вероятно, более поздняя, чем запись этого слова.

В северодвинских говорах в 1928 году было записано слово *мисенец* со значением «мелкий дождь» [11. Вып. 18. С. 176]. Оно входит в круг преимущественно севернорусских названий мелкого дождя и не привлекало ранее внимания этимологов: *бусенец, бусенец*, «мелкий частый дождь. Волог., Перм., Вят. ... мелкий, сухой снег. Яросл., 1847 // *Бусенец* [удар.?.] Густой туман. Tobол., ИРЯЗ АН СССР» [Там же. Вып. 3. С. 303], *домовец* «мелкий дождь» [26. Вып. 1. С. 483], *росинец* «мелкий осенний дождь. Псков., Осташк., Твер., 1855» [11. Вып. 32. С. 183], *богунец* «морозящий дождь» [17. Вып. 1. С. 130].

Слово *мисенец* может быть образовано с суфф. *-енец*, как от существительного *мес*, которое представлено в «Словаре русских народных

говоров» в выражении *мес месить* «вторично вспахивать поле. Калин., 1940» [11. Вып. 18. С. 124], так и от глагола *месить* в значениях «1. перех. месить хлебushки, месить тесто. Моск., 1933; 2. перех. собирать сено или хлеб в стог. Бурят. АССР, 1968. 3. перех. второй раз пахать поле перед посевом ржи. Холм., Пск., 1911; Осташк. Твер.; 4. перех. бить, колотить кого-либо. Пск., Осташк. Твер., 1855. Йонав. Лит. ССР. 5. неперех. причинять неприятности» [Там же. Вып. 18. С. 125], в селигерских говорах *месить* записано в значении «бить, ударять. О граде. В Талицы град был, всё огородное помясило, сильно мясило, а у нас града не было. Торгоп. [27. Вып. 3. С. 274–275]. Ср. *смесить*, сов., перех. «побить, иссечь (градом)»: «Один раз крупный был град, все смесил (волосов. Ленингр. 1974» [11. Вып. 38. С. 366]. О дожде также говорят: «Дождь все смесил» (записано мною. — Т.Г.). Любопытно также в связи с этим болг. *смэсено време* «холодно» [28].

Интересно также значение рус. диал. *месить* «плясать с частушками», возвратный глагол *меситься* значит «двигаться, ходить на ограниченном пространстве туда и сюда. Пск., Осташк., Твер., 1855 ... возиться, ворочаться, барахтаться. Арханг., Бельск., Смол., Копаневич» [11. Вып. 18. С. 126].

Однако, возможно, как уже упоминалось, образование *мисенёц* от *мес* в гипотетическом значении «мучная пыль, мука», ср. рус. диал. *мэседка* «мучная пыль, которая оседает на полу, стенах и других частях мельницы. Борович., Новг., 1923–1928» [Там же. С. 124–125]; «отруби. Костром., 1896, Яросл.» [6], *месеніна* «корм для домашнего скота или птицы, представляющий собой смесь муки с мякиной; месиво» [26], *месніка* «высевки, отруби; хлеб из отрубей, на квас или для скота. Пск., Твр.» [6. Т. II. С. 369], *месітка* «овсяная мука, которой посыпают корм скоту» [11. Вып. 18. С. 125], *месітка* «мучная пыль от ржи, ячменя и т.д., добавленная в пищу поросенку» [29], *замэска* «мука для замешивания хлебного теста. Пск., Осташк., Твер., 1885» [11. Вып. 10. С. 241], а также *измісье* «дрянь, остатки чего-либо. Новг., 1898» [Там же. Вып. 12. С. 146].

Однако нельзя не учесть и то, что у слова *мес* может быть также значение «*грязь» (ср. *месэлица* «вязкая, топкая грязь. Ппск., Твр.» [6. Т. II. С. 965], *месіга* «вязкая грязь на дороге. Охан., Перм., 1930» [11. Вып. 18. С. 125], которое могло дать значение «*сырость».

Глагол *забурмачивать* приведен Г. Куликовским (с пометой Мош. оз.) в значении «темнеть, покрываться тучами» и в контексте «Небо стало что — буде *забурмачивать*» [30]. Этимологию этого слова мы уже рассматривали ранее как образование от **бурмак* в неясном значении, родственное укр. диал. *набурму́ситься* в значениях «надуться, нахмуриться, насупиться» и «нахмуриться, покрыться облаками (о небе)», истолкованного как интенсив к праслав. **bьrnotati*. В архангельских говорах *бурмасить* означает «долго и надоедливо говорить что-либо, ворчать,

брюзжать, ныть», а в ярославских «говорить во сне; бредить», которые относятся к тому же **bъrmotati*, **bъrmiti*. Развитие значений у гипотетического **бурмачитъ* определено нами как переход от значения «*сердиться, ворчать» к «супиться, хмуриться» и, далее, к значению «темнеть, покрываться тучами» [31].

Однако расширение круга русских лексикографических источников за счет выхода новых диалектных словарей позволяет выдвинуть иные версии происхождения глагола *забурмáчивать*, например слово *бурмáк* в значении «ком грязи» [17. Вып. 1. С. 19], к которому может восходить глагол *забурмáчивать* «темнеть, покрываться тучами». С семантической точки зрения блр. диал. *замáзацица* «затянуться тучами» [32. Т. 2. С. 106], рус. диал. *закалэнить* «покрыться тучами, облаками (о небе)» [33], чеш. *kalit se* «мутнеть, загрязняться», «темнеть, тускнеть»: «*Obloha se kalí*» «небо хмурится»; также рус. диал. *зámози* (< *замази?*) «перистые облака»: «Аблька *замызи* к ненастью» [34. Т. 4. С. 90], интересно также рус. диал. *сорить* неперех. «моросить (о дожде)»: «Сорит (дождь), словно с решета» [11. Вып. 40. С. 15].

Аникин приводит в Словаре с пометой «неясно» слово *бурмáк* II «ком грязи» далее он помещает там же *бурмáк* III «вол» с пометой тамб., «Возможно, из *бурнáк*, к *бурнастый* II. Ср. также *бурый*» [16. Т. 5. С. 177]. Возможно, *бурмáк* II «ком грязи» также из *бурнáк* и связано с *бурый*.

Здесь же, вероятно, можно отнести рус. ряз. *бурость* «негодные старые вещи, рухлядь; хлам»: «Трипыйó, дрáнии батинки, лыскуты — йэта и йесеть бурáсть, панáшуму» [35]. В Словаре Алтая встречается *бурый день* «пасмурный, ненастный день» [8. Т. I. С. 113], словин. *b'uroxa*, *-x'i* «название бурой коровы», «темная туча, предвещающая дождь».

Забурмáчивать может восходить и к **бурмáк* < *бурдак*, приводимому Аникиным *бурак* IV «сильный, порывистый ветер, чаще со снегом или с дождем» в значении «грозовая дождевая туча», этимологизируемому как заимствование из прибалтийско-финского *pyru* «метель, вьюга, пурга», причем допускается влияние слов *буря* и *буран* [17. Т. 5. С. 147]. При этом необходимо допустить изменение *д* в *м*, что возможно при освоении заимствованного слова, например, *забурдáчить* безл. «задождить» [Там же. Т. 4 С. 19], а также, возможно, *затурмáчить* «затянуть небо тучами»: «*Затурмáчило*, скажут, когда все серое, тучами затянуто» [26. С. 221]. Здесь следует предположить замену *б/т* и *д/м*.

Слово **бурмак* может также восходить и к **бурьнакъ* (если предположить изменение *-н-* в *-м-*), от **bura* / **bur'a* с суфф. *-ьнакъ* или от **бурьнъ* с суфф. *-акъ*, как **бурьникъ*; болг. диал. *бурник* «сильный ветер» с суфф. *-ьникъ* от **bura* / **bur'a* или с суфф. *-икъ* от **бурьнъ* [5. Вып.3. С. 100]. В новгородских говорах встречается *забурутъ* «1. безл. затянуться тучами — о небе; 2. подуть, подняться»; «Ветер что-то опять забурил» [1. Вып. 3. Ст. 1993]; в брянских *бурутъ* «о ненастной погоде с сильным дождем

и ветром»; «Бурила-бурила, да апяць нѣтинула, нима даждя» [36. Вып. 2. С. 24].

Версия происхождения глагола *забурмачивать* от *бурмак* «ком грязи» кажется, однако, более приемлемой, чем другие изложенные нами.

Литература

1. Новгородский областной словарь. Новгород, 1994.
2. *Гринченко Б.Д.* Словарь украинского языка. Київ, 1908.
3. *Колесник І.С.* Матеріали до словника діалектизмів українських говорів Буковини. Київ, 1959.
4. *Носович И.И.* Словарь Белорусского наречия. СПб., 1870.
5. Этимологический словарь славянских языков. М., 1974—.
6. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2006.
7. Белорусская мова і мовазнаўства. Мінск, 1976.
8. Словарь русских говоров Алтая. Барнаул, 1993—1998.
9. Архангельский областной словарь. М., 1980—.
10. Етимологічний словник української мови. Київ, 1982.
11. Словарь русских народных говоров. М.-Л.; СПб., 1965—.
12. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935—1940.
13. *Сцяшковіч Т.Ф.* Слоўнік Гродзенскай вобласці. Мінск, 1983.
14. *Марусенко Т.А.* Матеріалы к словарю українских географических апеллятивов (названия рельефов). М., 1986.
15. Словарь русских говоров Приамурья. М., 1983.
16. *Аникин А.Е.* Русский этимологический словарь. М., 2007. Т. 1.
17. Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А.К. Матвеева. Екатеринбург, 2005.
18. *Хитов Х.* Речник на говора на с. Радовене, Врачанско // Българска диалектология. Проучавания и материали. София, 1979. Кн. IX. С. 227.
19. Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. М., 1996. Т. III. С. 245.
20. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Рэд. В.У. Мартынаў. Мінск, 1978—. Т. 1.
21. *Меркулова В.А.* Восточнославянские этимологии III. Этимология. М., 1983. С. 64—65.
22. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1986—87.
23. *Маштаков П.Л.* Материалы для областного водного словаря. Л. 1931.
24. Словарь русского языка XI—XVII вв. М. 1975—.

-
25. *Горячева Т.В.* Этимологические заметки // *Этимология* 1980. М., 1982.
  26. *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей* / Гл. ред. А.С. Герд. СПб., 1999.
  27. *Селигер: Материалы по русской диалектологии. Словарь.* СПб., 2003—. Вып. 1.
  28. *Koseska U.* Bułgarskie słownictwo meteorologiczne na tee ogólnopolskim. Wr.-W.-Wa, Kł.-Gdańsk, 1972.
  29. *Тематический словарь говоров Тверской области.* Тверь, 2004.
  30. *Куликовский Г.* Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898.
  31. *Горячева Т.В.* К этимологии славянских метеорологических терминов // *Этимология* 1982. М., 1985.
  32. *Тураўскі слоўнік.* Мінск, 1982–1987.
  33. *Словарь русских говоров территории Мордовской АССР.* Саранск, 1978—.
  34. *Словарь смоленских говоров* / Под ред. А.И. Ивановой. Смоленск, 1974.
  35. *Ванюшечкин В.Т.* Словарь русских народных говоров рязанской меширы. Воронеж, 1983.
  36. *Словарь брянских говоров.* Л., 1976. Вып. 1.

*Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН*

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 11-04-00470 «Славянское слово: праязыковая реконструкция, формальный и семантический анализ».

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Редакция журнала «Русская речь» принимает статьи в размере не более 10 страниц с аннотацией и ключевыми словами на русском и английском языках (размер шрифта 14, через полтора компьютерных интервала).

Плата за публикацию с авторов не взимается.

Рена и ее «родственники»

© Л. А. БАРАНОВА,

кандидат филологических наук

В статье анализируются пути распространения и способы формирования названий репы, брюквы и турнепса в русском языке и его диалектах, а также в других языках.

Ключевые слова: этимологический анализ слов «репа», «брюква», «турнепс», межъязыковые сопоставления.

The ways of spreading and methods of formation of the names of turnip and rutabaga in Russian language and its dialects and also in another languages are analysed in the article.

Key words: etymological analysis of the words «turnip» and «rutabaga», translingual comparisons.

«Посадил дед репку, выросла репка большая-пребольшая...» — кто с детства не помнит эту сказку и иллюстрации к ней? Правда, многие теперь и знают репу только по этой картинке — она, увы, не очень популярна ныне. Но хотя бы по картинке всем известно, что это округлой формы корнеплод желтого цвета. А теперь представим себе, что сказку эту решили перевести на другой язык и затем иллюстрировать. Нарисует ли иностранный художник, прочитавший сказку уже на своем родном языке, то же самое, что и русский художник? Ведь у репы есть и весьма близкие родственники — брюква и турнепс. И если в русском языке для каждого из этих овощей есть собственное наименование, то в некоторых языках они имеют общее название. Так, в английском (*turnip*), испанском (*nabo*), да и в латинском (*Brassica rapa, napus*) языках наименования репы являются также и родовыми наименованиями для других видов семейства крестоцветных — брюквы и турнепса.

Рена, одомашненная человеком около сорока веков назад, — древнейшее огородное растение. На русской земле она возделывается едва ли не со времен возникновения земледелия. В «Этимологическом словаре русского языка» А. Преображенский отмечает, что старославянская форма слова *рѣпа* встречается уже в «Изборнике» 1071 года. Откуда же появилось слово *репа* в русском языке? Ответы на этот вопрос весьма разноречивы. Во многих языках существуют сходные по звучанию названия репы, однако,

привода и сравнивая их, авторы этимологических словарей приходят к разным выводам:

1. «Общеславянское, известное во многих индоевропейских языках» [1].
2. «Общеславянское. Того же корня (с перегласовкой), что лат. *rapum*, др.-верхненем. *ruora* и т.д.» [2].
3. «Слово старое, соответствия звуковые не совсем ясны; может быть, исконное родство, но скорее заимствования из какого-либо, вероятно, неиндоевропейского языка, независимые одно от другого» [3. Т. 2].
4. «Вероятно, древний странствующий культурный термин неизвестного происхождения» [4. Т. 3].
5. «Полагают, что это слово в индоевропейских языках пришлое, заимствованное, причем источник заимствования неизвестен» [5. Т. 2].

Приведенные в указанных этимологических словарях названия репы, сходные по звучанию в разных языках, могут быть представлены несколькими примерами из современных европейских языков: *rapa* — итал., *rave* — франц. (наряду с *navet*), *Rübe (Runkelrübe)* — нем. и др. При этом следует отметить, что в ряде языков названия репы могут относиться не только к самой репе, но и к другим сходным по форме корнеплодам. Так, в сербском языке *repa*, а в чешском *rěpa* — это и репа, и свекла; в болгарском языке *rypa* — это редька, *repичка* — редис, а для наименования репы добавляется определение «сладкий» — *сладка rypa*; определение «красный» добавляется к слову *repa* в словенском языке, но для обозначения свёклы — *rdeča repa*.

Репа, как и морковь, была одним из первых корнеплодов, которые человек научился употреблять в пищу еще в доисторические времена. Родиной этого растения считаются Европа и Западная Азия. «До появления в России картофеля репа была самым распространенным видом овощей и так же, как редька, входила в повседневный рацион крестьянского населения. Репу ели и в сыром виде, но чаще парили — ставили в русскую печь в закрытом глиняном горшке, и она запекалась там в собственном соку, “распаривалась”. Ели пареную репу обычно с квасом. Пареная репа была также и наиболее частым “постным” блюдом. Не случайно в одном из антицерковных сатирических произведений XVIII века — “Калязинской челобитной” — монахи жалуются на своего архимандрита, который заставляет их есть “репу пареную да редьку вяленую”. Обыденность репы, простота ее приготовления, так же, как и ее дешевизна, вошли в пословицы и поговорки: *Репой да брюквой люди не хвалятся; Капуста да репа брюху не крепя; Пареная репа из избы выживет; Служил семь лет выслужил семь реп (да и тех нет)*. Из всех таких деталей и выросла переносная семантика русского выражения о пареной репе» [6].

Пареная репа существует в двух вариантах: «*Проще / дешевле пареной репы*». В Словаре Даля встречается и более развернутая форма второго варианта: «*Дешевле пареной репы задаром отдают*» [7. Т. 2]. Аналогичное выражение о дешевизне пареной репы существует и в белорусском языке:

«Танней параной рэпы». В русских говорах встречаются и другие наименования репы: «В некоторых севернорусских говорах репу называют яблоком: “Репа — наши северные яблоки, надо посеять ее в Иванский канун”. Наблюдается устойчивость словосочетания северное яблоко для названия репы: “Ванька угостил северным яблоком”» [8].

В отличие от репы, широко использовавшейся в пищу, родственный ей *турнепс* — исключительно кормовая культура: «Турнепс — растение семейства крестоцветных, с мясистым утолщенным корнем, идущим на корм скоту; кормовая репа» [9]. Предназначение данной культуры отражено в ее составном наименовании в ряде языков, где слово со значением «кормовая» сочетается с названием репы: *Futterrübe* (нем.), *nabo forrajero* (исп.), *rapa de forajjio* (итал.), *rzepa pastewna* (польск.), *křmna repa* (словацк.), *крѣмна ряпа* (болг.), *сточна репа* (сербохорв.).

В английском языке, из которого название этой кормовой культуры и пришло в русский язык, слово *turnip* является родовым наименованием всех корнеплодов из семейства крестоцветных, а также видовым наименованием репы. В староанглийском языке репа называлась *naep*, постепенно это слово преобразовалось в *nep*, затем в *neep*, потом в *nip*, позднее к нему добавилась часть *turn* в значении «круглый, округлый». В таком виде оно зафиксировано в английском языке, по данным словарей, уже в 1525–35 годах [10, 11].

Название данного растения было заимствовано из английского (прямо или через другие языки) целым рядом языков: *турнепс* (рус., укр.), *турнэпс* (белорус.), *турнепо* (португ.), *turnep(s)* (франц.), *turnéps* (румын.), *turnepsis* (латыш.), *turnipsi* (финск.). В русском языке это заимствование зафиксировано уже в Словаре Даля: «Турнепс — растение турнепа, рутабога, Brassica asperifolia, порода репы, которою за границей кормят скот». Там же приводится второй вариант наименования данного растения: «Рутабага — растение турнепс, турнепа, Brassica asperifolia» [7. Т. 4]. Однако в большинстве этимологических словарей русского языка конца XIX–XX в. слово *турнепс* не отмечено.

Издавна выведен и гибрид репы и капусты — *брюква*. Сходное название данная овощная культура имеет также в ряде других славянских языков: *брюква* (болг.), *бруква* (укр.), *бручка* (белорус.), *brukiew* (польск.), *brukey* (чешск.), *brukva* (словацк.).

Следует заметить, что слово *брюква* отмечено лишь в нескольких этимологических словарях русского языка. В качестве языка-источника, из которого данное название проникло в русский язык, исследователи достаточно единодушно называют нижненемецкий диалект, разнятся лишь мнения о том, было ли это заимствование прямым, либо через посредство других языков. Так, в словаре М. Фасмера указан лишь непосредственный источник заимствования: «*Брюква* — Brassica campestris — первоначально *брукы. Заимствовано из нижненемецкого *wrūke*» [4. Т. 1]. Другие авторы указывают на посредническое участие в процессе заимствования также

польского и украинского языков: «Заимствовано из нижненемецкого диалекта *brûke*, *wrûke* — через польский, малороссийский» [3. Т. 1]; «Заимствовано, по-видимому, через посредство украинского языка из польского. Польское *brukiew* представляет собой переоформление нижненемецкого диалектного *brûke*, *wrûke*, заимствованного из итальянского языка. Итал. *rusca* восходит к латинскому *brassica eruca* — «вид капусты». Форма *брюква* возникла под аналогическим влиянием слов типа *тыква*» [1].

В этих словарях, а также в словаре В.И. Даля приводится весьма обширный ряд диалектных вариантов именования брюквы, среди которых обращает на себя внимание группа названий, указывающих на иноземное происхождение данной овощной культуры: *немка*, *шведка*, *голландка* (*голанка*, *голань*, *галанка*, *ланка*). Подобные указания встречаются и в других языках. Так, в английском наряду с основным названием *rutabaga*, заимствованным из шведского диалектного *rutabagge*, имеется также вариант *Swedish turnip* (*шведская репа*), поскольку, как указано в словаре, данная культура была завезена в Великобританию из Швеции [10]. В русских диалектах также встречается слово *рутабага*, но уже как название турнепса.

Литература

1. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971.
2. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. М., 1994.
3. Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. В 3-х томах. М., 1910—1914.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х томах. М., 1986.
5. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2-х томах. М., 1994.
6. Мокиенко В.М. Образы русской речи. Историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии. Л., 1986.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1980.
8. Лутовинова И.С. Слово о пище русской. СПб., 2005.
9. Словарь русского языка. В 4 т. / АН СССР, Институт русского языка; Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. IV. М., 1988.
10. Random House Unabridged Dictionary. Second Edition — New York, 1997.
11. Chambers Etymological English Dictionary. New York, 1997.

Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского
Симферополь